Nové tendencie MLADÁ RUSISTIKA a trendy V

BRATISLAVA

2018

Univerzita Komenského v Bratislave
Filozofická fakulta
Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy V

2018

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy V

Editori:

Mgr. Michal Mikuláš • Mgr. Miroslava Danišková • Mgr. Lizaveta Madej

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave

Recenzenti:

prof. PhDr. Anton Eliáš, PhD.
prof. PhDr. Mária Kusá, CSc.
doc. Mgr. Irina Dulebová, PhD.
doc. Marina Vazanova
Mgr. Nina Cingerová, PhD.
Mgr. Ivan Posokhin, PhD.

Obálka:

Ing. Marek Blaho

Grafická úprava:

Mgr. Martin Krajčík

© Univerzita Komenského v Bratislave, editori a autori textov

Vydavateľstvo: STIMUL, Bratislava 2018

ISBN 978-80-8127-229-5

EAN 9788081272295

Zborník s názvom Mladá rusistika – nové tendencie a trendy V pozostáva z príspevkov účastníkov jubilejnej 5. bratislavskej konferencie mladých rusistov, ktorá sa konala dňa 27. apríla 2018 na Katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave.

Príspevky zborníka podliehajú licencii CC BY-NC-SA (Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 – Uvedenie autora-Nekomerčné použitie-Rovnaké šírenie)

POĎAKOVANIE

Týmto by sme chceli poďakovať za spoluprácu, cenné pripomienky a užitočné rady recenzentom a všetkým, ktorí sa nejakým spôsobom podieľali na organizácii konferencie a tvorbe zborníka.

Editori a organizačný výbor konferencie

OBSAH

Predslov **4**

I. Literárnovedná sekcia **6**

Архетипы города, дома и дороги в поэме «Мёртвые души» Н. В. Гоголя 8
Галина Прокудина

Война глазами женщины. Художественные и публицистические работы Н. А. Лухмановой периода русско-японской войны..... 21
Татьяна Владимировна Левицкая

Константин Вагинов – на рубеже двух миров..... 29
Хеди Анна Шипош

К вопросу об альтернативности и вариативности исторических событий Второй мировой войны, описанных в произведениях русских писателей: С. Гансовского, А. Лазарчука и С. Анисимова 37
Яна Гутёва

II. Translatologická sekcia **45**

Retour vo svetovej translatológii 46
Miroslava Danišková

Виктор Суходрев, или Человек посередине 54
Елизавета Мадей

III. Sekcia dejín a kultúry **63**

(Politický) život po živote – Lenin a mauzóleum..... 64
Sylvia Mičíková

IV. Lingvistická sekcia **80**

Терминология акционерных рынков, образованная от наименований, обозначающих фауну..... 81
Филип Калаш

Transformácia frazeologizmov v politickom diskurze 89
Andrea Spišiaková

Языковая игра в медиатекстах 96
Павлина Ткач

PREDSLOV

Konferencia Mladá rusistika – nové tendencie a trendy v tomto roku oslávila piate jubileum. Už od roku 2012 je jej hlavným cieľom ponúknuť generačnú platformu mladým vedcom, podporiť ich vedecko-výskumnú činnosť a prostredníctvom nadväzovania osobných kontaktov na medzinárodnej úrovni aj vzájomnú spoluprácu v oblasti vedy. Predkladaný zborník predstavuje sumár odprezentovaných výsledkov výskumu doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov pochádzajúcich z piatich krajín (Slovensko, Česko, Maďarsko, Rusko a Bielorusko), ktorí sa dňa 27. apríla 2018 zúčastnili jubilejného V. ročníka bratislavskej konferencie mladých rusistov.

Účastníci konferencie mali už tradične možnosť prezentovať svoje príspevky v štyroch sekciách. V literárnovednej sekcii sa autorky zamerali na rôzne témy – od archetypov mesta, domu a cesty v Mŕtvych dušiach N. V. Gogoľa, cez literárne a publicistické práce N. A. Luchmanovovej z obdobia rusko-japonskej vojny či krátke prozaické diela Konstantina Vaginova, až po otázku alternatívnosti a variantnosti historických udalostí 2. svetovej vojny, ktoré vo svojich dielach opísali S. Gansovskij, A. Lazarčuk a S. Anisimov.

Príspevky v translatologickej sekcii sumarizovali problematiku retouru v kontexte svetovej translatológie s dôrazom na ruskú školu a priblížili osobu a profesijný život Viktora Michajloviča Suchodreva, jedného z najznámejších diplomatických tlmočníkov vedúcich predstaviteľov ZSSR.

Sekcia dejín a kultúry v tomto roku ponúkla len jeden príspevok, ktorý bol venovaný kultu politických lídrov a ich miestu v súčasnom ruskom mediálnom diskurze. Autorka v ňom poukázala na symbolický význam sochy ako prostriedku sakralizácie, ktorý si kladie za cieľ zastaviť „proces telesného rozpadu“ a meniť dočasnosť na večnosť. Hlavným predmetom jej analýzy bolo z tohto hľadiska predovšetkým odstraňovanie a likvidácia sôch a pamätníkov, pričom osobitnú pozornosť autorka upriamila na osud mauzólea V. I. Lenina na Červenom námestí v Moskve.

Konferenciu uzatvárala lingvistická sekcia, v rámci ktorej sa autori zaoberali otázkou transformácie frazeologizmov v politickom diskurze, jazykovou hrou v mediálnych textoch či špecifickým metaforickým jazykom burzy, konkrétne metaforickými spojeniami, v ktorých vystupujú predstavitelia živočíšnej ríše.

Príspevky doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov, ktoré nájdete na nasledujúcich stránkach, reflektujú nové tendencie a trendy vo výskume v oblasti rusistiky

nielen na Slovensku, ale aj v zahraničí. Veríme, že rovnako podnetné a prínosné budú v tomto ohľade aj ďalšie plánované ročníky Mladej rusistiky.

Editori a organizačný výbor konferencie

I. Literárnovedná sekcia

АРХЕТИПЫ ГОРОДА, ДОМА И ДОРОГИ В ПОЭМЕ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Галина Прокудина, магистр

Институт славистики, философский факультет, Масариков университет, г. Брно, 387169@mail.muni.cz

Резюме:

V předkládaném článku se podrobně zkoumá charakter uvedených archetypů, jejich specifikum v prvním díle. Když začínáme charakterizovat druhý díl, hodnotíme jejich prudký obrat. V prvním díle je město soustředění beztvárnosti, hříchu a pod., dům je soustředění úpadku, stagnace; cesta nikam nevede. V druhém díle ve městě se objevuje snaha o spravedlnost, poctiví lidé, na vesnici se zrodí nový život, nové nápady. Cesta začíná jít nahoru, její směr ze šeda a tmy se mění k světlu. Také zmiňujeme moc důležitý motiv – motiv času. Když první díl je zastavený čas, všechno symbolizuje zastavení, nečinnost; druhý díl je pohyb. Ale tady se také říká o realitě zobrazeného. Vyjadřuje se idea o možnosti srovnat to, co se děje s realitou, o jeho utopickém charakteru (II. díl); ze stejného hlediska se hodnotí záměr třetího díla. Skutečnost se srovnává s buducností. K tomu se předkládá podrobná charakteristika hrdinů, okolností, situací, motivů chování, rozvoje děje a příběhu.

Сведения об авторе:

Галина Прокудина занимается изучением русской филологии. К области научного интереса автора относится преподавание русского языка, а также изучение литературы, литературоведения, лингвистики и переводоведения.

Тот, кто находится в разладе со своим домом, находится
в разладе с самим собой.

Поэму «Мёртвые души» Н. В. Гоголь начинает писать в 1835 году в России, а заканчивает в Италии. В 1841 году автор завершает работу над первым томом, а в мае 1842 году текст уже публикуют. Гоголь пишет В. А. Жуковскому о поэме: «Какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нём». Автор ставил перед собой задачу изобразить страну целиком. Он хотел рассказать не только о настоящем, но и о будущем России, а также охватить историю.

Сюжет поэмы основан на странствии центрального героя. С помощью поездок Чичикова автор изображает панораму русской жизни. Гоголь в поэме описывает почти все сословия, существовавшие в то время в России. Особым вниманием автора пользуется чиновничество. С образами чиновников в поэме появляется тема государства, а мир государства в произведении сосредоточен в губернском городе N. Этот город поражает своей безликостью. Это ничем не примечательный, серый городишко. Становится ясно, что за ним стоят сотни таких же городов и городишек, ничем не отличающихся друг от друга. Там царит чинопочитание, взяточничество, обман, застой. У чиновников полностью отсутствует интерес к делу. Они заняты тем, что посещают бесконечные обеды и ужины, забывая о своих прямых обязанностях. Например, Чичиков, восхищаясь губернатором, отмечает, что он прекрасно вышивает. Пожалуй, это всё, на чём основывается «замечательность» губернатора.

Описывая дам города N, Гоголь выступает в роли сатирика. Чего только стоят «дама, приятная во всех отношениях» и «просто приятная дама»! Когда автор изображает женщин, которые приезжают на бал к губернатору, он весело смеётся над ними. Автор заявляет, что дамы эти ничем не уступают петербургским красавицам, а сам подчёркивает их комические платья и действия. У этих женщин нет искренности и настоящих чувств. Противопоставляется образам дам города N образ губернаторской дочки, существенно отличающейся от них. Но объясняется это тем, что девушку ещё не успели испортить тётки и няньки провинциальным воспитанием. В ней ещё сохранилась та жизненность черт, которой так не хватает большинству персонажей поэмы, например, помещикам, принимающим у себя Чичикова в ходе его путешествия.

Когда Чичиков из города едет в гости к помещикам, автор, прежде всего, перед встречей героя с самими обитателями, очень подробно описывает их дома и всё поместье. Описание дома показывает, каким образом живут их обитатели.

Это очень важно, поскольку образы персонажей соотносятся с образами домов, они идентичны, идут с ними параллельно.

Не случайно перед описанием поместья Плюшкина автор пишет отступление о том, как во времена его детства ему нравилось приезжать к незнакомому месту и разглядывать его.

«Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие

его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по нем старался я угадать, кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него или целых шестеро дочерей с звонким девическим смехом, играми и вечною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу» (Гоголь, online).

Маленький автор по дому и деревне пытался представить их обитателей. Если он видел уезжего чиновника, он думал, куда тот идёт. Потом его настигло разочарование: теперь подъезд к незнакомому месту был для него неуютен и везде он видел «пошлую наружность». Выбеленная, как снег, новая церковь, упомянутая в этом отрывке, противопоставляется двум ветхим сельским церквям, находящимся рядом с деревней Плюшкина. Белый здесь выступает символом чистоты, невинности, свежести, неиспорченности, детства, даже жизни – надежд на светлую жизнь. В конце отступления автор восклицает: «О моя юность! о моя свежесть!» (Там же).

Первым, к кому отправляется центральный герой, становится Манилов. С ним Чичиков знакомится у губернатора.

«Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то-есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и жёлтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины» (Там же).

Сразу следует отметить, что название деревни контрастирует с её расположением. Впрочем, образ обладателя фамилии «Манилов» раскрывается точно так же: «Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!». В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Чёрт знает что такое!».

Первое впечатление от помещика такое же, как и от названия деревни – благоприятное, но, узнав Манилова получше и увидев господский дом, Чичиков понимает, что, на самом деле, всё не так хорошо. С одной стороны, комната, куда приглашает Манилов своего гостя, довольно опрятная, но в ней стоит одно кресло без обивки, которое хозяин дома собирался отремонтировать уже не один год. На первый взгляд кажется, что Манилов с супругой очень счастливы. Но ведь есть ещё и много других занятий, кроме продолжительных «поцелуев и сюрпризов». Автор

последовательно задаёт несколько вопросов: «Зачем, например, глупо и бестолку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает всё остальное время?» (Гоголь, online).

Дом Манилова представляет собой бесконечную неготовность. Мебели в одной из комнат до сих пор, уже после появления детей, а ведь её хотели поставить туда сразу после женитьбы, Хотя Манилов и говорит периодически, что туда нужно «хотя бы на время поставить мебель»: то есть не такую хорошую, какую помещик **планирует** впоследствии. И её там никогда не будет, потому что у Манилова до этого не доходят руки: он мечтает, но даже не строит никаких планов, нежничает с женой и не занимается хозяйством. Гоголь пишет: «В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недёшево; но на два кресла ее недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею. [...]. В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: "Душенька, нужно будет завтра похлопотать чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель". Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутным щегольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги» (Там же).

Особенно комично звучит фраза, что Манилов в «продолжении нескольких лет» просит каждого гостя не садиться в кресла, на которых не хватило шёлковой материи, потому что «они ещё не готовы».

Отмечается состояние неустроенности дома: «В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя […]». Это можно перенести и на других людей, в прошлом и современности: сколько раз многие, объясняя какую-либо неустроенность или беспорядок в доме, оправдывались тем, что они «только что приехали», «у них было много работы», «как раз делают уборку» или, ещё лучше, «собирались убраться». Может быть, что-то из этого так есть в действительности, но ситуация достаточно типичная и очень частая.

С одной стороны, дом – полная чаша, с другой стороны – это стагнация. На первый взгляд мы видим идиллию – счастливую супружескую пару, детей, которые, что нужно

отметить, имеют греческие имена: Фемистоклюс и Алкид. Имена ещё больше наталкивают нас на мысль о греческой идиллии. Алкид – это и вовсе первоначальное имя Геракла. Однако к нему автор вряд ли отсылает. Скорее это именно способ подчеркнуть образ идиллии, которая, конечно, оказывается фиктивной. Такое якобы приятное представление о жилище – лишь первое и ошибочное. На самом деле это псевдоидиллия. Можно даже сказать, что место, где живёт Манилов, гнилое внутри. Манилова и его дома так и хочется сравнить с красивым зелёным яблоком, которое, когда его надкусишь, неожиданно оказывается червивым.

Манилов находится в состоянии стагнации, в образе этого человека нет развития.

Можно сделать вывод, что человек и внутри, и снаружи просто никакой: ни то ни сё, ни рыба ни мясо. Он серый, безынтересный, ничем не примечательный. С этим связан авторский комментарий: Поодаль, в стороне, темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням.

Слова относятся к месту, где живёт Манилов, и одновременно являются характеристикой самого помещика.

Несмотря на то, что дом и деревня Манилова открыты всем ветрам, они не рухнут: просто будут стоять в своей незаконченности, разваливающиеся, незаполненные, без должного содержания. Это олицетворение пустоты. А их хозяин будет по-прежнему думать ни о чём, читать книгу на каждый день заложенной 14 странице, планировать или, скорее, ничего НЕ планировать.

Второе поместье, где оказывается Чичиков, – это поместье Коробочки.

Коробочку Чичиков посещает случайно, заблудившись в непогоду. Её комната сразу говорит о том, что хозяйка аккуратна, бережлива, запаслива. Это была «одна из тех матушек, небольших помещиц», которая «в один мешочек отбирает все целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки». У неё, как и у других помещиков, говорящая фамилия. Чичиков осматривает комнату хозяйки и чувствует, «что глаза его липнут, как будто их кто-нибудь вымазал мёдом». Кажется, что у этой помещицы везде: за комодом, за зеркалом, за шкафами, – спрятано много маленьких коробочек, а значит, она склонна к накопительству. Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев, и за всяким

зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... невмочь было ничего более заметить. На первый взгляд, у Коробочки всё аккуратно и её дом соответствует привычному пониманию дома. Но помещица не живёт, а только складывает, копит что-то. К тому же в её домецарит одиночество и всё, что есть, это разные припрятанные вещи, мешочки и коробочки. Интересно, что именно она разоблачает Чичикова с его махинацией с мёртвыми душами: та помещица, в которой он заехал случайно.

Третьим, к кому отправляется Чичиков, является исторический Ноздрёв. Следует обратить внимание на кабинет этого помещика, «в котором, впрочем, не было заметно следов того, что бывает в кабинетах, то есть книг или бумаг; были только сабли и два ружья...». В кабинете Ноздрёва находится множество совершенно не нужных ему вещей, которые он поочерёдно расхваливает. Чего только стоит турецкий кинжал, на котором, видимо, по ошибке было вырезано: «Мастер Савелий Сибиряков». Лишь по этому кинжалу можно составить впечатление о Ноздрёве. Он склонен с тотальным преувеличением говорить о себе: Ноздрёв хочет выглядеть «значительным лицом», которым на самом деле не является. Когда Ноздрёв приводит Чичикова во дворик, где живут собаки, мы сразу проводим параллель между помещиком и его любимым животным. Кажется, что образ дома Ноздрёва был бы незавершённым, если бы там не было собак разных пород. Дом Ноздрёва характеризуется своей незавершённостью, временностью: там идёт ремонт (два мужика белят стены), отсутствует уют. Впрочем, уют, по сути, отсутствует во всех домах, которые посещает Чичиков. В доме Ноздрёва множество бесполезных вещей и везде страшный беспорядок. Ноздрёв сходен с помещиком Петухом, появившимся во втором томе. В домах Ноздрёва, Плюшкина и Коробочки сильно проявление **вещизма.**

После бегства из поместья Ноздрёва Чичиков едет к Собакевичу. Автор пишет о его доме: «Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин – удобства. Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткой. Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: всё было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, всё, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке» (Гоголь, online). Так, построен дом неуклюже, на архитектуру и эстетику при

строительстве хозяин не обращал никакого внимания.

Дом Собакевича напоминает берлогу, даже бомбоубежище, которое хозяин обставил мебелью. В отличие от Манилова, у которого все чрезвычайно приятные и милые (помещик **Манилов вообще беспрестанно повторяет слова «приятный» и «приятно»);** у Собакевича, напротив, все «мошенники и разбойники», а у губернатора и «лицо разбойничье». Единственный порядочный человек по мнению Собакевича – это прокурор, «да и тот свинья»: «Я их знаю всех: это всё мошенники; весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы». Помещик решил полностью оградить себя от внешнего мира, чтобы быть в безопасности. Но, несмотря на его медвежью фигуру и хватку, Собакевича выдаёт **страх: он боится этого мира,** иначе не стал бы строить себе такой дом.

Когда Чичиков направляется к Плюшкину, вот, что он видит: «Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тёс, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вёдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке и на большой дороге: словом, где хочешь. Окна в избенках были без стёкол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник».

Соотносятся с образом дома и помещика две церкви, также находящиеся в полном запустении: «Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся» (Там же). Плюшкин постепенно убивает в себе всё живое, парадоксально скупится, забывает о душе и Боге.

Дом Плюшкина становится свалкой. Помещик и его дом находятся в состоянии ужасающего запустения и потери своего лица. Из него уже давно, со смертью жены помещика и последующим отъездом двух детей и смерти дочери, ушло всё радостное и светлое, что может быть в истинном доме. Теперь он полон ненужного хлама.

Человек не смог взять себя в руки и стремительно деградирует, вместе с ним

опускается на самое дно и его дом, который также, как и у других помещиков, уже не имеет черт дома, того, что должен иметь и хранить в себе настоящий дом.

В сценах описания Плюшкина и его дома превалирует вещизм в его очень страшном проявлении. Из-за собственной скупости Плюшкин просто губит ткани, хлеба, зерно и т.д., его люди живут впроголодь и умирают. Сам же он тащит в дом, что попало. Скупость Плюшкина странная, парадоксальная: из-за неё он только ушёл в колоссальный убыток.

Однако чрезвычайно интересно, в каком состоянии находится сад, также принадлежащий Плюшкину: «Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении.

Во втором доме Гоголь планировал воскресить не только центрального персонажа поэмы, но и Плюшкина. Не случайно среди всех героев автор пишет истории жизни только Чичикова и Плюшкина. Сад становится символом надежды. Во время разговора с Чичиковым и приобретении мёртвых душ, выясняется, что председатель в городе был «однокорытником» Плюшкина, и они «вместе по заборам лазили». У помещика появляется светлое воспоминание. Это тоже означает, что не всё настоящее светлое в нём умерло: «И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег». Не случайно воспоминание о своём детстве, о том, что маленькому автору нравилось подъезжать к незнакомому месту он пишет именно перед тем, как герой приехал в поместье Плюшкина. Но время преображения ещё не наступило, поэтому едва возникший тёплый луч быстро исчезает с его лица.

Итак, мы охарактеризовали дома помещиков, которые посещает Чичикова. Разве они соответствуют привычному представлению о доме?

Дом – место, куда человек возвращается, где он чувствует себя в безопасности. Также можно интерпретировать архетип ДОМА как то место, куда **хочется** вернуться.

Образ дома в поэме фигурирует и тогда, когда Чичиков размышляет о своём будущем. Сам Чичиков также хочет для себя дом, но какой ценой? Он хочет сколотить капитал, жить со всем удобствами, но за счёт мошенничества. Широтой души он совсем не обладает: искренность, справедливое, истинное благородство, – черты, не свойственные центральному герою Тем не менее, Чичиков желает иметь настоящий дом

– полную чашу. Он хочет иметь дом, каким он является в своём первообразе, оригинале. Но сначала для Чичикова дом парадоксально является дорогой. Здесь происходит соединения несоединяемых архетипов. Также следует вспомнить о том, какой дом был у него в детстве: «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве! Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето […]» (Гоголь, online). То есть с самого раннего возраста у центрального персонажа нет дома, где тепло, хорошо и уютно. Родители не воспитали ребёнка так, чтобы потом в душе его развились высокие чувства, благородство. Потом его отдали учиться в школу, и отец дал ему только наставление во что бы то ни стало копить деньги, угождать вышестоящим и водиться с теми, кто побогаче.

Потом Чичиков хочет приобрести дом своей мечты, возвращаться туда и чувствовать себя там в безопасности. Чичиков предполагает, что совершив свои махинации и сколотив капитал, он будет пользоваться всеобщим уважением в столице, но, в конце концов, персонаж оказывается не дома, а в тюрьме (во втором томе). Это происходит потому, что центральный персонаж выбирает ложный путь, решает не тем способом получить высокий социальный статус.

Но в Чичикове и Плюшкине не умерло всё человеческое. Как и на лице Плюшкина появился всё-таки какой-то тёплый луч при воспоминании о школьном товарище, так и у Чичикова появляются такие светлые моменты. Например, когда он видит незнакомку в коляске, ехавшей навстречу. Однако и у Плюшкина, и у Чичикова, эти чувства почти сразу исчезают; но то, что они в принципе могли появиться, говорит о том, что, возможно, не всё ещё потеряно.

Ещё одно глобальное значение дома в поэме – Русь. Оно сходится с архетипичным значением дома-Родины.

Рассмотрим классическое определение архетипа в искусстве и литературе:

Архетип (в искусстве) – первичный образ, оригинал; общечеловеческие символы, положенные в основу мифов, фольклора и самой культуры в целом и переходящие из поколения в поколение (глупый король, злая мачеха, верный слуга и т. п.) (Яновский, online).

Архетип (в литературе) – часто повторяющиеся образы, сюжеты, мотивы в фольклорных и литературных произведениях (Аверинцев, 1992, с. 110-111).

В нашем исследовании термин **«архетип»** также можно заменить на **«символ», «образ».** Однако поскольку то, что мы рассматриваем, прежде всего связано с сознанием

человека, коллективным бессознательным, подробно рассматривается в аналитической психологии, мы решили выбрать данныйтермин. В переводе с древне-греческого архетип значит «ἀρχέτυπον - первообраз, оригинал, подлинник, образец». Это для нас очень важно: в статье мы рассматриваем и сравниваем первообраз, образец дома, города и дороги, привычное представление о них с тем, какими они явятся в поэме.

С образом города в поэму впервые входит тема государства. Затем она развивается и приобретает небывалую масштабность, связывается с образом страны – Руси.

И образ города, и образ домов помещиков в поэме имеют равную степень омертвения. Живое в произведении появляется и с **образом, архетипом дороги.** Её мотив – сквозной в тексте (лейтмотив). Он выражается через образы, фразы, речь, сюжетные ситуации. Образ дороги в поэме имеет шесть важных значений.

Во-первых, это предметное значение: имеется в виду обычная дорога; дороги на Руси, которые очень подробно описывает автор. С предметным, материальным образом дороги в поэме связано немало разных ситуаций. Часто они становятся причиной сюжетных поворотов.

Вспомним, например, как Чичиков потерял дорогу, попав под дождь, и после этого случайно заезжал к Коробочке.

Или как на дороге не могут разъехаться два экипажа, когда Чичиков увидел белокурую девушку.

Во-вторых, это, конечно, странствие Чичикова – посещение помещиков и т.д. Третье значение заключает в себе жизненный путь человека от юности к старости. Так, Н. В. Гоголь подробно описывает детство центрального героя.

В-четвёртых, дорога –это духовный путь, который может привести к мудрости и совершенству, а может и к деградации личности. Автор на примере образа Плюшкина как раз показывает нам, насколько низко способен пасть человек. Но этот помещик оказывается единственным, кто вызывает некоторую жалость. По утверждению автора, человеку очень многое дано Богом и природой, но он может потерять все свои лучшие качества из-за слабости духа. Гоголь рассказывает историю жизни Плюшкина, который не смог вынести удара судьбы – смерти жены. После этого он становится скуп и подозрителен. Не случайно автор в начале шестой главы пишет монолог о юности. Гоголь восклицает: «[...] Забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымите потом!» (Гоголь, online).

И, самое главное, автор описывает жизнь и духовный путь Чичикова. Его характер развивается во времени, автор воспроизводит его мысли, а иногда даже доверяет

собственные оценки и суждения центральному герою. Гоголь надеется на просветление души Чичикова, на то, что он изменится. В своей жизни Чичиков привык надеяться только на самого себя и на копейку. Таким образом, если бы он направил свои лучшие качества на благое дело, то из него бы выше прекрасный человек. Духовный путь привёл бы его к преображению и совершенству.

В одиннадцатой главе, после рассказа истории жизни Чичикова, автор переходит к описанию дороги, а бричка центрального персонажа незаметно для читателя переходит в образ Руси-тройки – главной героини поэмы. А ведь в тройке сидит пройдоха-Чичиков: вспомним, как «забуксовал», необыкновенно этому удивившись, герой рассказа Шукшина механик Роман Звягин. Он слушал, как его сын Валерка зубрил монолог о «Руси-тройке» и вдруг понял: «А кого везут-то? Кони-то? Этого… Чичикова?». Сыну всё равно, а Звягин говорит ему: «Как что? Как что?! Русь-тройка, все гремит, все заливается, а в тройке – прохиндей, шулер…». Именно поэтому Чичиков, пока не изменился, не может иметь дом, о котором мечтает. При таких действиях дорога приводит его только в тюрьму.

Действительно, если задуматься, не мог Гоголь посадить в эту настолько символическую тройку прохиндея без надежды на возрождение души его.

Пятое значение пути-дороги – это способ достижения цели. Так, Чичиков хочет добиться своей цели – иметь дом-полную чашу, достаток, кривым путём.

С образом Руси-тройки связано шестое значение образа дороги в поэме – это исторический путь нации. Уже давно поэму «Мёртвые души» принято сравнивать с «Божественной комедией» Данте, повествующей о путешествии поэта по загробному миру (аду, чистилищу и раю). Первый том соотносят с адом этого произведения, поскольку в начале «Мёртвых душ» изображены пороки русской жизни и русской действительности. Второй том – это книга-обещание. В нём рассказывается о переломном моменте в сознании Чичикова.

Так, можно с уверенностью сказать, что образ дороги в поэме вобрал в себя все черты первообраза (архетипа) дороги.

Живое в поэме также символизируют, как это ни парадоксально звучит, мёртвые души. Когда Чичиков договаривается о купле умерших крестьян с Собакевичем, помещик начинает расписывать, какие это были люди: «[…] а у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам

и обобьет и лаком покроет!».

Собакевич «вошёл, как говорится, в самую силу речи», похвалился тем, что он, в отличие от «другого мошенника, который продаст Чичикову дрянь», обманывать не будет, и стал описывать силача плотника Степана Пробку и замечательного сапожника Максима Телятникова.

Чичикову эту, впрочем, всё равно (что по понятным причинам не удивительно) и он только заявляет, что, в любом случае, их уже нет на свете.

Во втором томе появляется помещик Костанжогло – деловой, хозяйственный, трудолюбивый. Его дом – это действительно полная чаша. Даже дом мечтателя Тентетникова гораздо ближе к первообразу дома. У Тентетникова есть множество светлых помыслов, желания что-то изменить. Несмотря на то, что его хозяйство находится совсем не в должном состоянии, в его имении всё же хорошо и спокойно, даже безмятежно. Дело в том, что Тентетников отличается добротой и благими намерениями.

Критик В. Г. Белинский не воспринимал Гоголя как лирика, как писателя с философией высших материей. Он не принял нереалистичность второго тома «Мёртвых душ».

Если оценивать второй том поэмы глазами В. Г. Белинского, Костанжогло тоже выглядит ненатурально: слишком уже он деловой, честный, справедливый, хозяйственный. В этот образ, как и в образ честного откупщика, трудно поверить. Костанжогло выходит просто настоящим социалистом, если почитать его речи: «Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило, я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, – милости просим. Не даю денег взаймы – это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, я тебе не откажу и не возьму даже процентов».

Особенно весело Белинский налегает на то, как Гоголь просит читателей писать заметки о поэме и непременно отправлять их автору.

Честный откупщик Муразов, безукоризненным путём наживший сорок миллионов, и вовсе представляется фигурой утопической. Он противопоставляется Чичикову: тот тоже всю жизнь копил и пытался нажить состояние, только неправильным, недобросовестным путём, путём обмана. Тот же князь, генерал-губернатор выглядит слишком правильным и честным. На его речи – биче справедливости прерывается второй том...

Третий том (он соотносится с раем «Божественной комедии»), к сожалению, не

написан, но ясно, что там бы Гоголь описал не только преображение центрального персонажа, но и преображение Руси. Но этот том так и не был начат, а потому, остаётся лишь догадываться, какой предстала бы в нём Русь.

Список использованной литературы

1. АВЕРИНЦЕВ, С. 1992. *Архетипы // Мифы народов мира.* Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. А-К. Москва: Советская энциклопедия, 1992. с. 110-111.
2. БЕЛИНСКИЙ, В. Г. 1846. Похождения Чичикова, или мёртвые души. In: *Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова*. [online]. Доступно на: <*http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0250.shtml*>
3. ГОГОЛЬ, Н. В. 1842. Мёртвые души. Том 1. In: *Lib.Ru. Библиотека Максима Мошкова*. [online]. Доступно на: <*http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml*>
4. ЮНГ, К. Г. 2010. *Очерки по психологии бессознательного = Two essays on analytical psychology.* 2-е изд. Москва: Когито-Центр, 2010. 352 с. ISBN 978-5-89353-240-1.
5. ЯНОВСКИЙ, Н. 1803. *Архетип: Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. I. От А до I.* СПб.: Имп. академия наук, 1803. 868 с. [online]. Доступно на: <*http://elib.shpl.ru/ru/nodes/21439-ch-1-ot-a-do-i-1803*>

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Н. А. ЛУХМАНОВОЙ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Татьяна Владимировна Левицкая, магистр

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, tanuhamozzzkva@yandex.ru

Резюме:

Nadezhda Alexandrovna Lukhmanova (1841 – 1907) was known at the turn of XIX – XX centuries as novelist, playwright, publicist. She was characterized by an active life position, which was clearly expressed in the fact that at the age of 63 years, in the beginning of the Russian-Japanese war, she left for the far East as a sister of mercy and a military correspondent of the leading St. Petersburg newspapers. During the war she kept a diary, which described in detail the impressions of what was happening, clearly recording places, events, meetings. Lukhmanova turned the diary into articles and send them to a magazine publisher. Reading her notes, you can feel the tragedy of the Russian-Japanese war, not in facts and figures but in texts filled with emotions, experiences, compassion for the soldiers, which gives us the opportunity not just to get detailed information, but also to experience with fullness the feeling of people in those tragic days.

Сведения об авторе:

Левицкая Татьяна Владимировна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Основной областью научных исследований является творчество писателей рубежа XIX – XX веков. Особое внимание уделяется писателям, выпавшим из литературной памяти, в частности, творчеству Надежды Александровны Лухмановой. Под руководством профессора Московского государственного университета, доктора филологических наук, Михайловой Марии Викторовны проводится научная работа, основной целью которой, является исследование биографии писательницы и восстановление литературного наследия.

Надежда Александровна Лухманова (1841 – 1907), несомненно, яркий пример многостороннего и оригинального дарования. Она личность неординарная, проявившая себя в прозе, драматургии, публичной деятельности. На рубеже веков она проявила себя и в качестве журналиста. Наиболее часто её статьи встречались в «Петербургской газете» и газете «Южный край», в которых она состояла постоянным сотрудником. В основном её работы имели остросоциальную направленность или представляли собой художественные зарисовки на актуальные темы. С началом русско-японской войны Лухманова приняла решение ехать на Дальний Восток в качестве военного корреспондента. Общество еще не привыкло к существованию женщин-корреспондентов и многими ее поступок был оценен негативно (например, разгромная статья «Вскользь» в газете «Крымский курьер» от 12 мая 1904 г.). Но постепенно её статьи, благодаря остроте описываемых событий, живому слогу и неподдельным эмоциональным переживаниям, стали пользоваться всё большим вниманием.

Во время своего пребывания на войне и позже в Японии Лухманова писала не только путевые заметки и статьи для газет, но также короткие пьесы для солдат («Денщик Кузьменко»), рассказы, основанные на реальных событиях (например, «Шаман» − рассказ, повествующий о лечении средствами народной медицины; «Черная полоса» − рассказ-притча об украденных солдатом деньгах, которые оказались недействительными; «Ёлка во дворце Чизакуин», где описывается смерть солдата, прошедшего невредимым страшные бои, но умершего на Рождество от большого количества выпитой водки), несколько китайских и японских сказок («Единственный понятный женщине язык», «Душа человека», «Тайфун», «Золотая лисичка»). Произведения Лухмановой приобретают более широкое и неоднозначное значение благодаря сказочной и притчевой форме выражения. Писательница прибегает к аллегориям для более наглядной иллюстрации проблем, расширения и обобщения вложенных в образ смыслов.

Уже в первых опубликованных работах, касающихся русско-японской войны, чувствуется личная нота, эмоциональная приобщенность к пережитому. Например, в «Петербургской газете» своё повествование о подготовке к поездке на театр военных действий она начинает с описания своих часов, делая, таким образом, часы своим верным спутником и товарищем, с которым она собирается в дальнюю дорогу: «Все в доме спят, дробно, дробно в два тона тикают маленькие часы, они тоже уже готовы в дорогу, стоят в тёмно-красном футляре с петелькой наверху. За эту петлю их будут переносить со стола на стол, от одной кровати больного к другой, по ходу их стрелок будут выдавать

лекарство, ставить градусники, а может быть, и отмечать последний вздох умирающего. Мне всегда казалось, что вещи участвуют в нашей жизни, что время, отмечая их царапинами, поблеклостью, разными мелкими ранами, тем самым приближает их к нам и под конец человек и окружающие его предметы становятся какими-то инвалидами-сотоварищами, сочувствующими и понимающими друг друга. Теперь мы вместе едем в Харбин! Харбин! Гортанный, чуждый звук, теперь такой знакомый каждому русскому» (Петербургская газета, 1904, № 93). Лухманова в своих художественных и публицистических работах обращает пристальное внимание на мир вещей: вещный мир и мир человека тесно переплетены, через описание предметов передается психологическое состояние героя. Неслучайны военные метафоры в описании часов: «царапины», «раны», «инвалиды-сотоварищи», которые подчеркивают неотвратимые грядущие события.

Лухманова отмечает невозможность бездействия в сложившихся обстоятельствах. Говоря, что она «вдова, дочь и внучка военных», упоминая своих сыновей-офицеров, она находит для себя лишь единственный выход: «бежать туда, где страдают, и там, исполняя обязанности матери, сестры, няньки, стряпухи, подкармливая и выхаживая раненых, забыть собственный страх и довести себя до такой покорности, когда вся молитва к Господу будет сосредоточена в одном вопле: «Да будет воля твоя!!!» (Петербургская газета, 1904, № 93).

В записях подробно описывается движение эшелона Красного Креста, подчёркивается дружеская атмосфера, царящая в женском сообществе. Однако оптимизм первых дней путешествия, надежды на быструю победу угасают, что отмечается Лухмановой уже во втором письме, где она описывает неподготовленность и неоснащенность переправы через Байкал. Многие из-за дурной организации, невозможности устроиться, нехватки вагонов не могли продолжить своё движение дальше на Восток, а подчас вынуждены были вернуться назад в Иркутск. После путешествия на ледоколе по Байкалу и прибытия на станцию Танхой сёстры были огорошены неутешительными прогнозами: «Первое, что нам объявили, это, что “никто не знает, когда мы пойдём дальше” и что вагонов абсолютно нет. Притом намекнули, что, может быть, нас отправят и обратно в Иркутск. На наш робкий вопрос – зачем же нас оттуда вывезли? – нам отвечали, что в настоящее время ещё и не такие случаются курьёзы; что некоторые партии совершали по три раза тот же проезд «Байкал-Танхой» и обратно в Иркутск» (Южный край, 1904, № 8106).

Лухманова подчёркивает, что неопределённость и неразбериха мучают и истощают людей больше, нежели условия пути. Описание царства “хаоса и сумбура” она предваряет воспоминанием о детстве, когда, будучи ребенком, она часто спрашивала няню о картине Страшного суда, висевшей в комнате: «Рассматривая громадного змия, бедных, голодных, весьма дурно одетых людей, которых он хвостом загонял в ад, и генералов с белым плюмажем и лентами, которых он ласковым движением глаз приглашал в рай, я всегда спрашивала с недоумением:

– А что же посередине? <…>

– Это, – пояснила мне няня, – чрево змиево – здесь страна недоуменья и неразуменья: нет тебе здесь ни правого, ни левого берега, ни суда тебе ни прощения, ни пути ни дороги.

– Что же тут есть? – спрашивала я ее.

– Один сумбур, государыня моя, – отвечала няня, подняв палец вверх.

И я понимала, что это и есть самое страшное место; только тогда я не могла себе представить, где же оно находится.

Теперь, когда прошло столько лет <...> я как раз дошла до той страны, где одно недоумение и неразумение и в общем один сумбур, государи мои!..

Страна эта называется – станция Байкал» (Южный край, 1904, № 8106).

Лухманова при описании переправы обращается к детским воспоминаниям, тем самым усиливая эмоциональную вовлеченность в происходящее. Нянин рассказ о “чреве змиевом” совмещает в себе библейские и фольклорные черты и придает отрывку одновременно ужасающее и ироническое звучание.

Холод, неудобства и неопределенность будущего отходят на второй план, когда Лухманова открывает для себя величие Байкала. Она поражена: «Минута, когда забываешь всё, перестаёшь быть маленьким человеком с личным страданием, личными радостями и становишься атомом громадного, дивного мира, атомом света и жизни» (Южный край, 1904, № 8106). Лирическое отступление, раскрывающее красоту мира, вновь сменяется прозаическим описанием: огромному эшелону сестёр и санитаров сперва дали всего лишь три вагона, в которые набилось множество людей. Затем дали ещё три вагона, в которых устроились Покровская и Георгиевская общины. Однако из-за нехватки транспорта некоторым общинам все же пришлось прервать свой путь.

В своих дневниковых записях, послуживших основой будущих статей Лухманова подробно описывает не только работу и быт эшелонов Красного Креста, но и фиксирует свои наблюдения над китайскими нравами и обычаями. Лухманова обращает внимание

на внешний вид, поведение местных жителей. Первым городом, который она увидела был Хайлар. Она внимательно присматривается к его облику, взглядом проникает за стены: «Город начинается и кончается воротами оригинальной китайской постройки: одна главная улица тянется прямо между ними. Направо и налево – фанзы с окнами из промасленной бумаги, с убогими, настежь открытыми дверями. Кое-где видны чайные, грязные, подозрительного вида, с нарами, на которых полулежат тёмные, оборванные китайцы и курят длинные трубочки, я думаю, с опиумом; такое впечатление производит на вас лихорадочно горящий, какой-то смотрящий, но не видящий взгляд этих курильщиков» (Южный край, 1904, № 8125). Лухманова отмечает отсутствие женщин на улицах китайского города. Точного ответа она так и не смогла найти, но предположила, что китайцы, опасаясь русских, увели своих жен в горы.

В записях ощущается непонимание и во многом неготовность принять особенности китайской культуры, и, может быть, отсюда рождается чувство опасности от пребывания в Манчжурии. Она прямо признается: «Тут черта, за которой начинается непонятная для нас жизнь народа, который – и покоренный нами – остается чужд нашему пониманию» (РО ИРЛИ, Ф. 32, Д. 571, Л. 83).

В одном из писем Лухманова рассказывает о посещении китайской семьи, в которой находилась больная женщина. Надежду Александровну представили известным доктором, и это позволило ей присутствовать при лечении, которым занимался известный на всю округу шаман. Лекарь пляской «изгонял болезнь из дома», кружился, пел, жёг бутафорские бумажки, символизирующие деньги. Войдя в комнату больной, он потребовал положить полосу из железа на её живот и взял молоток: «Закинув молоток и выкрикнув какие-то страшные (потому что все присутствовавшие повалились на пол и закрыли лицо руками) заклинания, он со всего размаху ударил по железной полосе, лежавшей поперек живота больной…» (Южный край, 1904, № 8176). Писательница не смогла более выдержать этого зрелища и, воспользовавшись суматохой, покинула дом. Она не расшифровывает своего состояния, но именно её поведение говорит само за себя.

Жизнь в Манчжурии Лухмановой напоминает этнографическую выставку: настолько всё вокруг экзотично и непонятно: «И всё кругом: и жилища, и лавки, и самый народ так примитивно просто, грубо и грязно. Так цинично откровенно во всех житейских проявлениях, что опять-таки теряется всякое сознание, что около вас люди, страдающие и наслаждающиеся, может быть, опасные, а может быть, просто жалкие. Вы так же равнодушно и индифферентно ходите среди них, как если бы вы гуляли по любой этнографической выставке. Говорят, казнь послезавтра» (РО ИРЛИ, Ф. 32, Д. 571, Л. 60).

Упоминание о казни словно возвращает «посетителя выставки» в жестокость реальности и напоминает о непреходящей опасности, окружающей жизнь русской армии в Манчжурии. Лухманова воспроизводит атмосферу ежедневного существования во враждебной среде.

Казнь – особый пункт в заметках Лухмановой, к которому она возвращается неоднократно. Страшные следы китайского правосудия она встречает с самых первых дней своего пребывания: «на плохо оструганном сосновом столбе была прибита клетка и в ней – 2 китайские головы. Извозчик объяснил, что они висят уже более 2-х месяцев. Верх этой клетки не забран, и отвратительные чёрные длинные косы, как обшарпанные веревки, завёрнуты кругом решётки» (Южный край, 1904, № 8125). Выразительно выбранное Лухмановой сравнение: обшарпанные веревки. Оно говорит о превращении живого в неживое: косы стали веревками. Лухмановой и самой довелось присутствовать на казни. Упоминание о ней есть в дневниковых записях и в статье газеты «Южный край». Само же событие описывается в «Петербургской газете». Писательницу пугает место казни – поле у дороги, по которой едут арбы и лениво плетутся рабочие, не обращающие никакого внимания на происходящее. Пугает палач, приехавший на страшную работу на извозчике. Пугают осуждённые, выпрыгивающие из телеги и с готовностью падающие на колени в определенном порядке. Пугают дети, рассматривающие отрубленные головы, и две-три собаки, лизнувшие кровь. Лухманова ужасается обыденностью «публичного убийства». Она приходит к страшным выводам: «...отлично понимаешь, что если бы в такой стране, среди этого, так добродушно, так вечно смеющегося народа, произошло восстание, то и мы все легли бы не героями <…>, а были бы позорно, хладнокровно измучены, полузарезаны и выброшены околевать» (Петербургская газета, 1904, № 170). Лухманова признает, что при внешне мирном сосуществовании завоеватель и завоеванный народ никогда не смогут прийти к взаимопониманию.

Аллегорично звучит описание Куропаткинского пролома[1]. Лухманова объясняет, что для того, чтобы «обрусить» Ляоян, в стенах города были сделаны проломы, а улицы города были переименованы на русский лад. Писательница проводит аналогию разрушения стены с крахом старого мира и вторжением в него новых порядков: «Когда клалась эта стена? Может быть не один век тому назад… Когда-то она считалась

[1] Действия, определявшие «куропаткинскую стратегию», т.е. планы генерала А. Н. Куропаткина, командовавшего русскими войсками в сражениях при Ляояне, Шахэ, Мукдене последовательно проигравшего их.

неприступной и ограждала манджурский город Ляоян от внешнего общения и влияния… И вот теперь сильной рукой, этот новый город «белых дьяволов» постучался в старую стену, и та разрушившись открыла ему свой проход» (РО ИРЛИ, Ф. 32, Д. 571, Л. 91-92). Но тревожно это победоносное разрушение, эфемерен успех. Разрушение стены символизирует пребывание русской армии в Манчжурии: «Весело смеясь, перекидываясь шутками, разрушали солдатики священную стену, китайцы стояли вокруг молчаливой толпою, некоторые тоже улыбались и объяснить, что думала и чувствовала эта толпа, что значили эти улыбки, – очень трудно. Только одно верно – не индифферентность и не доброта скрываются за этими вечными оскалами губ…» (РО ИРЛИ, Ф. 32, Д. 571, Л. 92).

Одной из завершающих статей, написанных по следам пребывания в чужой стране, писательница дала заглавие «Доживание на передовых позициях». В ней она раскрыла тяжелое положение российских корпусов, ещё находящихся в Манчжурии. Она назвала этот период – «временем ненужности». Война окончена, дан приказ «очистить» уже ставшую ненужной Манчжурию. Но неорганизованность и постоянные задержки заставляют людей жить неестественной, какой-то случайной жизнью, жизнью на перекладных, жизнью, полной ожидания. Мир становится подобен отчаянному карнавалу, в котором лейтмотивом звучит лишь одно желание – уехать! «Бездействие и полная неизвестность даже ближайшего будущего порождают тоску и жажду хотя бы мелкой деятельности, что и выражается разными скачками, спектаклями, играми для солдат, и все это с музыкой, с приглашением гостей, с ужином и даже с танцами; причем пять-шесть приехавших на вечер сестер, единственных «манчжурских дам» танцуют, что называется, до упаду. Все это мило, безусловно, носит самый простой, семейный характер, но все это выражает не веселье, а какую-то поющую, играющую, пляшущую тоску» (Южный край, 1905, № 8642).

Лухманова пишет, что с Пасхи до конца кампании замуж вышло более трёхсот сестёр. Браки заключались просто и весело: невесты гладили к свадьбе передники и косынки, женихи пытались раздобыть приличное пальто, но писательница подозревает, что зачастую причиной таких скоропалительных браков являлась не любовь, а близость смерти, жажда заботы и тепла, романтика войны. В итоге вся жизнь на передовой начинает казаться несерьёзным и затянувшимся спектаклем, а подлинная жизнь протекает где-то далеко в России: «Вот когда все сядут по местам и жизнь скажет: «Стройся к расчету!» Что тогда выйдет из этих веселых браков? Трудно отгадать заранее» (Южный край, 1905, № 8642).

И снова кругом воцаряются сумбур и хаос, ощущается неустроенность, пугает неопределённость будущего. И в этом хаосе находятся многие, желающие ухватить, вырвать, добыть заслуженную или незаслуженную славу. С горькой иронией писательница характеризует кипучую деятельность людей, одержимых «лихорадкой последних наград»: «Самолюбие, тщеславие, расчет – все подняло голову… все теперь хлопочет воспользоваться последними льготами, вырвать последние награды. Какая масса оказывается героев! Какое количество совершено геройских подвигов…всеми! Как только при этих условиях могла быть проиграна кампания – непостижимо!» (Южный край, 1905, № 8642). И в этом столкновении несопоставимых явлений подспудно звучит трагизм произошедшего.

Итак, в дневниковых записях и статьях Лухманова сумела показать изнутри атмосферу военной жизни. Писательницу часто упрекали в прессе за то, что она незаслуженно считается военным корреспондентом, так как освещает не военные действия, а описывает жизнь в военном лагере. Нередки были обвинения в том, что женщина занимается не свойственным ей делом. Но Лухманова самоотверженностью и стойкостью сумела доказать, что военная корреспонденция – это широкое понятие, что важно не только знать противника в лицо и освещать новости с поля боя, но и пытаться понять его психологию, характер. Свою деятельность Лухманова определяла следующим образом: «…я не простой репортер, не корреспондент, считающий строчки и по ним предвкушающий свой гонорар, а прежде всего женщина, и в каждом деле, в каждой работе у меня принимает участие не только ум, но и сердце» (Южный край, 1905, № 8393).

Список использованной литературы

1. КОЛМОГОРОВ, А. Г. 2013. Мне доставшееся. Семейные хроники Надежды Лухмановой. М.: АГРАФ, 2013. 460 с.
2. Личный архив Н.А. Лухмановой. РО ИРЛИ. Ф. 571. Д. 32. 118 л.
3. Петербургская газета. 1904. № 93. 3 апр.
4. Петербургская газета. 1904. № 170. 22 июня.
5. Южный край. 1904. № 8106. 30 мая.
6. Южный край. 1904. № 8125. 18 июня.
7. Южный край. 1904. № 8176. 8 авг.
8. Южный край. 1905. № 8642. 5 дек.
9. Южный край. 1905. № 8393. 16 марта

КОНСТАНТИН ВАГИНОВ – НА РУБЕЖЕ ДВУХ МИРОВ

Хеди Анна Шипош, магистр

кафедра русской филологии, филологический факультет, Сегедский Университет, hedi.anna.sipos@mail.com

Резюме:

The article analyses Konstantin Vaginov's first short novel *The Monastery of Our Lord Apollo* and aims to prove that there is not a gap but a deep, important, elementary connection between the poems and the late-novels of the writer. The article tries to show that the first, kind of experimental short novels could grant the connection between the lyric and the prosaic period of Vaginov.

Сведения об авторе:

Хеди Анна Шипош является аспиранткой Сегедского Университета (3-ий курс). Автор статьи исследует литературу русского авангарда, прежде всего творчество Константина Вагинова.

«Интеллигентный человек духовно живёт не в одной стране, а во многих, не в одной эпохе, а во многих, и может избрать любую гибель...»
(Вагинов, 1991, с. 36)

Константин Вагинов жил на рубеже нескольких миров. Если подходить к этому вопросу поверхностно, то сразу же можно перечислить множество самых различных по художественной направленности кружков и группировок, участником которых был Вагинов (Вагинов, 1991, с. 5-9)[1]. Он хорошо знал большинство художественных объединений своего времени, результаты современного ему литературоведения и теории литературы, разбирался как в филологических, эстетических и философских мыслях Бахтина, так и в поэтической системе формалистов. Но если мы поглубже посмотрим на этот вопрос, то увидим, что Вагинов был и поэтом, и прозаиком, и этот факт сильно влиял на его произведения и стиль. Другая важная сущность его творчества, которая находит своё отражение практически во всех его произведениях, это то, что он жил между двумя

[1] Например Островитяне, Звучащая раковина, Кольцо поэтов, ОБЕРИУ.

социально-политическими эпохами, с которыми ему приходилось довольно своеобразно справляться: он удалялся от своей современности в античность, но в то же время ни на минуту не терял связь с тем местом (Петербургом) и тем временем, в котором он жил. Он отождествлял послереволюционный Петербург с падшим Римом, а конец Российской Империи – с упадком Римской Империи. Можно сказать, он занимал амбивалентное положение между античностью и современностью (***двойное существование***).

Все вышеупомянутые его черты хорошо можно найти в его ранней прозе, а именно в двух его произведениях: «Монастырь Господа нашего Алполлона» и «Звезда Вифлеема» (1922). Эти произведения можно воспринимать как первый эксперимент или переход от поэзии к прозе, и они являются особенно важными, потому что они несут в себе важнейшие черты и мотивы как поэзии, так и прозы Вагинова. Произведения заслуживают особого внимания и потому, что до сих пор ими практически не занимались литературоведы – исследователи только касались этих произведений, но их подробный анализ ещё никто не разрабатывал. В данной статье я хотела бы сосредоточить свое внимание, в первую очередь, на первом произведении, то есть на «Монастыре Господа нашего Аполлона».

Сюжет произведения можно кратко обозначить следующим образом: герой-рассказчик, являющийся поэтом, жалуется на то, что современная ему цивилизация уничтожает искусство и не столько человеческую культуру, сколько само человеческое сердце. Он решает делать всё, чтобы воскресить поэзию, точнее олицетворение поэзии, бога Аполлона. Он собирает вокруг себя других поэтов, и при их помощи старается оживлять Бога. Но Аполлон появляется в кривом, искажённом виде: он далеко не светлый, «лучезарный, сияющий» бог античности, а наоборот: он бледный, худой, со сломанной ногой и сифилисом. Такое изображение Аполлона мы находим и в стихах, в которых античный бог появляется таким же десакрализованным, например: *«Аполлон за мной,* ***как тень скользит*** */ Такой* ***худой*** *и с головою* ***хлипкой****»* (Вагинов, 1998, с. 31), или:

Аполлон по ступенькам, ***закутавшись в шубу, бежит.***

Но сандалии сохнут на ярко начищенной меди.

Знаю, завтра придёт и, ***на лире уныло бренча****,*

Будет петь о снегах, где так ***жалобны звонкие плечи****,*

Будет ***кутать унылые плечи в меха****.* (Вагинов, 1998, с. 44)

Аполлон появляется в виде жалкой фигуры, он не может быть покровителем не только из-за своего жалкого положения, но и потому, что он, несмотря на свою слабость, выступает как жестокий, безжалостный бог: все поэты за исключением рассказчика,

создающие Монастырь Аполлона, становятся его жертвой.

Первый важный мотив в произведении – это противопоставление современной цивилизации традиционной человеческой культуре. Вагинов жил в эпоху научных изобретений, но отказался от всех достижений науки, потому что он считал их опасными с точки зрения гуманизма, человека, человеческой жизни (например, он до конца 1910-х годов употреблял свечи вместо электричества). Для Вагинова были характерны неисчерпаемая любовь к гуманизму и тревога за него, любовь ко всему „человеческому". В рассказе Аполлон заражён не только сифилисом, но и цивилизацией двадцатого века: в сломанной ноге бога *«торчали автомобили и рельсы и вместо крови струилась нефть»; «[Аполлон] лежит под липами, а вокруг в чёрном небе кружатся аэропланы»* (Вагинов, 1991, с. 484). Можно сказать, вместо грифов, кружащихся над умирающим телом.

Очень интересным является место религии в мировоззрении Вагинова, проблематика христианского Бога и античности: как они относятся друг к другу в творческом мире Вагинова. В этом произведении речь идёт о воскрешении не Иисуса, а языческого бога. Это положение усложняют следующие строки:

«Радий есть христианство, братия мои.

Паровоз есть христианство, братия мои.

Пикассо есть христианство, братия мои.

Есть пустыня Оптинская, в ней старец Нектарий, убежище для паровозов и радия уготовляет.» (Вагинов, 1991, с. 438)

Радий, паровоз, Пикассо – значительные открытия, изобретения, имена науки и модернизма. Как можно их связывать с христианством и с какой целью? Что это символизирует? Перечисленные новаторства принадлежат к новой эре, у которой будет (или уже есть) новая религия. Вагинов видел в послереволюционном времени аналогию со временем упадка античного Рима (Вагинов, 1998, с. 48)[2], и он считал, что наступающая новая эра под лозунгом большевизма-социализма является такой новой религией, которой было христианство в Риме. У Вагинова был глубокий интерес, любовь к античности, но настоящее произведение говорит о том, что он не был пристрастным, ослеплённым поклонником ни одной исторической эпохи, он подходил и относился ко всему издали, и эта позиция позволяла ему видеть мир критически, и изображать его без

[2] *«Но помните Вы душный Геркуланум, / Везувия гудение и взлёт, / И ночь, и пепел. / Кружево кружений.* ***Россия – Рим.****»*

предубеждений и пристрастности. Наверное, именно в результате такого подхода ему были так свойственны ирония и гротескное изображение.

Возвращаясь к месту и роли религии в творчестве Вагинова, можем прийти к выводу, что, если речь идёт о христианстве и об античном политеизме, для Вагинова ни один не является привлекательнее другого. Это подтверждается, во-первых, тем, что в своих ранних стихах он послал Иисуса в Сибирь вместе с Аполлоном, и там свергнутые, изгнанные боги вместе оплакивают свою бывшую божественность. В первом сборнике стихов («Путешествие в хаос», 1919) Иисус появляется как паяц, как сумасшедший сын Марии, носящий колпак с бубенцами. Не намного лучше изображение в первом прозаическом произведении Вагинова иссохшего, квадратного Аполлона, в ноге которого спят мёртвые черви (Вагинов, 1991, с. 483)[3]. Интересными являются и следующие строки из одного стихотворения с точки зрения отношения Вагинова к богам, а также с перспективы связи между двумя богами:

Слава, тебе Аполлон слава!

Тот распятый теперь не придёт

Если придёт вынесу хлеба и сыра

Слабый такой *пусть подкрепится* ***дружок****.* (Вагинов, 1998, с. 40)

Повесть очень богата гротескными эпизодами – несколько примеров из таких сцен:

1. Сцена на кладбище – рассказчик и его братья отправляются на кладбище, **трогают плиты и нюхают трупы для своей будущей печали**, потому что художник должен знать запах, вес и цвет материалов. Им является Диана, и рассказчик как бы мудро говорит: *«Здесь растут огурцы и картофель. […] наше тело не погибнет, а станет частью птицы и цветка».* После этого собирающиеся на кладбище художники **радостно и весело вскакивают с плит** и бегут, унося цветы, в которых течёт кровь их предков. И в этом очень кратком эпизоде переплетаются самые профанические вещи с серьёзными философскими мыслями. Понятно, что художнику надо знать запах материи, но эти братья Аполлона ходят на кладбище для того, чтобы найти вдохновение, то есть они как бы создают мёртвые произведения, ведь первоисточник их вдохновения является мёртвым (не говоря даже о том, что их бог тоже умирает).

[3] Но этот ряд можно дополнить и изображением, например, Венеры, в скуле которой скрипка, *«в глазу папироса, и была она суха и жестка и желта.»*

И при этих якобы возвышенных актах поэтов появляется Диана и в своём первом предложении она начинает говорить об огурцах и картофеле.

2. Изображение Венеры как старухи.
3. Первое появление Аполлона, о котором скоро выясняется, что у него сифилис. В этой сцене тоже иронически, искривлённо изображены поэты и их реакция на болезнь бога: *«[...] положили Бога под липами. И удалились [...] и* ***предались горести****. Подходили к окнам и* ***смотрели на него и плакали****».* (Вагинов, 1991, с. 483)
4. Образ Аполлона, скачущего к поэтам на одной ноге, символизирует унижение, практически десакрализацию бога, который не способен даже передвигаться на своих собственных ногах. Иногда кажется, будто Вагинов понимал буквально произведение Вяч. Иванова о страдающем боге и изображал его соответственно этому.

Как уже выше было сказано, хоть Аполлон и появляется в смешном, гротескном виде, несмотря на то, что он жалок и беден, в то же время он жесток: он требует жертв, чтобы стать снова сильным и сияющим, и его жертвы – сами поэты-художники. Он глотает, пожирает всех своих поклонников, кроме рассказчика, которого можно считать альтер-эго самого писателя. *«В каждой келии лежали обглоданные кости. [...] Пришёл день, когда я остался один в обители»* (Вагинов, 1991, с. 486). Вагинов обращает наше внимание на то, что искусство – жестокая, беспощадная вещь – и впоследствии, кажется, он пришёл к выводу, что искусство/литература не может спасти ни человека, ни человеческую культуру. Представители литературы в повести появляются в гротескном виде, и в конце концов они жертвуют собой и гибнут, но без всякого результата или влияния на будущее. Вагинов здесь также является ироником и циником: можно издеваться над тенями прошлого литературного мира, мира искусства, но в результате человек найдет себя в такой действительности, в которой уже нет никакого убежища – ни для него, ни для своей многовековой культуры. Аполлоническое-демоническое начало мучает, не отпускает поэтов, власть проклятого бога – в переносном смысле искусства – страшна, но освободиться от неё невозможно. Это хорошо выражается в следующем стихотворении, несущем в себе вагиновское кредо:

Мы соловьями стали ***поневоле****.*
Когда ***нет жизни****, петь нам суждено*
О городах погибших, о надежде
И о любви, кипящей, как вино. (Вагинов, 1998, с. 53)

К этому же выводу пришёл неизвестный поэт – один из героев романа «Козлиная песнь», когда осмотрелся вокруг и увидел, что уже все уехали, а ему нельзя покидать город (Петербург), он не имеет права на это, он должен остаться там и сохранить высокий храм Аполлона: *«И видит он – вокруг него образуется воздушный снежный храм и он стоит над расщелиной»* (Вагинов, 1991, с. 24). Фигура неизвестного поэта с этой точки зрения является тесно связанной с действием «Монастыря...», что и он жертвует собой на алтаре Аполлона: он совершает самоубийство, потому что когда-то он был талантливым поэтом, но он потерял своё вдохновение, дальше не мог писать стихи, он стал неплодотворным.

Образ всепоглощающего Аполлона интересно появляется и развивается во втором романе Вагинова «Труды и дни Свистонова», главным героем которого является писатель Свистонов, который жертвует окружающими его людьми ради своего нового романа. Он практически переводит людей в литературу, он выдумывает продолжение жизни настоящих, действительных людей, являющихся друзьями Свистонова. Эти люди, читая новый роман Свистонова, понимают, что их жизнь стала сюжетом произведения и, таким образом, она стала завершенной – ведь соответствующие им персонажи в романе Свистонова уже прожили свою жизнь. В этом смысле настоящие люди оказываются лишними, бесцельными, беспомощными, безнадёжными и обнажёнными перед всем миром.

Нельзя не сказать о последней, третьей части повести, в которой появляются два немаловажных для дальнейшего творчества Вагинова мотива. Первый такой мотив – это сама звезда Вифлеема, которая становится заглавием следующей, незаконченной повести писателя, но этот символ не раз встречается и в стихотворениях Вагинова. *«Неподвижно бегу по пустым улицам. Влетаю в кафе. У окна человек со звездою Вифлеема, разводит руками, отгибается от спинки стула и плюется»* (Вагинов, 1991, с. 490). Значение этого символа будет более подробно объяснено немного позже, в связи с интерпретацией одноименного произведения.

Другой важный эпизод в этой третьей части – неожиданная её концовка – тот момент, когда становится ясным настоящий локус повести. В первых двух частях имена античных богов и героев вызывают ощущение, что действие происходит в эллинистическое время в древней Греции. Это ощущение усиливается, когда рассказчик, как Одиссей, просыпается на незнакомой земле, где его встречает эллинский народ – точнее, его призраки. Но в третьей части автор указывает точное место происходящего, и это нечто иное, нежели Петербург. Перед тем, как он прямо назвал город, появляется

оживающая статуя мраморного коня, который сразу же вызывает ассоциации с Петербургом (и так называемым петербургским текстом русской литературы, последним представителем которого был, можно сказать, сам Вагинов (Вагинов, 1991, с. 13)[4]. *«Оседлали глаза мраморного коня и полетели за водой живой. Дробно стучат копыта коня. Мраморный храп его горам подобен»* (Вагинов, 1991, с. 489). Это предчувствие, ассоциация утверждается, когда корабль умерших, являющийся тоже сквозным мотивом Вагинова, приплывает к Екатеринскому каналу (Вагинов, 1998, с. 25)[5]. И предчувствие окончательно становится фактом в последних предложениях произведения, из которых выясняется, где находится этот монастырь Аполлона: *«Свистит ночь. Иногда пляшет луна. Мы живём в монастыре – Демидов переулок, 15, недалеко от Сенной. Иногда мы сваливаем ритмы и образы в узелок, выходим и продаём, ибо, хотя мы и призраки, но нам надо есть»* (Вагинов, 1991, с. 490). Этим обосновывается если не отождествление, то по крайней мере приближение Петербурга (и всей России) к упадшему античному миру.

Другим сквозным мотивом является то, что Вагинов, как правило, отождествляет людей с призраками. Эта призрачность пронизывает всё творчество писателя, но его предпосылки мы находим и в предыдущих частях повести: *«Кто мы, братья мои? Кто мы, – спрашиваю я. – Неуж-ли призраки, коим издеваться дозволяется»* (Вагинов, 1991, с. 484). Или позже: *«Страшно жить мертвецу среди живых, страшно быть человеком страны умершей»* (Вагинов, 1991, с. 487). И ещё: *«Страшно быть живым среди призраков. Страшно быть человеком среди умерших»* (Вагинов, 1991, с. 489). Дилемма этой призрачности имеет два аспекта – первый связан с призрачностью самого Петербурга, исходящей из неофициального мифа основания города. А другой аспект связан с тем, что все эти персонажи повести, или, в дальнейшем, герои романов живут, существуют в таком мире, которого уже нет. Есть такие герои, которые сознательно удаляются, отходят от современного им послереволюцинного мира, и находят убежище в античности, но обычно только на определённое время, потому что в конце концов всем надо смотреть в лицо своей настоящей действительности. Некоторые герои это делают так, что становятся пошлыми членами-чиновниками нового мира, а некоторые герои совершают самоубийство. Другие герои сознательно не воспринимают окружающий их

---

[4] *«Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград; но Ленинград нас не касается – автор по профессии гробовщик, а не колыбельных дел мастер.»*

[5] Этот момент можно сравнить с отрывком из стиха Вагинова: *«[...] опять затрепетали крылья / Кораблей умерших голубые паруса / Может быть, новые острова открыли / Может быть, к новым стремятся небесам. [...] Сегодня сильный мороз на улице [...] Кораблей умерших паруса не раздулись / Никаких островов не видно впереди.»*

мир, они привыкли к другому, старому миру и не могут найти своё место в этом новом мире, при новых условиях, и не понимают ни самого мира, ни этих условий.

Леонид Чертков считает, что Вагинов-поэт и Вагинов-прозаик так относятся друг к другу, как доктор Джекилл и мистер Хайд, то есть он видит большую и значительную разницу, трещину между стихами и романами Вагинова. Он пишет, что *«его поэзия возвышенна, проза же, хотя и интересна, но как-то изначально безблагодатна»* (Чертков, 1982, с. 226). С помощью примеров из стихотворений и прозаических произведений я хотела бы показать, что поэзия и проза Вагинова, по моему мнению, тесно связаны друг с другом. Проза Вагинова прямо развивалась из его стихотворений: лирическое «я» стихов распалось на разных героев-персонажей романов, но при этом ирония и гротеск, и уже названные сквозные мотивы обеспечивают связь между поэтом и прозаиком.

Список использованной литературы

1. ВАГИНОВ, К. 1991. *Козлиная песнь.* In: *Козлиная песнь, Романы.* Москва: Изд. Современник, 1991. 592. с. ISBN 5-270-01015-1.
2. ВАГИНОВ, К. 1991. *Монастырь Господа нашего Аполлона.* In: *Козлиная песнь, Романы.* Москва: Изд. Современник, 1991. 592. с. ISBN 5- 270-01015-1.
3. ВАГИНОВ, К. 1998. *Стихотворения и поэмы.* Томск: Изд. Водолей, 1998. 192. с. ISBN 5-7137-0104-2.
4. ЧЕРТКОВ, Л. 1982. *Послесловие*. In: ВАГИНОВ, К.: *Собрание стихотворений.* München: Sagner, 1982. 238 p. ISBN 3-87690-157-X.

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ОПИСАННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: С. ГАНСОВСКОГО, А. ЛАЗАРЧУКА И С. АНИСИМОВА

Яна Гутёва, магистр

Институт русистики, философский факультет, Прешовский университет в г. Прешов, jana.hutova@smail.unipo.sk

Резюме:

Čo by bolo keby...? História spravidla nepozná podmieňovací spôsob. Napriek tomu sa téza o alternatívnosti historického procesu, o používaní podmieňovacieho spôsobu pri opise najvýznamnejších historických udalostí, pomerne často objavuje v umeleckej literatúre, ktorá disponuje pre ňu charakteristickými umeleckými a naratívnymi postupmi, nezávislými od všeobecných zákonitostí historickej vedy. Príspevok je venovaný literárnemu spracovaniu 2. svetovej vojny v dielach ruských spisovateľov: Severa Gansovského *Démon dejín*, Andreja Lazarčuka *Všetci môžu držať zbraň* a Sergeja Anisimova *Variant Bis*.

Сведения об авторе:

Яна Гутёва является аспиранткой в Институте русистики на философском факультете Прешовского университета в г. Прешов. К области ее научного интереса относится современная русская литература.

Тема Второй мировой войны в русской литературе остаётся до сих пор весьма актуальной. Литературные произведения, посвящённые войне или некоторым образом затрагивающие эту тему, можно рассматривать с разных точек зрения.

Во-первых – замысел, определяющий содержание литературного произведения[1] (его героев, место действия, жанр). Сюжетообразующим мотивом подобных произведений является, как правило, война в любом её проявлении или послевоенная общественно-политическая ситуация, сложившаяся на данный момент в мире. Поэтому

[1] Юрий Тынянов пишет, что «своеобразие литературного произведения – в приложении конструктивного фактора к материалу, в «оформлении» (т.е. по существу – деформации) материала» (Тынянов, 2002, с. 176). В этой статьи мы исследуем тему Второй мировой войны (1939 – 1945) в русской литературе на примере альтернативно-исторической прозы.

в зависимости от идейного содержания и формы литературного произведения, на первый план писатель чаще всего выносит волнующие его вопросы, например, вопросы об идеологической пропаганде, о силе русского (советского) оружия, патриотических традициях российского народа, политической агитации, призыве к прекращению насилия и возобновлению порядка в мире, судьбе человека…

Вторым аспектом является достоверность фактов, положенных в основу произведения с темой войны. Мы можем говорить, например, о военной прозе, о мемуарной литературе, об историческом романе, об альтернативно-исторической прозе и так далее.

В-третьих, важную роль играет время написания произведения: было ли оно написано во время войны или после неё. По этому критерию мы можем разделить литературу на военную и послевоенную.

В-четвёртых, необходимо обратить внимание на писательский подход к тем или иным историческим событиям. Речь идёт об авторском осмыслении и художественном переложении фактов на текстовую реальность. Это и феномен так называемой окопной правды, и лейтенантская проза, и солдатская проза.

В 40-е годы XX века, в первые годы Великой Отечественной войны, в русской литературе большое внимание уделяется публицистике и так называемой оборонной литературе (фронтовой литературе), авторами которой стали писатели, прошедшие через войну. Основная функция литературы, точно так же, как искусства в целом, заключалась в то время в общественной поддержке советского народа в борьбе с врагом (немецко-фашистскими войсками), а сами произведения отличалась героическим пафосом.

В 60-годы XX века во время оттепели, в связи с появлением некоторой свободы слова и либерализацией политической и общественной жизни в стране, изменилось широко распространённое представление о Великой Отечественной войне. В произведениях той поры писатели наконец получили возможность, к которой они стремились – показать войну именно такой, какой она была на самом деле, описать трагический смысл войны, без какого-либо искажения, упрощения и навязанного властью представления о ней.

В 80-е – 90-е годы XX века тема войны остаётся по-прежнему актуальной. Русская литература постепенно освобождается от идеологических оков, от цензуры, запретности и табуированности.

Фантастика в силу своих жанровых особенностей чутко реагирует на любые перемены. Особенно заметно это становится на рубеже веков. Авторы обычно задаются

вопросами: что происходит, почему это происходит, к чему это приведёт? Может быть, поэтому одним из самых востребованных жанров русской фантастической литературы становится именно альтернативно-историческая проза. Интерес русских писателей к жанру альтернативно-исторической прозы можно объяснить всё более и более усиливающейся в обществе неуверенностью в цельности и объективности истории, в том числе и в достоверности определённых исторических фактов, изложенных в учебниках.

Так как альтернативно-историческая проза предлагает читателю свой вариант того, что было бы, если бы история пошла другим путём, писатели довольно часто выбирают в качестве точки развилки ключевые исторические события, войны, восстания, перевороты, или другие исторически значимые события, личности и факты. Таким событием в ряде произведений альтернативно-исторической прозы является Вторая мировая война. В качестве примера мы приводим следующие произведения: рассказ Севера Гансовского «Демон истории» (1967), роман Андрея Лазарчука «Все, способные держать оружие» (1997), роман Сергея Анисимова «Вариант „Бис“» (2003) и другие.

Север Гансовский (1918 – 1990) – советский писатель-фантаст, драматург и художник, окончил филологический факультет Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Он был участником Великой отечественной войны, в 1941 году добровольцем ушёл на фронт. Литературный дебют Гансовского в фантастике состоялся в 1960 году, когда был опубликован рассказ «Гость из каменного века».

В русской литературе Гансовский стал известен прежде всего произведениями малой формы: повестями и рассказами «Хозяин бухты», «День гнева», «Часть этого мира», «Побег», «Полигон», «Демон истории», «Башня», «Дом с золотыми окошками» и другими. Причём «основной идеей многих из них является встреча человека с «неведомым», причём автора в равной степени интересует и описываемый им феномен, и реакция человека на него» (Мещерякова, 1998).

Под этим «неведомым» подразумевается обычно мысленный эксперимент. Гансовский проводит подобный эксперимент со своими персонажами, которых наделяет экстраординарными качествами: они способны видоизменяться, мысленно путешествовать во времени. Таким персонажем является и герой рассказа «Демон истории» (1967), в котором Гансовский прибегает к жанру альтернативно-исторической прозы. В рассказе рассматривается история Второй мировой войны, о которой читатель узнаёт из книги, лежащей на столе главного героя Чисона. Тот крайне недоволен случившимися в истории событиями. Вдруг с помощью некоего «демона истории» он отправляется в довоенную Австрию, чтобы предотвратить Вторую мировую войну,

зачинщиком которой стал некий Юрген Астер, глава местной фашистской партии. Несмотря на все усилия главного героя (он впоследствии убивает в 1914 году Юргена Астера), ход истории изменить невозможно, поэтому на смену одному разжигателю войны приходит другой, не менее жестокий. «Да, кстати! Шикльгрубер была фамилия пышноусого, с болезненной физиономией и странно короткими ручками молодого оборванца в Вене… Гитлер!» (Гансовский, 1967).

Оказывается, что исторический процесс всё-таки необратим, а вера главного героя в возможность реально что-нибудь изменить отсутствует. «В самом деле, казалось, что не будь этого неисчерпаемого, почти немыслимого изобильного источника злой силы, история последних десятилетий выглядела бы по-другому» (Там же). Тем не менее вопрос о роли личности и случая в истории остаётся по-прежнему актуальным, хотя «одно представление о прошедшей эпохе сменялось другим, и то, прежнее, растворялось безвозвратно в небытии» (Там же).

Рассматривая историю как взаимное напряжение сознательного и бессознательного процесса, Ю. М. Лотман пишет, что «разная степень участия сознательных человеческих усилий в различных уровнях единого исторического процесса одновременно касается и различий в оценке роли случайности, с одной стороны, и творческих возможностей личности, с другой» (Лотман, 1996, с. 315). Поэтому в исторический процесс в точке развилки вместе с механизмом случайности вступает также механизм сознательного выбора человека – мыслящей личности, которой предстоит сделать свой выбор. Такое решение составляет специфику исторического развития в целом.

Иногда в произведениях альтернативно-исторической прозы авторы создают вместе с альтернативной реальностью и параллельную реальность, в которой происходит изменение исторического процесса, а затем в этом параллельном мире осуществляется альтернативный вариант истории.[2] Таким образом, для некоторых произведении альтернативно-исторической прозы становится характерным признак множественности миров. Благодаря этому у писателя появляется возможность создать одновременно несколько параллельных миров, которые соприкасаются и влияют друг на друга. К таким произведениям можно отнести роман Андрея Лазарчука «Все способные держать

[2] Параллельная реальность – это реальность, которая существует одновременно с нашей реальностью, но независимо от последней. В параллельных мирах события происходят по собственному пути и могут иметь более одного возможного развития. Таким образом, концепция параллельных миров «предполагает "одновременное" существование нескольких вариантов исторических сюжетов и возможность взаимодействия между ними (например, благодаря способности героя перемещаться между этими мирами)» (Бережной, 2008).

оружие» (1997).

Мотив параллельных миров демонстрирует практически неограниченную свободу вымысла. Возникновению другой, альтернативной (параллельной) реальности, как правило, способствуют какие-нибудь внешние силы, которые служат двигателем прогресса в истории. Такими силами могут быть, например, эксперименты учёных или пришельцы из будущего. Таким образом, «концепция "параллельных миров" позволяет фантастам моделировать вероятностные миры, которые разделены непреодолимой стеной, вступают во взаимодействие друг с другом, принципиально противоположны по пространственно-временным характеристикам и т.п.» (Нямцу, 2004, с. 11).

Андрей Лазарчук (р. 1958) – современный русский писатель-фантаст, переводчик, автор ряда произведений, большинство из которых написано в жанрах и поджанрах фантастической литературы, окончил Красноярский медицинский институт. Литературный дебют Лазарчука состоялся в 1983 году, когда был опубликован его рассказ «Экслибрис» (другое название «Кузнечик»), а в 1996 году он написал первый фантастический роман «Опоздавшие к лету». Позже Лазарчук написал романы «Солдаты Вавилона», «Все способные держать оружие», «Транквилиум», «Посмотри в глаза чудовищ», «Мой старший брат Иешуа», «Спираль», «Стальная метель» и многие другие, а также он пишет повести и рассказы.

Определяющую роль в творчестве писателя играет психологизм, в том числе некоторое манипулирование психикой человека. В его произведениях очевиден скорее социально-философский аспект изображаемых в тексте событий и героев. В русской литературе он известен также как автор социально-психологической и альтернативно-исторической прозы.

С точки зрения нами исследуемого вопроса, нам интересен один из первых его романов – «Все, способные держать оружие» (1997), который был сначала издан в виде упрощённой по содержанию повести под названием «Иное небо» в 1993 году. Оба эти произведения можно отнести к жанру альтернативно-исторической прозы. При этом «в основе альтернативно-исторической гипотезы автора – предположение, что мироздание – это некое кольцо, которое может образовывать петли. По времени можно двигаться; возможны и “параллельные” варианты развития мира, линии истории, берущие начало в одной точке, но впоследствии расходящиеся все дальше и дальше…» (Мещерякова, Виноградова, 1998).

Действие романа происходит в трёх временных пластах: в 1961 году, главным героем повествования первой сюжетной линии является Зден Валинецкий, в 1991 году,

главным героем второй сюжетной линии выступает Игорь Зденович Валинецкий, в 2002 году, главным героем третьей сюжетной линий является Михаил Игоревич Валинецкий. Главный герой каждой из этих трёх сюжетных линии – представитель одного поколения одной и той же семьи. Точкой развилки является победа Германии во Второй мировой войне в 1941 году. Советский Союз разгромлен и поделён между победителями – Германией и Японией. Европейская часть России превратилась в протекторат Рейха, а оставшаяся значительная часть Сибири сохранила свою независимость и относительную самостоятельность, «... три равновеликие империи – и Сибирь между ними, Сибирь, делающая бизнес в том числе и на своем геополитическом положении – в центре мира... и вот теперь одно лишнее движение – и покатятся головы» (Лазарчук, 1997, с. 40).

Однако, в 1991 году общественно-политическая ситуация на международной арене изменилась, Рейх оказывается в условиях кризиса, а Европейская часть России все больше склоняется к возможности присоединиться к Сибири и восстановить Российскую империю в границах 1914 года, что в конце концов действительно случилось. И так в 2002 году к возрождённой Российской империи присоединён и Константинополь, и другие земли.

Используя художественные приёмы, свойственные альтернативно-исторической прозе, Лазарчук в своём романе вместе с альтернативной реальностью создал параллельный мир, в котором эта реальность потом осуществляется.

Сергей Анисимов (р. 1973) – современный русский писатель-фантаст, окончил Санкт-Петербургский Государственный Медицинский университет им. акад. И. П. Павлова. Он является автором романов, написанных в жанре альтернативно-исторической прозы «Вариант „Бис“», «Год мёртвой змеи», «За день до послезавтра», а также автором ряда остросюжетных повестей.

Тема Второй мировой войны стала основой его литературного дебюта – романа «Вариант „Бис“», опубликованного в 2003 году. В романе описывается альтернативный ход Второй мировой войны, когда с 1944-го года всемирная история пошла несколько иным путём, чем мы привыкли полагать. Итак, «девятого ноября 1944 года советские войска начали третье стратегическое наступление за год. В три часа ночи большинство подразделений было поднято по тревоге. Выбегающие из блиндажей и землянок солдаты ощущали вокруг массовое шевеление. Офицеры кучками стояли между опутанными маскировочными сетями капонирами, негромко переговариваясь и то и дело поглядывая на часы. Всем было ясно, что давно по какой-то высшей причине задерживаемое наступление начинается сегодня» (Анисимов, 2003).

Оказывается, что летом 1941 года Советский Союз был более подготовленным к вторжению войск гитлеровской Германии и её союзников на советскую территорию. Поэтому Советскому союзу всё-таки удалось предотвратить блокаду Ленинграда (1941 – 1944), а масштабное наступление советских войск должно было поставить окончательную точку во Второй мировой войне. К тому же, Советский Союз на тот момент обладал мощным флотом, включая авианосец «Чапаев», линейный крейсер «Кронштадт» и линкор «Советский Союз», в отличие от нашей действительности, когда этой авианосной группы в советской армии не было.

Тем не менее явная победа Советского Союза, и связанное с этим послевоенное разделение Европы не входило в планы союзников Советского Союза – США, Великобритании и других стран, поэтому представители вышеупомянутых государств пересмотрели свою позицию относительно фашистской Германии. «Стало известно, что десятого числа Рузвельт и Черчилль встретились в канадском Квебеке – вероятнее всего, для совещания о том, что же все-таки делать с Советским Союзом. Никаких подробностей о ходе этой встречи узнать не удалось, но московское командование на всякий случай приготовилось к худшему» (Анисимов, 2003). Таким образом, бывшие союзники Советского Союза стали теперь его врагами.

Несмотря на это, советские войска одержали окончательную победу сначала на суше (на территории Германии), а затем на море (на североатлантических морских коммуникациях). Европа опять оказалась поделённой на две части, но на этот раз по совершенно другой границе, чем в нашем мире.

Рассказ Севера Гансовского «Демон истории» (1967) и романы Андрея Лазарчука «Все способные держать оружие» (1997) и Сергея Анисимова «Вариант „Бис“» (2003) объединяет не только тема Второй мировой войны, но и жанр. Основной признак этих произведений – реалистичный, живой, осязаемый альтернативный мир, который даёт возможность по-новому переосмыслить причину, развитие и последствия самой тяжёлой и самой кровопролитной войны в мировой истории.

Специфика альтернативно-исторической прозы заключается в способности писателя свободно управлять категориями времени и пространства, поэтому в русском литературоведении этот жанр соотносится с фантастическим направлением в литературе. Таким образом, выбирая для конструирования сюжета историческую альтернативу, писатель сознательно меняет ход и результаты исторического процесса, по-новому он восстанавливает картину прошлого. Это особенно заметно в тех произведениях, в которых отправной точкой для альтернативного, но в действительности не

осуществившегося, развития исторических событий и процессов в мире является война. Оказывается, что именно война обладает способностью целенаправленно «переписать матрицу мира».

Список использованной литературы

1. АНИСИМОВ, С. 2003. *Вариант „Бис“*. [online]. [cit. 11-06-2018]. Dostupné na internete: <*http://www.e-reading.club/book.php?book=258*>
2. БЕРЕЖНОЙ, С. 2008. *Прошлое как учебный полигон. Очерк истории “альтернативной истории”*. [online]. "FANтастика". [cit. 12-06-2018]. Dostupné z: <*http://barros.rusf.ru/article274.html*>
3. ГАНСОВСКИЙ, С. 1967. *Демон истории*. [online]. [cit. 26-05-2018]. Dostupné na internete: <*http://www.e-reading.club/book.php?book=13367*>
4. ЛАЗАРЧУК, А. 2001. *Все способные держать оружие…*: Фантаст. роман. Москва: ООО Издательство АСТ. 2001. 416 с. ISBN 5-17-007787-4.
5. ЛОТМАН, Юрий. 1996. *Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история*. Москва: Языки русской культуры: Кошелев. 1996. 447 с. ISBN 5-7859-0006-8.
6. МЕЩЕРЯКОВА, М. 1998. *Гансовский Север Феликсович* (1918-1990). [online]. [cit. 25-05-2018]. Dostupné na internete: <*http://www.rusf.ru/litved/biogr/gansov.htm*>
7. МЕЩЕРЯКОВА М. – Виноградова О. 1998. *Лазарчук Андрей Геннадьевич (р.1958)*. [online]. [cit. 26-05-2018]. Dostupné na internete: <*http://www.rusf.ru/litved/biogr/lazar.htm*>
8. НЯМЦУ, А. 2004. *Современная фантастика: (проблемы теории)*. Черновцы: Рута. 2004. 80 с. ISBN 966-568-730-1.
9. ТЫНЯНОВ, Ю. 2002. *Литературная эволюция: Избранные труды*. Москва: Аграф. 2002. 496 с. ISBN 5-7784-0171-X.

II. Translatologická sekcia

RETOUR VO SVETOVEJ TRANSLATOLÓGII

Mgr. Miroslava Danišková

Katedra rusistiky a východoeurópskych štúdií, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave, miroslava.daniskova@uniba.sk

Abstrakt:

Темой статьи является ретур-перевод в мировом переводоведении. Целью статьи является определение понятия «ретур-перевод» с теоретической точки зрения. В первой части статьи дадим определение понятию «ретур-перевод», потом сделаем обзор теоретических работ, посвященных этой теме. На основании обзора литературы попытаемся определить мнения исследователей относительно ретур-перевода. Особенное внимание в статье мы уделим исследованиям российских переводоведов. Затем рассмотрим вопрос о качестве устного перевода в зависимости от направления переводческого процесса. В заключительной части статьи отметим, что требования к качеству устного перевода со стороны его рецепторов могут сильно отличаться от требований к качеству устного перевода со стороны профессиональных переводчиков или исследователей перевода.

O autorke:

Autorka je absolventkou Filozofickej fakulty UK v Bratislave v odbore prekladateľstvo a tlmočníctvo: anglický jazyk a kultúra – ruský jazyk a kultúra. V súčasnosti pôsobí ako doktorandka na Katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií FiF UK v študijnom programe translatológia. Venuje sa predovšetkým teórii, praxi a didaktike tlmočenia so zameraním na retour a pilotáž v rámci procesu výučby simultánneho tlmočenia na Slovensku.

Termín retour pochádza z francúzskeho jazyka a rozumie sa pod ním tzv. biaktívne tlmočenie, teda tlmočenie do rodného a aj do cudzieho jazyka. Bežne sa týmto výrazom označuje simultánne tlmočenie z rodného jazyka (A) do výborne ovládaného cudzieho jazyka (B).

Všeobecne platí, že jazyk B je:

- jazyk v ktorom tlmočník dokáže myslieť v rámci formálne štruktúrovanej (tlmočníckej) situácie;

- jazyk, v ktorom je tlmočník schopný podať jasnú a presnú správu (výpoveď) recipientom tlmočenia, alebo kolegom tlmočníkom, ktorým pilotuje (Christine, 2002, s. 63).

Je možné skonštatovať, že prenos zmyslu a sluchová kontrola výstupu v jazyku B si od tlmočníka vyžadujú vyššie kognitívne úsilie, než pri tlmočení do jazyka A. No práve naopak, menej náročná na procesnú kapacitu (pri tlmočení B-A) je analýza zmyslu, konceptualizácia výpovede a porozumenie originálnemu prejavu v jazyku A (Čeňková, 2007, s. 97-112).

Konferenčné tlmočenie (vysoká konzekutíva a simultánne tlmočenie) do cudzieho jazyka B sa **v strednej a východnej Európe** vnímalo ako bežná záležitosť už od počiatkov postupnej profesionalizácie tlmočenia po skončení druhej svetovej vojny. Na miestnom trhu tlmočenia je prirodzené, že tlmočník pracoval (a pracuje) do svojho rodného jazyka a aj do svojho aktívneho cudzieho jazyka. (tzv. bilaterálne, alebo dialogické tlmočenie). **V západnej časti Európy** Medzinárodná asociácia konferenčných tlmočníkov AIIC (*Association internationale des interprètes de conférence*) v oficiálnom postoji trvala na tom, že profesionálny tlmočník pracuje iba do materinského jazyka (jazyk A). Ako sa však vyjadruje I. Čeňková v článku *Retour a pilotáž: každodenní realita pro konferenční tlumočníky v evropských institucích*, na súkromnom trhu (a to obzvlášť v prípade niektorých jazykových kombinácií) sa situácia príliš nelíšila od situácie vo východnej Európe. Podľa I. Čeňkovej sa dnes simultánne tlmočenie do jazyka B stalo bežnou záležitosťou všade, na Východe, či dokonca i na Západe. Na jednej strane podľa nej zohráva úlohu dominantné postavenie angličtiny, na druhej strane mnohojazyčná a multikultúrna rozmanitosť súčasného sveta. To všetko si podľa nej vyžaduje tlmočníkov, ktorí sú schopní čeliť veľmi rozdielnym a nečakaným situáciám. Názory rôznych translatológov a tlmočníckych škôl sa však najmä na Západe rozchádzajú. I. Čeňková však zdôrazňuje, že v súčasnosti sú aspoň pripravení diskutovať o úlohe retouru na tlmočníckom trhu a zaradiť ho do výučby tlmočenia (Čeňková, 2007, s. 97-112). P. Šveda k danej problematike dodáva, že z jazykového hľadiska patrí **slovenčina** medzi menšie európske jazyky. Významné západné školy kladú dôraz na tlmočenie do materinského jazyka a tlmočenie do iného jazyka považujú za zriedkavú možnosť, resp. výnimku. Vzhľadom na požiadavky slovenského trhu však treba študentov stále pripravovať aj na tlmočenie do cudzieho jazyka (Šveda, 2016, s. 7).

Prehľad translatologických prác o retoure

Množstvo známych translatológov sa zaoberalo, či zaoberá retourom. Z českého a slovenského prostredia napríklad spomínaní I. Čeňková, J. Rejšková a P. Šveda, zo zahraničných odborníkov napríklad D. Seleskovitchová a M. Ledererová, D. Gile, G. V.

Černov, B. Moser-Mercerová, či F. Pochhacker.

Škola teórie zmyslu na parížskej ESIT (vychádzajúca z prác D. Seleskovitchovej a M. Ledererovej) dodnes zastáva názor, že kvalitný tlmočnícky výkon musí mať podobu spontánneho prejavu, čo je možné iba v jazyku A. Dané autorky a celkovo teória zmyslu dlho tlmočenie do jazyka B neuznávali ako legitímny smer tlmočenia, dokonca zastávali názor, že retour je vždy horší ako tlmočenie do jazyka A. V roku 2002 však D. Seleskovitchová a M. Ledererová v druhom vydaní publikácie *Pédagogie raisonnée de l'interprétation* doplnili kapitolu o výučbe retouru, ktorý sa v posledných rokoch na danej univerzite vyučuje (Seleskovitch, Lederer, 2002, s. 21-22).

Predpoklad parížskej školy, že retour je vždy horší ako tlmočenie do A sa podrobil mnohým empirickým overeniam (po terstskom prevrate v západnej translatológii a tiež v Sovietskom zväze). V Sovietskom zväze boli publikované viaceré práce, ktoré overovali hypotézu, že pri tlmočení do jazyka B má tlmočník lepšie porozumenie textu a preto je výsledný prejav zo sémantického a pragmatického hľadiska kvalitnejší. J. Denissenko poskytuje aj ďalšie vysvetlenie, a to, že tlmočník má v cudzom jazyku menší výber variánt a preto je proces rozhodovania kratší a celý proces tlmočenia sa tým zjednodušuje. Preferencia retouru je badateľná aj v prácach P. V. Černova (Denissenko, 1989, s. 22). Zisteniam J. Denissenka však oponuje napríklad K. Szabariová, ktorá uvádza, že výsledky výskumu môže skresľovať aj fakt, že sovietskym tlmočníkom bol odopretý pobyt v cudzine a preto je pre nich na počúvanie a analýzu jednoduchší jazyk A (Szabari, 2002, s. 13). V dnešnej dobe sa pri príprave budúcich tlmočníkov kladie veľký dôraz na jazyk B a jeho ovládanie. ESIT má dokonca požiadavku, aby študenti pred prijatím na magisterský stupeň štúdia tlmočníctva strávili aspoň rok v zemi svojho jazyka B.[1]

Trestský kongres v roku 1986 oživil záujem o poznatky z ďalších vedeckých disciplín v translatológii. Nová paradigma translatológie sa opiera o empirické nástroje využívajúc príbuzné lingvistické disciplíny. V súčasnosti sa vedú živé diskusie o tlmočení do jazyka B. V roku 2002 a 2005 prebehol seminár ESIT *Teaching Simultaneous Interpretation into a „B“ language*.[2] Užitočný je aj zborník Godijnsa a Hinderdaela z roku 2005 a mnohé ďalšie veľmi

[1] Viď. ESIT University. 2018. [online]. 2018. [cit. 2018-2-2]. Dostupné na internete: <http://www.univ-paris3.fr/esit/faq_conditions.html>

[2] Viď. EMCI (European Masters in Conference Interpreting) Workshop. 2002. *Proceedings of EMCI Workshop Paris 2002: Teaching simultaneous interpretation into a B language.* Paris: ESIT.
EMCI (European Masters in Conference Interpreting) Workshop. 2005. *Proceedings of EMCI Workshop Paris 2005: Teaching simultaneous interpretation into a B language.* Paris: ESIT.

aktuálne publikácie na danú tému.[3] S ohľadom na požiadavky trhu v dnešnom globalizovanom a multikultúrnom prostredí, sa tlmočenie do jazyka B postupe stáva uznávaným smerom tlmočenia aj na Západe.

Kvalita tlmočenia s ohľadom na jeho smer

D. Gile vo svojej práci z roku 2005 podáva prehľad prác, ktoré sa zaoberajú výskumom kvality tlmočenia s ohľadom na jeho smer. [4] J. Tomola a M. Heleväová (1998) sa zaoberali empirickým skúmaním kvality tlmočenia na základe psycholingvistických modelov. Dospeli k záverom, že pri pokročilých študentoch tlmočenia sa neobjavovali rozdiely pri tlmočení buď do jazyka A alebo do jazyka B pri jednoduchých textoch. Pri tlmočení zložitejších textov však bolo tlmočenie študentov v smere z jazyka A do jazyka B presnejšie. Autori sa domnievajú, že pojmová a jazyková zložitosť textu je psycholingvistickou realitou, vplývajúcou na simultánne tlmočenie (Tommola, Heleva, 1998, s. 177-186). Podobné závery zverejňuje aj de Bot, ktorý tvrdí, že asymetria pri tlmočení buď do jazyka A alebo do jazyka B sa zvyšuje s úrovňou odbornej spôsobilosti (De Bot, 2000, s. 65-88). Zistenie, že relatívne lepší retour majú začínajúci tlmočníci, zatiaľ čo kvalita oboch smerov tlmočenia skúsených profesionálov sa vyrovnáva, nie je v odbornej literatúre ojedinelé. Podobný výskum uskutočnila v roku 2004 aj M. Bartolmiejczyková. V jej výskume bola kľúčovou otázkou otázka preferencie smeru tlmočenia. Bartolomiejczyková sa dotazovala študentov tlmočenia a profesionálnych tlmočníkov. Zistila, že viac ako štvrtina študentov preferuje tlmočenie do jazyka B, pričom vyzdvihovali lepšie porozumenie originálu a najväčší problém videli v prízvuku pri tlmočení do jazyka B. Pri profesionáloch M. Bartolomiejczyková nezaznamenala ani jednu preferenciu retouru (Bartolomiejczyk, 2004, s. 239-249). V rámci modelu úsilia D. Gilea môžeme vysvetliť tento jav tak, že väčšia váha úsilia sa sústreďuje na produkciu v procese tlmočenia potom, čo

---

[3] Viď. GODIJNS, R. – HINDERDAEL, M. (eds.) 2005. *Directionality in Interpreting. The 'Retour' ar the Native?* Gent: Communication & Cognition.

ADAMS, Ch. 2002. *What is a B Language? Towards a Working Definition and Selection Criteria*. In: EMCI Workshop: 20-22.

BARTOLMIEJCZYK, M. 2004. *Simultaneous interpreting A-B vs. B-A from the interpreters' standpoint*. In: Hansen, Malmkjaer & Gile: 239-249.

BOUCHARD, M., TUONONEN, M. 2001. *The Reality of Retour in the Finnish Booth.* [online]. 2001. [cit. 2018-2-2]. Dostupné na internete: <http://www.europarl.eu.int/interp/online/lf99_one/v04_no9/finnish.html>

CAMPBELL, S. 1998. *Translation into the Second Language.* London/New York: Longman.

DÉJEAN, K. 2002. *L'interprétation simultanée en B. Les principes*. In EMCI Workshop: 27-29.

REJŠKOVÁ, J. 2001. *Working in Another Language: Retour Training.* [online]. 2001. [cit. 2018-2-2]. Dostupné na internete: <http://europa.eu.int/comm/scic/interpreter/2001/3_rejskova_en.htm>

REJŠKOVÁ J. 2002. *Teaching Experience of Simultaneous into B*. In EMCI Workshop: 30-34.

[4] Viď. GILE, D. 2005. *Directionality in Conference Interpreting: A Cognitive View*. In: Godijns & Hinderdael: 9-26.

tlmočník vďaka praxi lepšie zvláda počúvanie a analýzu textu. Tak sa produkcia v jazyku A môže zdať jednoduchšia a tlmočník má k dispozícii väčšiu flexibilitu vyjadrovania. K podobným záverom dospela aj C. Donovanová vo svojom výskume, z roku 2002, kde sa na kvalitu retouru dotazovala tlmočníkov OECD. Zistila, že všetci opýtaní (profesionálni) tlmočníci preferovali tlmočenie do jazyka A, pričom ako dôvod uvádzali, že tento smer tlmočenia je pre nich menej únavný, cítia sa menej napätí a pociťujú väčšiu flexibilitu (Donovan, 2002, s.2-10). Ak by sme sa na kvalitu tlmočenia v rámci problematiky retouru pozreli aj z paralingvistického hľadiska, treba spomenúť, že kvalitu môže ovplyvňovať aj napríklad okamžitá dostupnosť jazykových štruktúr. D. Gile sa k tejto problematike vyjadruje tak, že mnoho tlmočníkov žije v krajine, kde je úradným jazykom ich jazyk B. Tým pádom im môže na ich rodný jazyk (jazyk A) vplývať neustála prítomnosť jazyka B (najmä pri príbuzných jazykoch, akými sú napríklad slovenčina a ruština, poznámka autorky). Úplne sa teda stierajú rozdiely medzi tlmočníkovým jazykom A a B. Gile taktiež uvádza, že tlmočník môže mať vyššiu úroveň okamžitej dostupnosti jazykových štruktúr v jazyku B, vyplývajúc z dlhodobej, či krátkodobej prípravy v rámci špecifických tematických okruhov, či praxe (Gile, 2005, s. 23).

Očakávania poslucháčov

Veľmi dôležité je vyzdvihnúť do popredia aj očakávania poslucháčov. Nároky na kvalitu poslucháčov tlmočenia totiž môžu byť veľmi odlišné od nárokov na kvalitu tlmočenia profesionálnych tlmočníkov či translatológov.

Je potrebné podotknúť, že tlmočenie do cudzieho jazyka zahŕňa aj celý rad zvláštnych faktorov, ktoré môžu, ale zároveň nemusia vplývať na vnímanie kvality tlmočníckeho výkonu recipientom. Medzi takéto faktory patrí prízvuk tlmočníka, jeho jazyková kompetencia v jazyku B na rôznych úrovniach (syntakticko-gramatickej, lexikálnej, štylistickej, či pragmatickej) a už mnohokrát spomínané porozumenie východiskovému textu, najmä s prihliadnutím na kultúrne a iné metatextové odkazy.

I. Kurzová uskutočnila v roku 2001 výskumy, z ktorých vyplýva, že poslucháči nekladú veľký dôraz na bezchybný prízvuk tlmočníka. Skôr im záleží na logickom súlade zmysluplnosti, úplnosti a použití správnej terminológie. Zdá sa teda, že prízvuk nie je najdôležitejší a poslucháči sú spokojní, kým je prejav tlmočníka zrozumiteľný, zmysluplný a terminologický presný (Kurz, 2001, s. 394-409). Veľmi dôležitý výskum v tejto oblasti realizovala C. Donovanová, ktorého výsledkom je publikácia *Survey of Users' Expectations and Needs* z roku 2002. V úvode C. Donovanová zhrnula predtým realizované výskumy dotýkajúce sa danej témy. Donovanová konštatuje, že recipienti na prvé miesto stavajú

zrozumiteľnosť výpovede a úplnosť tlmočenia. Za tým nasleduje malý časový posun tlmočenia a terminologická presnosť. Na prízvuk a gramatiku recipienti nekladú dôraz takmer vôbec, do popredia viac vyzdvihli prácu s hlasom, či zafarbenie hlasu. C. Donovanová podotýka, že pri takomto type výskumu je veľmi náročné odfiltrovať interferenciu v podobe subjektívnej váhy recipientov prikladanej jednotlivým kritériám. Donovanová ako hlavný problém daného výskumu uvádza, že respondenti často nepovažujú rozdiel medzi tlmočníkovým jazykom A a tlmočníkovým jazykom B za relevantný, alebo si ho dokonca ani neuvedomujú. Tlmočenie vnímajú ako určitý druh služby a viac sa zaujímajú napríklad o už spomínanú úplnosť tlmočenia, či dokonca technické vybavenie (napr. hluk v miestnosti, či správne fungovanie tlmočníckej techniky). C. Donovanová na záver rekapituluje, že recipienti tlmočenia uvádzajú dve hlavné očakávania: presnosť výpovede a úroveň prezentácie tlmočníka. Nikto z respondentov nepovažoval za dôležitú správnu výslovnosť, či prízvuk. Za negatívny príznak však označili nepresvedčivosť, či monotónnosť prejavu (Donovan, 2002, s. 8). I. Čeňková zrealizovala v roku 2007 podobný prieskum. V rámci neho bolo rozoslaných 300 dotazníkov poslancom Európskeho parlamentu. Uvedieme len niekoľko pre ciele našej práce zaujímavých odpovedí. Jeden respondent uviedol, že v Európskom parlamente sú takmer všetci tlmočníci bilingválni, takže vždy tlmočia akoby do svojho jazyka A. Veľmi zaujímavé je, že na rozdiel od respondentov z výskumu C. Donovanovej, väčšina respondentov z výskumu I. Čeňkovej priznala, že počuje rozdiel medzi tlmočením do jazyka A a do jazyka B. Respondenti uvádzali štylistické nedostatky, nedostatočnú plynulosť prejavu, problémy s formálnou koherenciou, príliš dlhú dekaláž, nedostatočnú plynulosť prejavu, dvojitú stratu informácie pri pilotáži. Až 73% poslancov napísalo, že je príjemnejšie počúvať tlmočenie do rodného jazyka (Čeňková, 2007, s. 108). No Respondenti Donovanovej prieskumu v OECD v Paríži z roku 2002 si rozdiely v tlmočení vôbec neuvedomovali. Preto sa I. Čeňková domnieva, že nielen pri problematike retouru či pilotáže, ale pri problematike tlmočenia všeobecne veľmi záleží na druhu tlmočenej akcie, na poslucháčoch a na individuálnych výkonoch tlmočníkov.

Konferenčné tlmočenie do cudzieho jazyka B sa v **strednej a východnej Európe** vnímalo ako bežná záležitosť už od počiatkov postupnej profesionalizácie tlmočenia po skončení druhej svetovej vojny. V **západnej časti Európy** Medzinárodná asociácia konferenčných tlmočníkov AIIC (*Association internationale des interprètes de conférence*) v oficiálnom postoji donedávna trvala na tom, že profesionálny tlmočník pracuje iba do materinského jazyka (jazyk A). Názory rôznych translatológov a tlmočníckych škôl sa však najmä na západe rozchádzajú. I. Čeňková však zdôrazňuje, že v súčasnosti sú aspoň pripravení diskutovať o úlohe retouru na tlmočníckom trhu a zaradiť ho do výučby tlmočenia (Čeňková,

2007, s. 112). **Na Slovensku** situáciu ovplyvňuje najmä fakt, že z jazykového hľadiska patrí slovenčina medzi menšie európske jazyky. Na miestnom trhu tlmočenia je prirodzené, že tlmočník pracoval (a pracuje) do svojho rodného jazyka a aj do svojho aktívneho cudzieho jazyka. (tzv. bilaterálne, alebo dialogické tlmočenie). P. Šveda k danej problematike dodáva, že vzhľadom na požiadavky slovenského trhu treba študentov tlmočníckych disciplín stále pripravovať aj na tlmočenie do cudzieho jazyka (Šveda, 2016, s. 7).

Zoznam použitej literatúry

1. ADAMS, Ch. 2002. *What is a B Language? Towards a Working Definition and Selection Criteria*. In: EMCI Workshop: 20-22. September 2002, Paris: ESIT.
2. BARTOLMIEJCZYK, M. 2004. *Simultaneous interpreting A-B vs. B-A from the interpreters' standpoint*. In: Hansen, Malmkjaer & Gile: 239-249.
3. BOUCHARD, M. – TUONONEN, M. 2001. *The Reality of Retour in the Finnish Booth.* [online]. 2001. [cit. 2018-2-2]. Dostupné na internete: *<http://www.europarl.eu.int/ interp/online/lf99_one/v04_no9/finnish.html>*
4. CAMPBELL, S. 1998. *Translation into the Second Language.* London/New York: Longman.
5. DÉJEAN, K. 2002. *L'interprétation simultanée en B. Les principes*. In: EMCI Workshop: 27-29.
6. ČEŇKOVÁ, I. 2007. Retour a pilotáž: každodenní realita pro konferenční tlumočníky v evropských institucích. In: *Translatológia a jej súvislosti 2.* Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných studií. 2007. s. 97-112. ISBN 978-80-8083-484-5.
7. DE BOT, K. 2000. *Simultaneous Interpreting as Language Production*. In: Englund-Dimitrova & Hyltenstam: 65-88.
8. DENISSENKO, J. 1989. Communicative and Interpretative Linguistics. In: Gran, L. Taylor, Ch. (eds.) 2004. *The Theoretical and Practical Aspects of Teaching Conference Interpretation.* Udine: ampanotto Editore. 155-158.
9. DONOVAN, C. 2002. *Survey of Users' Expectations and Needs*. In: EMCI Workshop: 2-10.
10. EMCI (European Masters in Conference Interpreting) Workshop. 2002. *Proceedings of EMCI Workshop Paris 2002: Teaching simultaneous interpretation into a B Language.* Paris: ESIT.

11. EMCI (European Masters in Conference Interpreting) Workshop. 2005. *Proceedings of EMCI Workshop Paris 2005: Teaching simultaneous interpretation into a B Language.* Paris: ESIT.
12. GILE, D. 2005. *Directionality in Conference Interpreting: A Cognitive View*. In: Godijns & Hinderdael: 9-26.
13. GODIJNS, R. – HINDERDAEL, M. (eds.) 2005. *Directionality in Interpreting. The 'Retour' ar the Native?* Gent: Communication & Cognition.
14. GRAN, L. – DODDS, J. (eds.). 1989. *The Theoretical and Practical Aspects of Teaching Interpretation.* Udine: Campanotto Editores.
15. KODYM, J. 2006. *Zkušenosti se simultánním tlumočením do jazyka B. Tlumočení v evropských institucích.* [Diplomová práce]. UK FF Praha. 2006. 89 s.
16. KURZ, I. 2001. Conference Interpreting: Quality in the Ears of the User. In: *Meta: Translators' Journal*. Vol. 46, No. 2, 2001. s. 394-409.
17. REJŠKOVÁ J. 2002. *Teaching Experience of Simultaneous into B*. In: EMCI Workshop: 30-34.
18. GILE, D. 2005. *Directionality in Conference Interpreting: A Cognitive View*. In: Godijns & Hinderdael: 9-26.
19. REJŠKOVÁ, J. 2001. *Working in Another Language: Retour Training.* [online]. 2001. [cit. 2018-2-2]. Dostupné na internete: <*http://europa.eu.int/comm/scic/interpreter/2001/3_rejskova_en.htm*>
20. SELESKOVITCH D. – LEDERER M. 2002. *Pédagogie raisonnée de l'interprétation.* Paris: Didier Erudition.
21. SZABARI K. 2002. Interpreting into the B Language. In: EMCI Workshop. 12-19. Tommola1 J. (ed.) 1995. *Topics in Interpretation Research.* Turku: Centre for Translation and Interpreting.
22. ESIT University. 2018. [online]. 2018. [cit. 2018-2-2]. Dostupné na internete: <*http://www.univ-paris3.fr/esit/faq_conditions.html*>
23. ŠVEDA, P. 2016. *Vybrané kapitoly z didaktiky simultánneho tlmočenia*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, Filozofická fakulta. 2016. 95 s. ISBN 978-80-223-4069-4.
24. TOMMOLA J. – HELEVA M. 1998. Language direction and source text complexity. Effects on trainee performance in simultaneous interpreting. In: Bowker et al. (eds.) *Unity in Diversity? Current Trends in Translation Studies.* Manchester: St. Jerome.

ВИКТОР СУХОДРЕВ, ИЛИ ЧЕЛОВЕК ПОСЕРЕДИНЕ

Елизавета Мадей, магистр

кафедра русистики и восточноевропейских исследований, философский факультет, Университет им. Я. А. Коменского в г. Братислава, lizaveta@lizaveta.sk

Резюме:

V tomto článku sú predstavené vybrané fakty zo súkromného a profesionálneho života ruského velikána konzekutívneho tlmočenia – Viktora Michajloviča Suchodreva. Viktor Suchodrev sa zapísal do dejín Ruska ako osobný tlmočník N. S. Chruščova, L. I. Brežneva, A. A. Gromyka, A. I. Mikojana, A. N. Kosygina, M. S. Gorbačova a mnohých ďalších vedúcich predstaviteľov ZSSR. Život diplomatického tlmočníka bol bohatý na významné, občas dokonca rozhodujúce udalosti pre Sovietsky zväz. Za 40 rokov svojej kariéry Suchodrev musel viackrát čeliť nielen náročným prekladateľských orieškom, ale aj diplomatickým hádankám, s ktorými si vždy vedel bezchybne poradiť. Cieľom tohto článku je predstaviť osobnosť V. M. Suchodreva nielen ako nadaného tlmočníka, ale aj ako šikovného diplomata.

Сведения об авторе:

Елизавета Мадей в 2017 году окончила магистратуру на философском факультете Университета им. Я. А. Коменского в г. Братиславе. В настоящее время является студенткой 1-го курса аспирантуры на кафедре русистики и восточноевропейских исследований того же факультета. К области исследования относится устный последовательный перевод, специальный письменный перевод, дидактическая филология.

Сотрудничество между представителями власти и переводчиками имеет долгую историю и берет свое начало еще во времена античности. Изначально в качестве переводчиков и межкультурных посредников выступали естественные билингвы, трилингвы и полиглоты. Это были люди, владеющие несколькими языками по причине своего происхождения, места проживания либо некоторых особых семейных обстоятельств (например, женщины, выданные замуж за представителя другого племени или национальности и изучившие язык своего супруга). Вследствие отсутствия профессионального переводческого ремесла коммуникативные ситуации, наиболее часто требующие устного перевода (проведение военных походов, переговоров с союзниками

и врагами, допросов пленных или контроля над завоеванными территориями (Бродский, 2012, с. 36)), обслуживались окказиональными переводчиками. С течением времени в результате выхода дипломатических отношений на мировой уровень требования к качеству устного перевода значительно изменились. Уровень устного перевода, реализуемого для высших представителей государства или членов иностранных дипломатических миссий, требовал профессиональной подготовки. От дипломатических переводчиков ожидали компетентности и высококлассной работы, поскольку переводчики несли ответственность не только за адекватность перевода, но и за результат и последствия проводимых переговоров. Критерии выбора устного переводчика для ораторов, представляющих интересы того или иного государства, усложнились. Так, в XX веке, исторические события которого предоставили широкую платформу для развития устного перевода, на политической арене наряду с ораторами-дипломатами стали появляться и высококлассные переводчики.

Одним из таких переводчиков, выступающих по левую руку советских лидеров на протяжении 40 лет, был Виктор Михайлович Суходрев. Будущий переводчик родился 12 декабря 1932 года в Москве, однако уже в начале августа 1939 года вместе с мамой был вынужден переехать в Лондон. Официальной причиной их отъезда была рабочая командировка в Англию мамы Виктора, Евгении Александровны, работавшей в Торговом представительстве СССР. Настоящей же причиной стало направление Евгении Александровны, служившей советской разведчицей, в лондонскую миссию. Отец Виктора, Михаил Лазаревич, также был офицером ГРУ, разведчиком-нелегалом, с 1939 по 1949 год служившим в США.

Постоянно находясь в окружении англоговорящих детей и взрослых, Виктор быстро выучил английский язык и, как он сам вспоминает, вскоре на английском говорил легче, чем на родном русском (Гордон, 2011, онлайн). В 1940 году Виктор пошел в школу при советском посольстве в Лондоне. Именно здесь он впервые встретился с устным переводом: «В доме, где располагалась наша школа, решили сделать какой-то мелкий ремонт. Наняли небольшую местную строительную фирму. Ее владельцем оказался высокий здоровенный англичанин, добрый улыбчивый человек, с которым я сразу подружился. Школьный завхоз по-английски не говорил и как-то попросил меня помочь в общении с владельцем фирмы и рабочими. Можно сказать, что это был мой первый опыт работы в качестве переводчика» (Суходрев, 2005, с. 7). После этого случая Виктор твердо решил, что хочет стать переводчиком.

В 1945 году Виктор с мамой возвращается в Москву и идет в школу. Там его

освобождают от изучения английского языка. В 1951 году Суходрев поступает в Институт иностранных языков, где вместо курсов английского языка он начинает посещать занятия по французскому. В 1954 году Виктора Суходрева как одного из самых старательных и талантливых студентов представляют Олегу Александровичу Трояновскому, в то время главному переводчику высшего руководства и руководителю Бюро переводов в МИДе (Трояновский, 2017, с. 200)[1]. После окончания института в 1956 году Суходрева направляют на работу в МИД. Поначалу на новом месте работы Виктор осуществляет исключительно письменные переводы документов, посланий и дипломатических нот, позже ему начинают поручать устные переводы бесед заместителя министра иностранных дел с послами и другими представителями иностранных государств.

Виктор Суходрев стал работником министерства уже после XX съезда Коммунистической партии СССР, прошедшего в Москве с 14 по 25 февраля 1956 года и положившего конец сталинской эпохе (Универсальная библиотека, онлайн). Это было «звездное время» Никиты Сергеевича Хрущева, ставшего единоличным руководителем страны. Именно в 1956 году Виктор Суходрев познакомился с советским лидером. Произошло это в гостинице «Метрополь» в Москве, где Посольство Албании в СССР по случаю своего национального праздника устроило официальный прием. В этот день Суходреву посчастливилось переводить длительную беседу Хрущева с поверенным в делах Индии. Первое впечатление от Хрущева: «Хороший, нормальный мужик с немного простецким чувством юмора, которого совсем нестрашно переводить,» – вспоминает переводчик.

После этого Суходрев стал осуществлять устные переводы для представителей власти на постоянной основе. Практически ежедневно он работал с Н. С. Хрущевым, В. М. Молотовым (министром иностранных дел СССР), Г. М. Маленковым (заместителем председателя Совета министров СССР), Л. М. Кагановичем (министром промышленности строительных материалов СССР, членом Президиума ЦК КПСС), Д. Т. Шепиловым (министром иностранных дел с июня 1956 по февраль 1957 года) и другими.

По словам переводчика, первой по-настоящему сложной работой с Хрущевым оказался устный перевод телевизионного интервью советского лидера

[1] Бюро переводов (в настоящее время Департамент лингвистического обеспечения МИД) – советско-русская реалия, один из отделов Министерства иностранных дел, занимающийся подбором и последующим обучением дипломатических переводчиков. Переводчики являются внутриштатными сотрудниками министерства, осуществляют устные и письменные переводы, со временем получают дипломатический ранг.

радиотелевизионной компании «Си-би-эс». Виктор Суходрев переводил на русский язык вопросы, задаваемые Хрущеву американскими журналистами, а Олег Трояновский делал английский перевод ответов, предоставленных первым секретарем. Нелегким оказался и устный перевод четырехчасового интервью, данного Хрущевым Уильяму Херсту мл. – сыну владельца крупной газетно-издательской империи США. После этого интервью последовали беседы Хрущева с журналистами Уолтером Липпманом, Дрю Пирсоном и другими.

В 1959 году состоялся первый официальный визит Хрущева в США. В качестве личного переводчика советского вождя поехал Виктор Суходрев. Во время этой рабочей поездки Суходрев не раз сталкивался с тяжело переводимыми формулировками, характеризующими идиолект Никиты Хрущева. Так, американский журналист Девид Саскайнд в ответ на одну из реплик Хрущева спросил буквально следующее: «Когда вы все это говорите, вы не считаете, что буквально *лаете на Луну*?»[2] Как вспоминает Виктор Михайлович, Хрущев в прямом эфире на повышенных тонах стал повторять, что он «глава правительства великой державы, а не какая-то там собака, которая приехала сюда лаять». За некорректно заданный вопрос поплатился журналист, а также и переводчик, которого позднее американские СМИ обвинили в том, что именно он своим переводом спровоцировал Хрущева к такой реакции.

В некоторых своих более поздних интервью Виктор Суходрев размышляет о том, какой переводческий прием необходило было применить для более корректного разрешения данной ситуации (экспликационно, посредством экзотизации, адаптации и т.д.) и в итоге приходит к заключению, что ввиду достаточно сложных советско-американских отношений, сложившихся на тот момент, правильного ответа не существует. Если бы Суходрев и вспомнил наиболее близкий по смыслу фразеологизм в целевом языке («ломиться в открытую дверь»), то Хрущев мог бы возразить: «Что я вам вор какой-нибудь, чтоб в двери ломиться?» (Гордон, 2011, онлайн).

Настоящая ситуация является ярким доказательством того, что дипломатические переводчики должны быть не только переводчиками, но и дипломатами, политиками и экспертами в области международных отношений. Дипломатический переводчик – это переводчик, не только имеющий блестящую лингвистическую и переводческую подготовленность, но и владеющий рядом других внеязыковых компетенций. Дипломатические ораторы помимо знания языка и блестящей памяти требуют от своих

[2] Это выражение в английском языке означает нечто вроде «ломиться в открытую дверь».

переводчиков начитанности, эрудиции, знания дипломатического и государственного протокола, умения находить выход из любой ситуации. В одном из своих интервью Суходрев говорит и том, что чем выше уровень политика, тем чаще он употребляет фразы из Священного Писания, фразеологизмы древнеримского и древнегреческого происхождения, паремии, цитаты классиков родной литературы, и если переводчик переводит их недостаточно корректно, это выглядит нелепо. Поэтому во избежание неловких ситуаций переводчики МИДа изучают Библию и занимаются различными дисциплинами, повышающими их кругозор (Интервью с переводчиком, онлайн).

Во время визита Никиты Хрущева в Америку Виктору Суходреву помимо прочего приходилось переводить встречи советского лидера в Голливуде. На киностудии «20-й век Фокс» состоялась встреча Хрущева с хозяином киностудии, греком по происхождению, Спиросом Скурасом. Узнав о происхождении Скураса, Хрущев стал называть его не иначе как «мой брат грек», и как бы неловко ни чувствовал себя Суходрев, он был вынужден буквально переводить такое обращение.

Знаменитое русское идеоматическое выражение и одно из любимых выражений Хрущева «показать кузькину мать» не раз приходилось переводить на английский не только Суходреву, но и другим переводчикам. Интересным является факт, что Хрущев не использовал его в словарном значении «наказать, сделать какое зло» (Даль, 2006, с. 119). Однажды Хрущев объяснил Виктору Суходреву, что под фразеологизмом он понимает «показать то, чего (они) никогда не видели» (Суходрев, 2005, с. 38). Однако коллега Суходрева из Бюро переводов, Юрий Липанов, не знавший вкладываемого Хрущевым значения в «кузькину мать», перевел выражение дословно как «мать Кузьмы», в результате чего американские журналисты долго разгадывали, что бы это могло значить.

Виктор Михайлович Суходрев приобрел огромный переводческий опыт, работая с Хрущевым, – оратором с весьма специфическим идиолектом. Суходрев присутствовал при встречах главы государства с Эйзенхауэром, Никсоном, Кеннеди и многими другими политиками высокого уровня. Ему приходилось находить верные переводческие и дипломатические приемы при переводе хрущевских высказываний «Мы вас похороним», «Всяк кулик свое болото хвалит», «Время рассудит», «Бачили очі, що купували, тепер їжте, хоч повилазьте», а также оставаться непроницаемым при многих выходках советского лидера. Именно качества, свойственные настоящему дипломату, помогали Суходреву мастерски справляться с поставленными перед ним задачами.

В середине 60-х годов Суходрев не раз работал и с Климентом Ворошиловым – членом Президиума Верховного Совета СССР. В своих воспоминаниях Виктор

Михайлович пишет о том, как сопровождал его в поездку по Индии и каким нелегким оказался его переводческий труд. Так, например, во время экскурсии по калькуттскому музею Ворошилов увидел человека с нерасчесанными волосами и растрепанной бородой. Это был представитель одной из индийских сект, которым по религиозным соображениям с детства запрещено стричь и расчесывать волосы. Ворошилов достал из кармана расческу и направился к бедному чловеку с криком: «Это что же за человек такой несчастный! Что же у него на голове делается? Что у него с бородой творится? Его надо помыть, постричь и причесать!» Советская делегация осталась в растерянности. Суходрев же, взяв себя в руки, объяснил Ворошилову, что ему это по религии не положено, а после стал переводить членам индийской делегации нечто совсем другое, нежели было сказано на самом деле (Суходрев, 2005, с.66-68).

Подобного рода импровизация (а может, все-таки дипломатия) понадобилась Суходреву и при посещении Тадж-Махала, когда легендарный полководец стал упрекать индийцев в том, что у них до сих пор есть цари, короли и султаны, объясняя, что в СССР уже «давно избавились от них» и «разогнали всю эту шайку» (Суходрев, 2005, с. 68). Как вспоминает сам переводчик, в таких ситуациях он не раз позволял себе использовать в своем переводе эвфемистические замены или даже переводить далеко не то, что было сказано оратором.

Вопросом о том, имеет ли переводчик право вмешиваться в исходный текст, менять его содержание, тон или посыл в целевом тексте занимались многие переводоведы и переводчики. Некоторые из них (Р. К. Миньяр-Белоручев, И. С. Алексеева, М. Ю. Бродский, В. М. Суходрев, П. Р. Палажченко) являются сторонниками того, что переводчик, играющий роль не только медиатора, но и члена дипломатической миссии, вправе «погрешить» и изменить при переводе исходный текст. «В некоторых случаях в обстановке устного последовательного или синхронного перевода переводчик оказывается лицом, облеченным также и дипломатическими полномочиями (например, при переводе высказываний крупных политиков в обстановке международных контактов). Если эти дипломатические полномочия за переводчиком признаны, он имеет право погрешить против точности исходного текста, выполняя функцию вспомогательного лица в поддержке дипломатических отношений, препятствуя их осложнению, но не обязан защищать при этом интересы какой-то одной стороны» (Алексеева, 2004, с. 30). О том же говорит и Павел Палажченко, известный переводовед современности и личный переводчик Горбачева, подчеркивая, что возможность внесения изменений в исходный текст имеют исключительно дипломатические устные

переводчики: «... исключения только подтверждают общее правило: в повседневной жизни устный переводчик (не в статусе дипломата) должен быть нейтральным и терпимым, переводить всё, что и как говорят стороны, даже если ситуация грозит скандалом» (Чужакин, Палажченко, 1999, с. 22). Настоящие факты подтверждают все вышесказанное: Виктор Михайлович Суходрев не был просто переводчиком советских вождей и высших политических представителей, он был и вел себя как настоящий дипломат, зачастую своей сообразительностью, смекалкой и находчивостью спасая престиж советского государства.

В половине 1960-х годов во главе ЦК КПСС стоял Леонид Брежнев, однако в первое время Леонид Ильич сторонился связей с общественностью и многие его задачи выполняли другие политики. Одним из них был Алексей Косыгин. По словам Суходрева, из всех, с кем ему приходилось работать в качестве переводчика, именно Алексей Николаевич Косыгин вызывал у него наибольшее уважение и теплоту. В интеллектуальном плане Косыгин превосходил всех советских руководителей, он изъяснялся на правильном русском языке, что также выгодно отличало его от большинства советских лидеров, и действительно был образованным человеком (Суходрев, 2005, с. 82).

Во время похорон премьер-министра Индии, Лал Бахадура Шастри, Виктор заметил, как к Косыгину направляется далай-лама, бежавший из Тибета, опасаясь преследования со стороны китайских властей. Суходрев шепнул Косыгину, что, вероятно, их встреча будет неуместной и китайцы наверняка отрицательно отреагируют на нее, на что Косыгин ответил: «Да, это нам ни к чему» - и они вместе удалились из помещения (Суходрев, 2005, с. 87). Дипломатическое чутье снова не подвело Суходрева.

Несмотря на то, что Суходрев был представлен Брежневу в 1956 году, до 1970-х гг. они вместе не работали. Брежневу тогда переводила единственная в Бюро переводов женщина – Татьяна Сиротина. С 70-х годов Суходрев стал личным переводчиком советского вождя. За время их сотрудничества Виктору Михайловичу пришлось присутствовать на встречах Леонида Ильича с Ричардом Никсоном (президентом США) и Генри Киссинджером (помощником президента США по вопросам национальной безопасности). Помимо официальных мероприятий Суходрев сопровождал вождя на охоте в охотничьем хозяйстве «Завидово», куда в качестве главного гостя Леонида Ильича был приглашен Генри Киссинджер. В 1973 году Виктор Михайлович присутствовал при легендарном вручении Никсоном Брежневу автомобиля марки «Линкольн». В своих воспоминаниях переводчик говорит о том, что работать с

Брежневым было относительно легко по сравнению с его предшественниками. Брежнев общался с представителями других государств и общественностью посредством т.н. «разговорников», состоящих из недлинных фраз и легкопроизносимых слов по соответствующей теме. Генсек зачитывал напечатанное от первой до последней строки, и беседа, таким образом, превращалась в его монолог (Суходрев, 2005, с. 146). Брежнев никогда не отходил от заранее заготовленного для него текста, порой даже останавливался в середине своего выступления, пытаясь разобрать, что написано в разговорнике. Именно Виктору Михайловичу не раз приходилось исправлять неловкую ситуацию.

После ухода Брежнева с политической сцены Суходрев переводил для А. А. Громыко, К. У. Черненко, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева. Так, Суходрев переводил встречу Михаила Горбачева с Маргарет Тетчер, однако дальнейшее его сотрудничество с советским лидером не было длительным: придя к власти, Горбачев решил поменять окружающие его кадры, в т.ч. и переводчиков. Виктора Суходрева заменил Павел Палажченко. Суходрев отправился с семьей в США, где работал помощником Генерального секретаря ООН.

В 1994 году Виктор с женой вернулся на родину, а в 1999 написал и издал книгу воспоминаний «Язык мой – друг мой». В 2004 году Виктор переиздал свою книгу мемуаров, дополнив ее новыми воспоминаниями и фотографиями из личного архива. В 2014 году на 82 году жизни Виктор Суходрев умер.

Виктор Михайлович Суходрев – одна из самых заметных фигур XX века в области практического устного перевода. Он стоял по левую руку с высшими представителями политической власти и дипломатии Советского союза. Большую часть своей жизни Виктор провел, находясь посередине двух вождей, двух народов, двух культур. Не раз благодаря Виктору Михайловичу, его интеллигентному выступлению, образованности и тактичности, умению себя держать на публике Советский союз выглядел в глазах зарубежной общественности достойно и современно. Выполняя свой долг, Суходрев не раз был обязан поступать наперекор собственному мнению и представлениям: «... Хрущев начнет американцев учить... А я при этом, как обычно, буду стоять у его плеча и абсолютно доподлинно, я бы сказал верноподданно и буквально, переводить все то, что скажет премьер, в душе, разумеется, понимая, что озвучиваю полный бред. И это будет ясно любому здравомыслящему человеку! Но ведь – буду же переводить! Потому что такова профессия. Такова работа. Такова обязанность…» (Суходрев, 2005, с. 50). Возможно, именно в этом заключается мастерство дипломатического перевода – на всю

страну, перед лицом всего народа умело озвучивать то, во что не веришь и что порой считаешь абсурдным, оставаясь при этом непроницаем и непоколебим.

Список использованной литературы

1. АЛЕКСЕЕВА, И. 2004. *Введение в переводоведение.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с. ISBN 5-8465-0101-X (Филол. фак. СПбГУ), 5-7695-1542-2 (Изд. центр «Академия).
2. БРОДСКИЙ, М. 2012. *Устный перевод: история и современность.* Екатеринбург: АМБ, 2012. 261 с.
3. ГОРДОН, Д. 2011. *Личный переводчик Хрущева, Брежнева и Горбачева, Виктор Суходрев.* In: *Бульвар Гордона* [электронный ресурс]. 2011, №45 (341) [дата обращения: 20.04.2018]. Доступно на: *<http://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s45_65014/7150.html>*
4. ДАЛЬ, В. 2006. *Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка.* Москва: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 348 с. ISBN 5-17-032771-4 (Изд-во АСТ), 5-271-12541-6 (Изд-во Астрель), 5-9762-0555-0 (Изд-во Хранитель).
5. Интервью с переводчиком В. Суходревым, *Заповедь: не переври.* [электронный ресурс], [дата обращения: 23.04.2018]. Доступно на: *<http://www.trud.ru/article/21-10-2008/134649_zapoved_ne_perevri.html>*
6. СУХОДРЕВ, В. 2005. *Язык мой – друг мой.* Москва: Издательский дом Тончу, 2005. 221 с.
7. ТРОЯНОВСКИЙ, О. 2017. *Через годы и расстояния. История одной семьи.* Москва: Центрполитграф, 2017. 351 с. ISBN 978-5-227-06637-4.
8. Универсальная библиотека, портал создателей электронных книг, авторов произведений и переводов, *КПСС* [электронный ресурс], [дата обращения: 30.04.2018]. Доступно на: *<http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#020>*
9. ЧУЖАКИН, А. – ПАЛАЖЧЕНКО, П. 1999. *Мир перевода, или вечный поиск взаимопонимания.* Москва: Валент, 1999. 192 с.

III. Sekcia dejín a kultúry

(POLITICKÝ) ŽIVOT PO ŽIVOTE – LENIN A MAUZÓLEUM

Mgr. Sylvia Mičíková

Ústav cudzojazyčnej právnej komunikácie, Právnická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave, sylvia.micikova@flaw.uniba.sk

Abstrakt:

Настоящая статья посвящена культу политических лидеров и их месту в современном российском медиальном дискурсе. Во введении статьи представлено символическое значение скульптуры как средства сакрализации, целью которого является остановить «процесс физического распада» и превратить временность в долговечность. Предметом анализа является устранение и разрушение скульптур и памятников, а также их «осквернение» как акт, демонстрирующий смерть «вечно живых» лидеров. Особое внимание уделяется судьбе мавзолея В. И. Ленина. Зонд в русский медиальный дискурс о захоронении останков Ленина раскрывает трансформации медиального дискурса и активное использование этого немаловажного символа советского метанаратива в политической жизни. Картина медиального дискурса дополняется анализом результатов поиска ключевых выражений «Ленин», «памятник Ленину» и «Мавзолей» в поисковой системе «Google» и «Яндекс», направленного на фиксацию тенденции подбора слов во времени и идентификацию различий в разных странах.

O autorke:

Sylvia Mičíková pôsobí ako odborná asistentka v Ústave cudzojazyčnej právnej komunikácie Právnickej fakulty UK v Bratislave. Zároveň je externou doktorandkou na Katedre rusistiky a východoeurópskych štúdií Filozofickej fakulty UK v študijnom programe slavistika.

Politika je sféra, kde sa nepretržite odohráva zápas o významy a hodnoty, pričom mŕtve telá sú obzvlášť efektívnym prostriedkom tohto boja, ktorý dokáže akumulovať symbolický kapitál ako esenciálny prostriedok politickej transformácie (Verdery, 1999, s. 24, 35). Politické osudy mŕtvych tiel sú istým spôsobom prepojené s umeleckým vyobrazením týchto tiel v čase, keď ešte žili. Obraz či socha pozastavuje proces telesného rozpadu a je vlastne pokusom zmeniť dočasnosť na „večnosť“. Tak ako vznik obrazu či sochy sa spája s pokusom povýšiť smrteľníka do stavu, ktorý sa v náboženstve označuje pojmom „svätosť“, znesväcovanie obrazov a sôch sa

spája s pokusmi zabudnúť, vytrieť smrteľníka z pamäti, z „večnosti“. História ničenia obrazov a sôch tvorí súčasť dejín, vrátane dejín umenia, pričom asi najklasickejším príkladom z európskeho stredoveku je byzantský ikonoklazmus. Americká antropologička K. Verdery ponúka v tejto súvislosti zaujímavý postreh: *„Zničenie sochy nie je iba odstránením konkrétneho objektu z krajiny, symbolizujúcim akt vymazania z histórie, ale zároveň aj dôkazom, že sochu možno zrútiť a nijaký boh ju nechráni.,...osoba, ktorú socha symbolizuje, sa týmto aktom stáva znova obyčajným človekom s vymedzeným časom“* (Verdery, 1999, s. 5). Rúcanie sôch a stavanie nových sa odohrávalo (a odohráva sa) nepretržite a často sa spája s veľkými spoločenskými zmenami.

Sociológovia a antropológovia definujú čas a priestor ako sociálne konštrukty[1], ktoré môžu meniť usporiadanie sveta dvoma spôsobmi: jednoduchou zmenou označenia času a priestoru alebo modifikovaním časopriestorových medzníkov. Prvý spôsob predstavuje premenovávanie ulíc, námestí a pod, s cieľom vyznačiť politické kontúry krajiny (jasne rozlíšiť medzi „my“ a „oni“ resp. „naše“ a „ich“), ktoré úzko súvisia s formulovaním konkrétnych politicky artikulovaných hodnôt. Zmenu časopriestorových medzníkov krajiny ilustrujú na jednej strane príklady stavania a rúcania sôch a pamätníkov, ktoré stabilizujú vzhľad krajiny a majú schopnosť dočasne v sebe zmraziť isté hodnoty, a na druhej strane nastáva zmena v kalendári sviatkov, ktoré dávajú nové kontúry „minulému“. V praxi sa to prejavuje ako „prepisovanie histórie“.

Aj keď je zrejmé, že otázka stavania a odstraňovania sôch ďaleko presahuje postsovietsky areál[2], transformačné spoločenské procesy v krajinách bývalého sovietskeho bloku majú isté charakteristické špecifikum. Množstvo odstránených/postavených pamätníkov reflektuje nielen rozsah a závažnosť vykonaných zmien (dotkli sa veľkého počtu ľudí a mnohých krajín a znamenali jednak deštrukciu kľúčových prvkov inštitucionálneho usporiadania ako je vláda jednej strany a centrálne riadené hospodárstvo, a jednak vznik nových národných štátov, ktoré sa „vylúpli“ z bývalých federácií), ale aj rozsah, v akom sa režimy sovietskeho typu usilovali pri organizácii času a priestoru odlíšiť od „iných“. Niektorí autori pritom zdôrazňujú, že monumentálnosť sovietskych pamätníkov nespočíva iba v gigantických rozmeroch, ale aj v spôsobe, akým „zamrzli v čase“ (Yampolsky, 1995, s. 93-112).

Sochy a „mŕtve telá“ sú na prvý pohľad „technicky“ zásadne odlišné prvky kultúry: prvé

---

[1] Napr. Durheim Émile. 1915. *The Elementary Forms of Religious Life*. London: George Allen&Unwin; Leach Edmund. 1961. *Rethinking Antropology*. London: Athlone (podľa Verdery, 1999).

[2] Spomeňme napríklad ničenie konfederačných sôch v južanských štátoch USA v lete 2017 (porov. https://www.theatlantic.com/politics/archive/...statues.../536727/, https://www.vox.com/.../confederate-statues-white-supremacists).

sa spájajú s priestorom „nad úrovňou zeme“, druhé s priestorom „pod zemou“. Účinok prvých spočíva v ich permanentnej viditeľnosti, čo sa nedá povedať o druhých. Napriek týmto zdanlivo zásadným rozdielom však v kultúre medzi nimi existuje zaujímavá súvislosť. Príkladom je video z odstraňovania sochy Dzeržinského spred sídla ČEKA na Lubianke v Moskve, ktoré sa odohralo krátko po neúspešnom augustovom prevrate v roku 1991 (porov. *Демонтаж памятника Дзержинскому на Лубянке*, online). Na videu je zrejmé, že socha Dzeržinského visí na žeriave, ktorý nemôže nepripomínať šibenicu. V ritualizácii likvidácie sochy sa tu celkom zreteľne vizualizuje mŕtve telo. Iným poučným príkladom vnímania sochy ako skutočného mŕtveho tela je premena prázdnych piedestálov odstránených sôch na pútnické miesta (Yampolsky, 1995, s. 106).

V novembri 1917 pochovali pri kremeľskom múre v Moskve 240 obetí bojujúcich na strane boľševikov počas Októbrového ozbrojeného prevratu. Táto udalosť sa považuje za začiatok fungovania revolučnej nekropoly, sovietskeho ekvivalentu národných panteónov. Paradoxne, takéto posmrtné vyznamenanie a možnosť, že telo a popol sa stanú objektom uctievania (podobne ako ostatky svätých v náboženskom kulte), sa priečili etike revolucionárov a ich konceptu hrdinu. Mŕtvi revoluční lídri však boli až príliš užitoční, a preto nemohli byť pochovaní súkromne, ako by si to boli želali, *„… namiesto toho mohli byť povýšení do stavu sekulárnej svätosti a tak poskytovať prostriedok vyjadrenia emócií, najmä v čase, keď sa udržiavanie tradičných foriem náboženstva potláčalo a prenasledovalo“* (Leick, 2013, s. 31).

Sakralizácia Lenina a „neporušiteľnosť“ jeho tela sa, na rozdiel od kresťanskej tradície, prezentovala ako jeden z najväčších úspechov sovietskej vedy. Mauzóleum ako miesto uloženia ostatkov vodcu proletariátu sa stalo sovietskym vývozným artiklom. Odborné zručnosti vedcov z moskovského mauzólea sa uplatnili nielen pri mŕtvom tele Lenina, ale aj v ďalších krajinách s politickými väzbami na ZSSR: mať vlastného zabalzamovaného vodcu, ktorého následne vystavili v mauzóleu, postavenom sovietskymi inžiniermi (alebo prinajmenšom pod ich odborným vedením), bolo znakom oddanosti Kremľu. Mauzóleá v „bratských krajinách“ – ako Bulharsko či Vietnam – sa stali veľkými národnými svätyňami, *„veľkolepou inštaláciou moderného politického umenia a vedy“* (Todorov, 1995, s. 95).[3]

Lenin a mauzóleum v mediálnom diskurze

Nasledujúca sonda do ruskej tlače prezentuje výber diskurzu o Leninovej pamiatke. Pri výbere vzoriek som vychádzala z databázy informačných služieb Eastview, kde som zadaním

[3] O Ho Či Minovom mauzóleu, ktoré postavili pod vedením sovietskeho architekta, pozri bližšie oficiálnu stránku inštitúcie: http://bqllang.gov.vn/.

kľúčových slov *Lenin* a *mauzóleum* vyselektovala všetky články pokrývajúce časové obdobie od roku 2000 do roku 2017. V tomto obrovskom korpuse systém Eastview ponúka možnosť zoradenia článkov podľa relevantnosti a podľa dátumu. Z príspevkov zaradených medzi najrelevantnejšie tu prezentujem výber, ktorý jednak vecne predstavuje celé spektrum postojov k otázke Leninovej pamiatky, jednak prezentuje štylistické hranice diskurzu. Vzorky pochádzajúce z rôznorodých periodík som zoradila podľa času publikovania.

Независимая газета v prílohe Ex libris z 20. apríla 2000 (Землянов, 2000, online) radí otázku o opätovnom pochovaní Lenina do kategórie *„проклятых вопросов“* a prisudzuje jej výbušný potenciál. Autor konštatuje, že už nikto nerozumie, načo slúži mumifikovaná mŕtvola v centre krajiny. Dokonca tí, ktorí tomu „akože“ rozumejú, sú podľa autora *„жертвами идеологической манипуляции и автономной игры архетипов“*, namiesto toho, aby sa pokúsili o racionálnu argumentáciu. V radoch komunistov prevláda *„редкостное невежество“* týkajúce sa reálneho historického kontextu, v ktorom sa zrodila a realizovala *„монструозная идея“* uchovania Leninovej pamiatky prostredníctvom balzamovania jeho ostatkov. „Kompenzácia“ tejto historickej nevedomosti sa deje výlučne prostredníctvom fám, legiend a mýtov.

Denník *Вечерняя Москва* v januári 2001 v článku *Мавзолей как средство устрашения потомков* (Исаенко, 2001, online) si všíma, že v médiách sa opäť diskutuje o otázke pochovania Lenina. Autor je v otázke pochovania zástancom statu quo: hovorí, že telo má zostať v mauzóleu z rovnakého dôvodu, ako boli zachované Majdanek, Osvienčim a pamätníky v Katyni, Magadane a na iných miestach *„зверств военного отряда КПСС“*. Rovnako sa má zachovať aj mauzóleum s jeho *„нетленным“* exponátom, aby potomkovia nezabudli na iniciátora krvavého experimentu v Rusku. Zároveň navrhuje postaviť vedľa mauzólea panel s „nesmrteľnými“ leninskými heslami typu *„Террор – это средство убеждения“*, *„Надо расширить применение расстрела ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров.“*

V príspevku z januára 2004 publikovanom v periodiku *Новое время* pod názvom *Мавзолей или паноптикум* (Каджая, 2004, online) autor poukazuje na skutočnosť, že pôvodný zámer architekta Ščuseva postaviť mauzóleum ako „klenot architektúry“ a „sakrálne miesto“ sa nevydaril. Miesto neho stojí na Červenom námestí „panoptikum“, „exotický objekt pre turistov“, ktorý spĺňa funkciu zábavnú a turistickú: *„… посещают мавзолей в подавляющем большинстве иностранцы“*. Navyše stratu sakrálnosti mauzólea podčiarkuje skutočnosť, že vstup do mauzólea je spoplatnený a autor prirovnáva prehliadku mauzólea k prehliadke múmie faraóna Ramzesa II, ktorá sa nachádza v Historickom múzeu v Káhire. V podobnom duchu sa k otázke pochovania vyjadrili „žirinovci“, ktorí navrhli *„взять на свой*

баланс мумию, но, конечно же, не за просто так... "на гастроли", и взимать за показ деньги.“

V roku 2004 uplynulo osemdesiat rokov od smrti Lenina, čo automaticky vzbudilo záujem ruských médií o tému pochovania múmie a o osud mauzólea. Článok uverejnený v januári v denníku *Московсие новости* pod názvom *Ленин покинет мавзолей?* (Васильев, 2004, online) označuje túto tému prívlastkom banálna (*„если отвлечься от банальности самой темы“*), ale odhliadnuc od toho autor vníma výročie ako ideálny čas pochovať vodcu. Pripomína, že prezident Putin počas svojho prvého funkčného obdobia urobil veľa pre „ľavicu“ (*„к тому же реверансов в сторону левых Владимир Путин за первый свой срок уже сделал немало“)* – v tejto súvislosti pripomína návrat k hymne autorskej dvojice Alexandrov – Michalkov a vrátenie červenej zástavy Ozbrojeným silám. Popritom Putin neskrýva svoj pozitívny vzťah k pravosláviu, z čoho vyplýva, že aj pre neho je sarkofág s *„непогребенным прахом“*, navyše umiestnený pod kremeľským múrom, prinajmenšom nelogickým. V neposlednom rade autor poznamenáva, že táto téma je predvolebná[4] a napriek tomu, že ešte nie je určený dátum pochovania, autor predpokladá dva spôsoby, akým sa uskutoční pochovanie tela – buď ako oficiálny smútočný obrad alebo v utajenom nočnom režime. Oba spôsoby majú svoje výhody, prvý by podľa autora zmiernil negatívne reakcie komunistov, druhý úplne uspokojil ich zarytých odporcov: *„Первый подсластит пилюлю для истинных коммунистов, второй же полностью удовлетворит их рьяных противников.“*

Výrazne expresívny postoj k téme pochovania Lenina nájdeme v článku z októbra 2005 *Мавзолей Владимира Путина* (Белковский, 2005, online), v ktorom politický komentátor Stanislav Belkovskij analyzuje, akú úlohu zohráva osud múmie a mauzólea v Putinovom PR. Na začiatku sa pozastavuje nad faktom, že po páde socializmu, Leninovho dedičstva, je priam výsmechom zdravého rozumu (*„издевательство над здравым смыслом“*) zaoberať sa posmrtným usporiadaním *„великого большевика“*, *„гнусавить“* o dodržiavaní pravoslávnej obradnosti v prípade *„ярого атеиста и богоборца“*, sľubovať zmierenie spoločnosti zneucťovaním „svätyne pracujúceho ľudu“. Odvezenie Leninovho tela z Červeného námestia a zatvorenie mauzólea je nielenže zneuctením „svätyne pracujúceho ľudu“, vedie priam k popretiu sovietskeho obdobia v histórii (*„После сентября 1917 года как-то сразу наступает сентябрь 1991-го“*) a de facto aj k oficiálnemu uznaniu, že komunistický režim bol *„досадной оплошностью“* nepríjemným omylom troch generácií *„невменяемых дураков“*. Účelom takýchto pokusov je podľa autora Putinova snaha získať zásluhy oceniteľné

[4] V marci 2004 sa v Rusku uskutočnili prezidentské voľby.

na Západe, ktorý by sa jednoducho nemohol odvrátiť od človeka, čo pochovaním Lenina vrazil do hrude prestarnutému prízraku komunizmu *„осиновый кол“*. Autor ďalej pripomína, že Putin chcel pochovať Lenina ešte v čase nástupu do úradu v roku 2000, avšak šéf prezidentskej kancelárie Vološin mu odporučil ešte počkať: *„торопиться никак нельзя. Народ не поймет, да и коммунисты взбунтуются.“* Belkovskij ponúka aj nasledovný postreh: Putinovou snahou je určiť za počiatok moderných dejín krajiny rok 1991, kedy sa začal jeho „neuveriteľný a neoprávnený vzostup“. Autor ironizuje, že Putina po návrate z nemeckej misie degradovali do hodnosti podplukovníka, ale predsa sa naňho usmialo šťastie a je zaviazaný priniesť Šťastene z vďaky posvätnú obetu – mauzóleum. (*„И этой Госпожа Большой Удаче ГБУ он, такой благодарный, принесет в священную жертву – Мавзолей.“*)

V apríli roku 2006 v denníku *Аргументы и факты* v príspevku *Вожди. Опустеет ли мавзолей?* (Колесниченко, 2006, online) Alexandr Kolesničenko navrhuje, aby Leninov pohreb prebehol dôstojne a s úctou k tým, ktorí neprestajne veria komunistickým ideálom. Samotný obrad by mala usporiadať pravoslávna cirkev: *„ведь она не делит людей на демократов и коммунистов“*. Podľa autora je možné, že ruskej pravoslávnej cirkvi sa podarí presvedčiť tých, ktorí nesúhlasia, aby neprotestovali proti kresťanskému obradu pochovania pokrsteného, *„кстати, вождя мирового пролетариата“*. Namiesto demonštrácií *„верующие комунисты“* môžu *„поставить свечку за упокой“* a pomodliť sa za spasenie duše *„раба божия Владимира“*.

V nasledujúcom príspevku *Мавзолей и Ленин* (Остап-бб, 2010, online) publikovanom vo volgogradskom periodiku *Деловое Поволжие* vo februári 2010 autor navrhuje mauzóleum zachovať a telo Lenina preniesť do novopostaveného „podzemného bunkra“, aby sa formálne nachádzalo pod zemou. Autor verí, že toto riešenie by neodmietlo ani vedenie KSRF, ktoré prehodnotilo svoj postoj k demokracii a kresťanstvu. Keďže mauzóleum stratilo svoj ideologický obsah (*„Сейчас большинство людей не придерживается идеологии марксизма“*), je nelogické ponechať granitový sarkofág v strede hlavného námestia krajiny.

Jednoznačný postoj k pochovaniu Lenina zaujal súčasný minister kultúry V. Medinskij v článku z apríla 2011 pod názvom *Мавзолей вождя* (Бекренёва, 2011, online) uverejnenom v periodiku *Российсие вести*. Uchovávanie múmie spája s absurdnou pohansko-nekrofilnou misiou: *„Это какая-то нелепая, язычески-некрофильская миссия“*, pričom absurdnosť spočíva v tom, že tam žiadne telo nie je, keďže sa zachovalo iba 10 % pôvodného tela a zvyšok je vypitvaný, resp. vymenený. Hlavným argumentom za pochovanie však nie je miera zachovania tela, ale duch, ktorý ostáva: *„все остальное оттуда уже давно выпотрошено и заменено. Но главное не тело – главное дух.“*

Volebný rok 2012 bol pre prezidentských kandidátov príležitosťou využiť tému pochovania Lenina v kampani. Vyjadrenia jedného z nich – Michaila Prochorova – okomentovala J. Piščikovová v denníku *Известия* vo februári 2012 (Пищикова, 2012, online) v článku s jednoduchým názvom *Мавзолей*. Prochorov sa podľa nej vyjadril, že Leninovo telo je potrebné pochovať, avšak s náležitou úctou k tým, ktorí majú opačný názor a najlepšie by bolo usporiadať v tejto otázke referendum. Autorka konštatuje, že táto téma nie je v predvolebnej kampani aktuálna, keďže stratila v spoločenskom vedomí politické zafarbenie a jej využitie sa preto stáva „politicky neúčelným". Jediným efektom tematizovania tejto otázky je podľa autorky podráždenie komunistov, ku ktorému sa uchyľuje z času na čas napríklad aj Vladimir Žirinovskij. Otázka pochovania, resp. vynesenia tela sa podľa autorky vníma skôr kulturologicky, keďže debata sa odohráva najmä okolo otázok, či je centrálne námestie vhodné na pochovávanie, či už nenastal čas ukončiť tento pohanský rituál klaňania sa telu a pod. V závere autorka konštatuje, že ide o tému periférnu, *„о которой и упомянуть-то лишний раз неловко"*. Rozhodnutie Putina pochovať Lenina nebude iba politickou udalosťou, ale bude to „počin", ktorým sa zapíše do dejín podobne ako jeho predchodcovia: Gorbačov zrúcal berlínsky múr, Jeľcin so všetkými poctami pochoval cársku rodinu. Putinovi ostáva vykonať posledný veľký historický počin, symbolizujúci konečnú rozlúčku so sovietskou minulosťou: *„Последний великий жест. Другого не осталось."*

V článku uverejnenom v denníku *Аргументы и факты* v júni 2012 pod názvom *Невыносимый Ленин* (Цепляев, 2012, online) sa v úvode spomína reakcia lídra KSRF Gennadija Zjuganova na návrh Vladimira Medinského pochovať Lenina a premenovať ulice pomenované po revolucionároch-teroristoch. Návrh pochovať Lenina považuje za siahnutie na *„святыню"* a pre ministra kultúry nenachádza iné označenia ako *„гробокопатель"* a *„провокатор"*. K téme sa vyjadril predstaviteľ UV KSRF Ivan Meľnikov, ktorý konštatuje, že Lenina pochovali na základe rozhodnutia najvyššieho orgánu štátnej moci ZSSR – zjazdu poslancov, ktorí plnili vôľu ľudu a že telo je pochované podľa kresťanského kánonu, t. j. minimálne 2 m pod zemou. Opačný názor zastáva Jurij Bondarenko, predstaviteľ nadácie Návrat, ktorý vníma demonštráciu nepochovaného tela ako prejav „východnej divokosti" krajiny, ktorá samu seba považuje za súčasť európskej civilizácie. Lenin má na svedomí zničenie desiatok tisícov chrámov, kláštorov, represie voči duchovným. Hoci sa ruská pravoslávna civilizácia obnovuje, jej hlavný „kat" leží na čestnom mieste. Pre každého veriaceho to znamená oveľa väčšie poníženie ako škandalózne vystúpenie punkovej skupiny: *„Ленин – это перманентный "Пусси Райот" на Красной площади."*

Argument o de facto neexistujúcom tele používa aj Mark Zacharov v článku, ktorý vyšiel

v decembri 2012 v denníku pod názvom *Мавзолей в 2017 году* (Захаров, 2012, online). Spomína dokument Pavla Lobkova, v ktorom bolo podrobne ukázané, ako sa narába s trupom *„выпотрошенного покойника“*. Telo predstavujúce komunistickú relikviu pravidelne namáčajú v špeciálnom roztoku. Podľa autora je to nielenže „drahé, náročné na prácu a hanlivé“, ale považuje to priam za „svätokrádež“, keďže v zásobe sú pripravené dve náhradné telá pre „každý prípad“. Telo nazýva hanlivo „atrapou“ (*„муляж“*), ktorej vzhľad nezodpovedá skutočnosti, ako ukazuje porovnanie s fotografiami vyhotovenými tesne po Leninovej smrti. Z uvedeného vyplýva, že v mauzóleu sa nenachádza komunistická relikvia, ale *„своеобразное художественное произведение“* – vylepšený, dôkladne nalíčený „exponát“. S blížiacim sa stým výročím októbrového prevratu (v roku 2017) a začiatku bratovražednej vojny môže mauzóleum podľa autora nadobudnúť nový význam. Po pochovaní Lenina sa mauzóleum stane pamätníkom *„всенародной памяти и скорби, как неотъемлемая часть нашей многострадальной истории“*.

Denník *Известия* v júli 2013 uverejnil v kultúrnej prílohe článok *Мавзолей должен стать музеем* (2013, online), v ktorom riaditeľka Múzea architektúry predstavuje plány na pretvorenie centra Moskvy na *„туристическое счастье“*. Riaditeľka uvádza, že v súčasnosti sa mauzóleum v čase konania osláv na Červenom námestí hanblivo zakrýva dekoráciami a ozývajú sa hlasy, ktoré žiadajú jeho odstránenie. Upozorňuje na miešanie dvoch tém, pochovanie Lenina a osud mauzólea. Podľa jej návrhu by sa mauzóleum malo stať múzeom, v ktorom by si návštevníci mohli prezrieť materiály o architektovi Ščusevovi a Konstantinovi Meľnikovovi, autorovi sarkofágu. Takéto múzeum by malo obrovský úspech. Je presvedčená, že bez mauzólea by Červené námestie nebolo kompletné: *„Я считаю, что без мавзолея Красная площадь не была бы цельной.“*

Autor článku *Мавзолей по-людски* (Шамир, 2016, online) uverejnenom v denníku *Комсомольская правда* v januári 2016 ponúka v spore o pochovanie Lenina celkom nové riešenie – navrhuje ponechať telo na rovnakom mieste, ale pochovať ho hlbšie do zeme: *„Тело же Ленина пусть покоится там же, только глубже – в земле, скрытое от людских глаз“*. Ľudia by mali možnosť pokloniť sa symbolickému náhrobku, „kenotafu“ a mauzóleum by si uchovalo sakrálny význam: *„Так эта гробница сохранит свое сакральное место центра России на века“*, podobne ako miesta odpočinku cárov a svätých. Namiesto mumifikovaného tela autor navrhuje použitie hologramu „Lenin“, ale s odkazom na historickú pamäť pripúšťa aj možnosť, že by miesto ostalo bez nápisu: *„Мы и так знаем.“*

Posledný príspevok zaradený do vzorky pochádza z októbra 2007 a pod názvom *Мавзолей не тронем* (Добрынина, 2007, online) ho publikovala *Российская газета*. Otázka

osudu mauzólea sa označuje za „rituálnu“ a nevyhnutnú, osobitne v roku stého výročia revolúcie. V článku sa spomína vyjadrenie Vladimira Kožina, poradcu prezidenta RF, ktorý je zachovanie statu quo: *„...сейчас ничего трогать нельзя“*, pretože je to boľavá téma, ktorá *„всколыхнет наших родителей, бабушек, дедушек... Кому это надо? Да никому“*. Na druhej strane sa však vníma umiestnenie nekropoly v srdci hlavného mesta krajiny ako nonsens. Za najschodnejšie riešenie autor článku považuje usporiadanie referenda.

*

Tento materiál bude predmetom hlbších analýz na inom mieste. Považujem však za účelné už teraz uviesť dáta, ktoré bude nevyhnutné zohľadniť pri jeho interpretácii. Ide o dáta o vyhľadávanosti, ktoré ilustrujú trendy vyhľadávanosti vybraných kľúčových slov sovietskeho metanaratívu na internete.

Vyššie načrtnutý obraz mediálneho diskurzu možno doplniť kvantitatívnou analýzou dát o vyhľadávanosti kľúčových výrazov „Lenin“, „pamätník Leninovi“ a „mauzóleum“ v prehliadačoch Google a Yandex. Cieľom takejto analýzy je jednak zachytiť trendy vyhľadávanosti v čase, a jednak identifikovať prípadné rozdielnosti pri porovnaní výsledkov za RF s výsledkami v iných krajinách.

V prípade prehliadača Google možno údaje o priemernej vyhľadávanosti jednotlivých slov vo vybraných krajinách získať zo systému Google AdWords, ktorý umožňuje aj relevantné porovnanie dát za Rusko, Slovensko a Ukrajinu. V prípade prehliadača Yandex[5] sa vzhľadom na „národný“ charakter tejto služby javilo účelné obmedziť sa iba na dáta z Ruska. Prehľad vyhľadávanosti za Google pokrýva obdobie od februára 2017 až po január 2018. Dáta za prehliadač Yandex umožnili ísť hlbšie do histórie, preto prehľad obsahuje obdobie od januára 2016 do januára 2018.

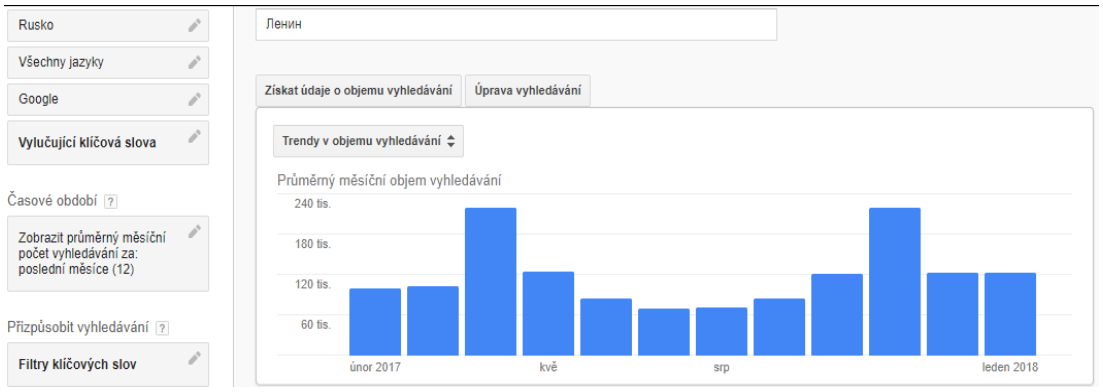
Kľúčové slovo „Lenin“

Porovnanie grafov za jednotlivé krajiny ukazuje, že vo všetkých troch krajinách bolo slovo v skúmanom období najvyhľadávanejšie v mesiaci november, a to na obidvoch prehliadačoch. Z porovnania ďalej vyplýva, že len o málo nižší počet vyhľadávaní bol zaznamenaný aj v mesiacoch apríl a máj v ruských prehliadačoch, v prípade prehliadača Google hovoríme o cca 220 tisícoch dopytoch. Ukrajinský Google takisto zaznamenáva v mesiaci apríl zvýšený dopyt vo vyhľadávaní slova „Lenin“, ktorý však predstihli novembrové čísla – hovoríme o zvýšení dopytu z úrovne cca 28 tisíc na cca 34 tisíc. Vyhľadávanosť na

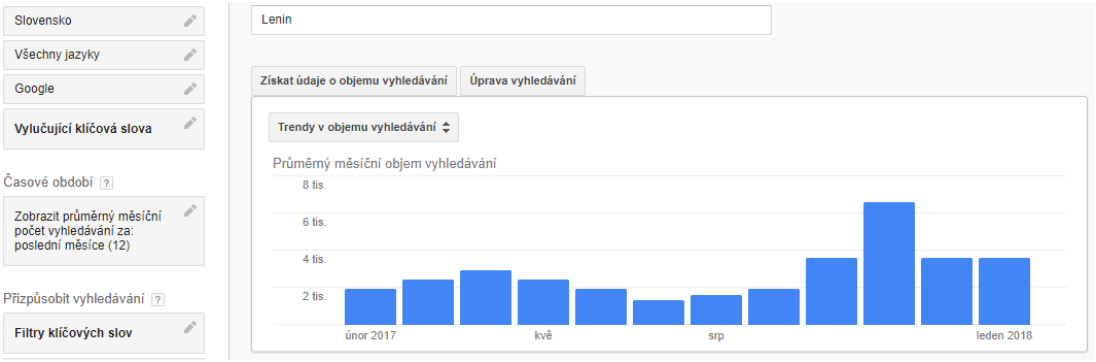
[5] Celkovo vyššie čísla Yandexu hovoria o tom, že v RF je Yandex oveľa hojnejšie používaný ako Google, porov. https://www.rbth.com/science-and-tech/326234-in-russia-yandex-popular.

Slovensku v mesiaci apríl nijak zvlášť nevyskočila nad priemer. Pozoruhodné je sledovať vyhľadávanosť na ruskom prehliadači Yandex, najmä z hľadiska objemov. V absolútnych číslach je v mesiaci apríl zaznamenaný dopyt v objeme cca 2,7 milióna, v mesiaci november stúpol až na cca 3 milióny.

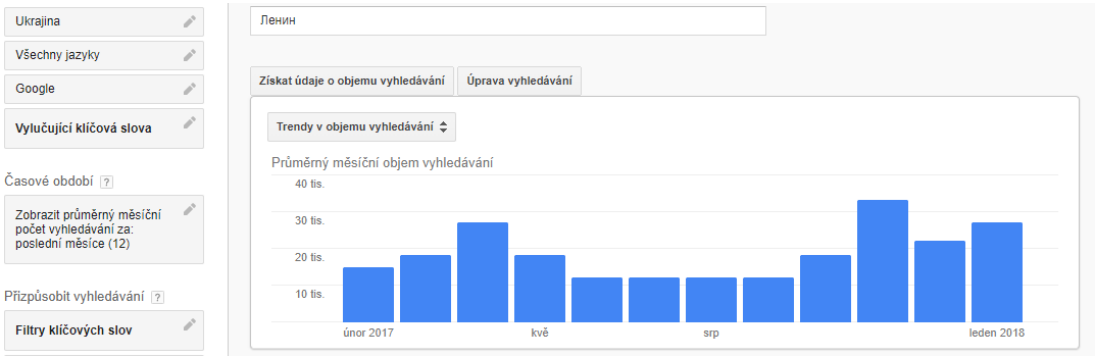
Tab. 1: Google v Rusku – vyhľadávané slovo „Lenin“



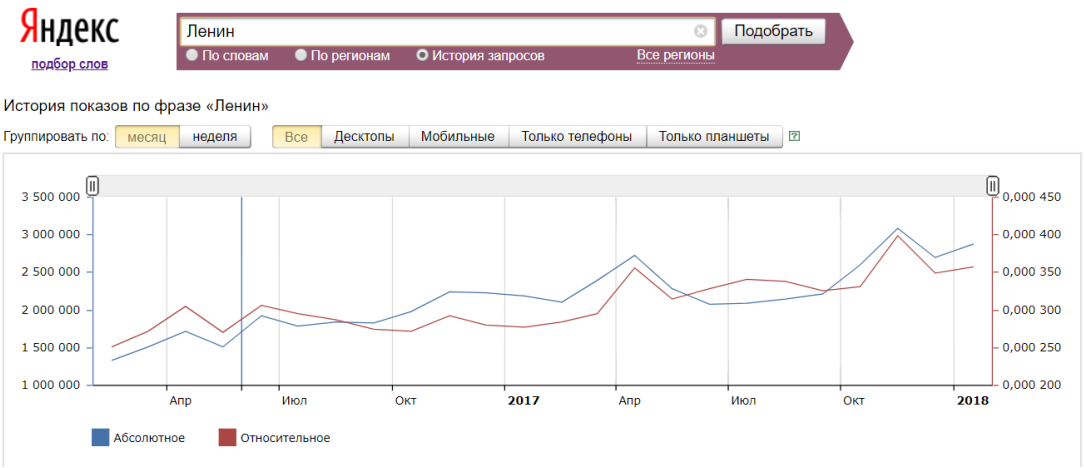
Tab. 2: Google na Slovensku – vyhľadávané slovo „Lenin“



Tab. 3: Google na Ukrajine – vyhľadávané slovo „Lenin“



Tab. 4: Yandex – vyhľadávané slovo „Lenin“

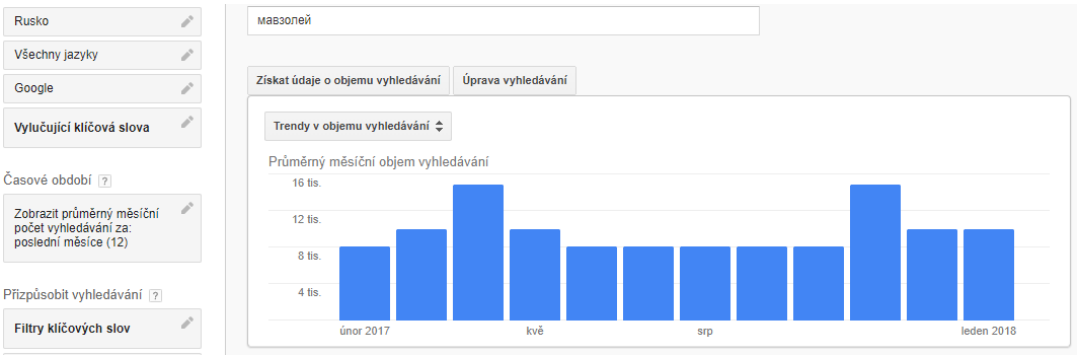


Porovnaním sme zistili, že v samotnom Rusku pretrváva zvýšený záujem o „Lenina“ v mesiacoch apríl a november, ktoré sú späté s kľúčovými mýtmi sovietskeho metanaratívu, Októbrovou revolúciou a kultom Lenina. Situácia na Ukrajine je obdobná, jedným z možných vysvetlení je pravdepodobne istá zotrvačnosť, ovplyvnená/živená ukrajinským leninopádom. V rámci slovenského Googlu môže byť tento trend ovplyvnený pripomenutím historickej udalosti v kalendári.

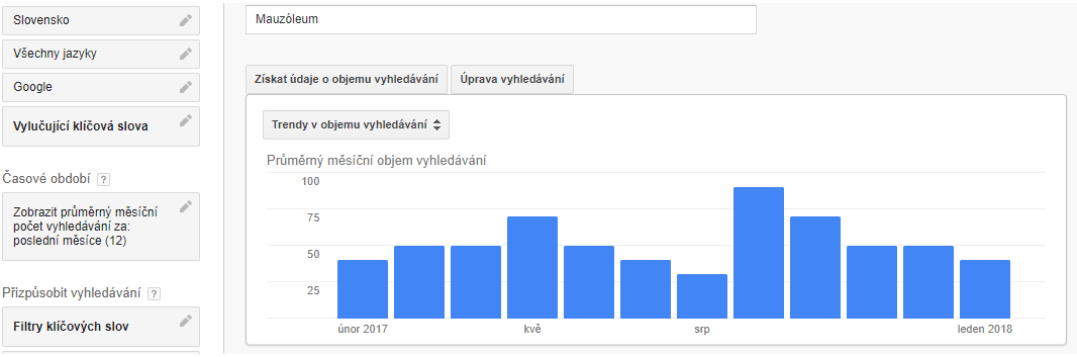
Kľúčové slovo „mauzóleum“

Grafy vyhľadávanosti „mauzólea“ opäť ukazujú, že v ruskom Googli je zaznamenaný zvýšený počet dopytov v mesiacoch apríl a november, v objeme cca 15 tisíc. Yandex zaznamenáva najvyšší dopyt v mesiacoch máj a november, v absolútnych číslach ide o objem cca 170 tisíc dopytov. Ukrajinský Google zaznamenal vrchol vyhľadávanosti takisto v novembri, v priemernom mesačnom objeme cca 2,4 tisíc dopytov, druhý najvyšší počet dopytov v objeme cca 1,9 tisíc pripadá na apríl. Slovenský Google zaznamenáva záujem o slovo „mauzóleum“ rádovo len v desiatkach vyhľadávaní, pričom najviac v mesiaci september, v objeme cca 80 dopytov. Rozdiely v počte vyhľadávaní naznačujú, že záujem ruských používateľov internetu v porovnaní s ukrajinskými a slovenskými je dramaticky najvyšší. Záujem ukrajinských a slovenských používateľov Googlu možno považovať – vzhľadom na rozdiely v počte používateľov internetu – za relatívne porovnateľné. To by naznačovalo, že „deleninizácia“ sleduje na Ukrajine rovnaký trend ako na Slovensku.

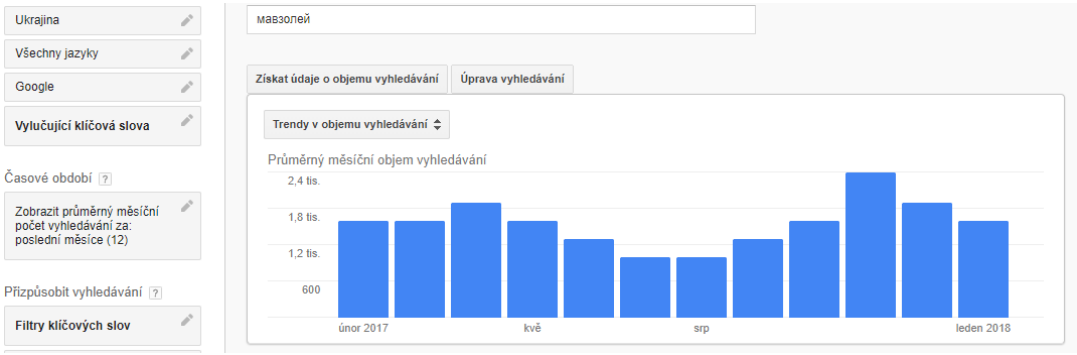
Tab. 5: Google v Rusku – vyhľadávané slovo „mauzóleum“



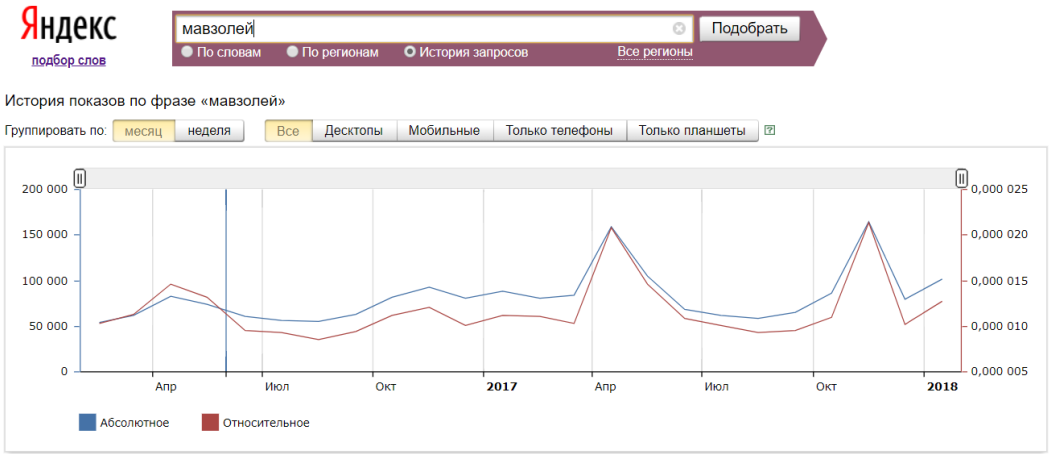
Tab. 6: Google na Slovensku – vyhľadávané slovo „mauzóleum“



Tab. 7: Google na Ukrajine – vyhľadávané slovo „mauzóleum“



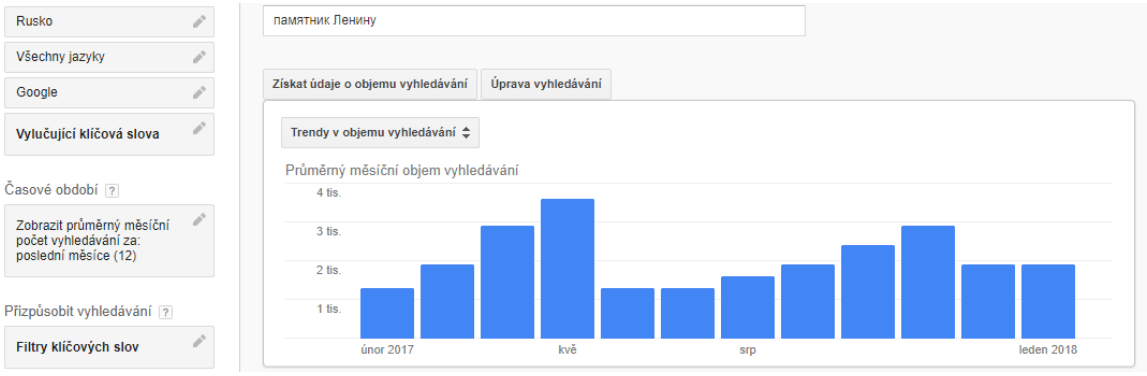
Tab. 8: Yandex – vyhľadávané slovo „mauzóleum“



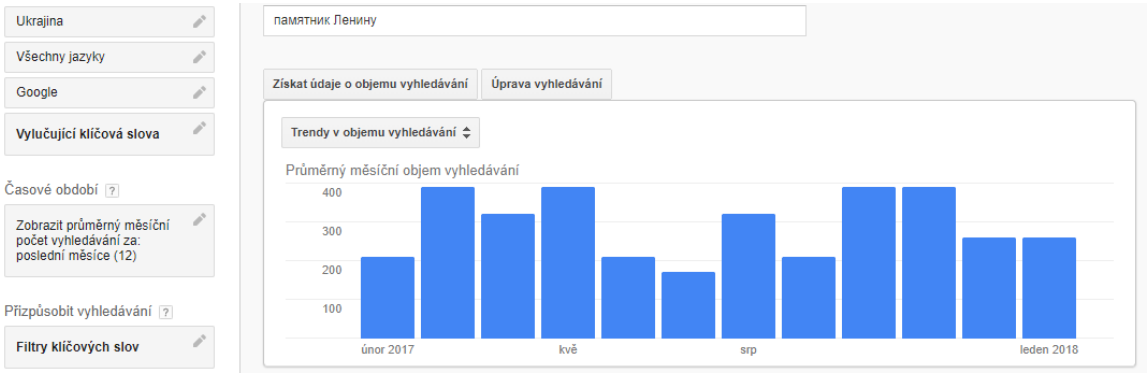
Slovné spojenie „pamätník Leninovi“

V súvislosti s udalosťami na Ukrajine, ktoré sprevádzalo hromadné odstraňovanie sôch komunistického režimu (tzv. leninopád), som porovnala aj grafy vyhľadávanosti slovného spojenia „pamätník Leninovi“. Prvé, čo si možno všimnúť, je nižšia početnosť vyhľadávania slovného spojenia v porovnaní so slovom „Lenin“. V prípade ruského Googlu dopyt neprekročil 3,5 tisíc, v prípade ukrajinského Googlu dosiahol počet dopytov mesačne iba číslo 400, pričom je zaujímavé, že distribúcia počas roka nekopíruje krivku, ktorú ukazuje vyhľadávanosť slova „Lenin“. To naznačuje, že záujem používateľov internetu z Ukrajiny sa očividne nespájal s kultom Lenina, ale skôr práve s jeho deinštaláciou. Naopak, vyhľadávanosť slovného spojenia „pamätník Leninovi“ v Rusku cez „národný“ prehliadač Yandex ukazuje zjavnú spojitosť s kultom: vrcholy dosahoval záujem pravidelne v apríli a novembri. Aj v prípade Ruska však vidno, že toto slovné spojenie zďaleka nedosahuje také čísla vyhľadávanosti ako „Lenin“.

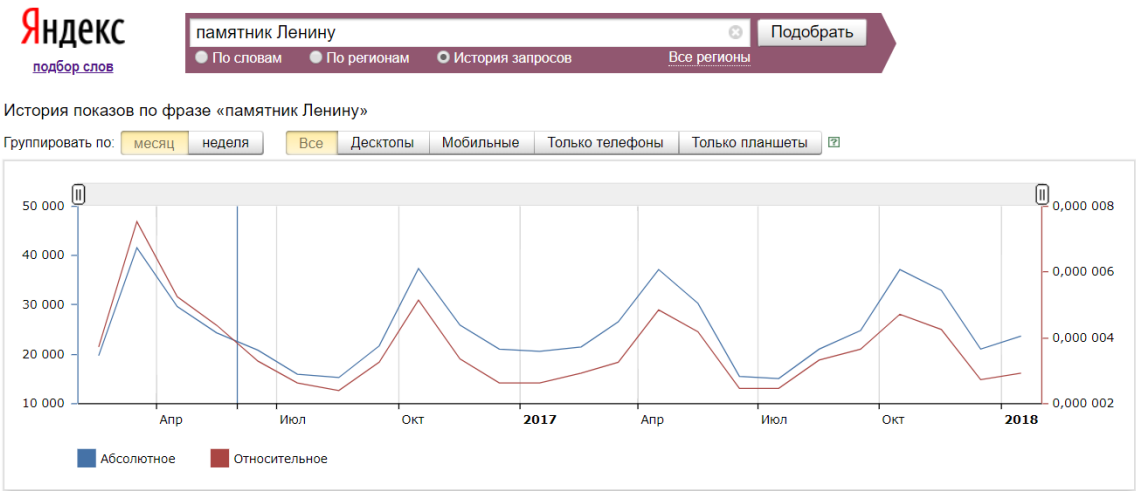
Tab. 9: Google Rusko – vyhľadávané spojenie „pamätník Leninovi“



Tab. 10: Google Ukrajina – vyhľadávané spojenie „pamätník Leninovi“



Tab. 11: Yandex – vyhľadávané slovné spojenie „pamätník Leninovi“



Na záver možno konštatovať, že sonda do ruskej tlače načrtávajúca periodicitu výskytu článkov venovaných Leninovi a mauzóleu potvrdzuje súvis s historickými výročiami. V danej vzorke sa najviac článkov publikovalo v januári v súvislosti s výročím úmrtia Lenina, ďalej nasledovali mesiace február a apríl. V prípade apríla je zrejmý súvis s výročím narodenia Lenina. Čo sa týka obsahu vzoriek, väčšinou sa konštatuje politická vyprázdnenosť a plytkosť tejto témy, pričom jediná politická úloha sa obmedzuje na „povinnú predvolebnú jazdu“ PR jednotlivých kandidátov. Jedinú výnimku, ktorá dodáva tejto téme vážnosť, je postreh, že konečné rozhodnutie o pochovaní Lenina prinesie prezidentovi neodškriepiteľné zásluhy na konečnom uzatvorení sovietskej kapitoly v moderných dejinách krajiny. Spor o osude Leninovho tela je vnímaný skôr kulturologicky a eticky, pričom odporcovia súčasného stavu odsudzujú neprirodzenú, neúctivú, pohanskú, divokú, absurdnú až nekrofilnú povahu vystavovania tela v sklenenom sarkofágu, ktoré vlastne telom ani nie je. Prirodzenými zástancami súčasného statu quo sú členovia, resp. sympatizanti KSRF, pre ktorých táto agenda zostáva pilierom ich straníckej identity. Predkladané riešenia zahŕňajú pochovanie múmie vedľa príbuzných v Peterburgu kresťanským spôsobom a so všetkými poctami, skutočné pochovanie tela na Červenom námestí a vytvorenie symbolickej hrobky, prenesenie tela do podzemného bunkra postaveného na inom mieste, zachovanie súčasného stavu až po komerčný plán vystavovať telo na turné po krajine. Nakoniec ostáva spomenúť ešte jeden aspekt sporu: osud Lenina a mauzólea nie je neoddeliteľný. Hoci pre komunistov mauzóleum predstavuje „svätyňu“, v ktorej sa uchovávajú komunistické relikvie, ostatná verejnosť si skôr všíma architektonickú hodnotu stavby a nepožaduje jeho zbúranie. Mauzóleum sa po vynesení múmie

môže stať memoriálnym komplexom, pripomínajúcim obete revolúcií, politických čistiek a represálií, prípadne sa môže premeniť na múzeum tvorcov tohto objektu.

Trendy zachytávajúce vyhľadávanie kľúčových pojmov spätých s dedičstvom komunistického režimu na internete reflektujú dátumy v historickom kalendári kľúčových postáv mýtov sovietskeho metanaratívu – zvýšený záujem o „Lenina“, „mauzóleum“ a „pamätník Leninovi“ zaznamenávajú mesiace apríl, máj a november, spojené s výročím narodenia Lenina a októbrovou revolúciou, pričom kopírujú záujem ruských periodík v čase o túto tému.

Zoznam použitej literatúry

1. LEICK, G. 2013. *Tombs of the Great Leadres: A Contemporay Guide.* London: Reaktion Books Limited, 2013. 336 s. ISBN 9781780232003
2. TODOROV, V. 1995. *Red Square, Black Square: Organon for Revolutionary Imagination*. Albany: State University of New York Press, 1995. 200 s. ISBN 0791421910
3. VERDERY, K. 1999. *The Political Lives of Dead Bodies*. Columbia University Press, 1999. 185 s. ISBN 0-231-11230-0
4. YAMPOLSKY, M. 1995. In the Shadow of Monuments. In: *Soviet Hieroglyphics.* red. Nancy Condee. Bloomington. Indiana University Press, 1995. s. 93-112. ISBN 0851704581

Internetové zdroje

1. БЕКРЕНЁВА, Н. *Мавзолей вождя*. [online]. Российские вести, 2011. č. 10. s. 2. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/24637033*>
2. БЕЛКОВСКИЙ, С. *Мавзолей Владимира Путина*. [online]. Завтра, 2005. č. 43. s. 4. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/8481370*>
3. ВАСИЛЬЕВ, Ю. *168 часов. Ленин покинет мавзлоей?* [online]. Московские новости, 2004. č. 1. s. 3. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/5787193*>
4. *Демонтаж памятника Дзержинскому на Лубянке. 23 августа 1991 год*. [online]. РИА Новости, 2011. Dostupné na: <*https://ria.ru/riatv/20110823/421903992.html*>
5. ДОБРЫНИНА, Е. *Мавзолей не тронем*. [online]. Российская газета, 2007. č. 227. s. 12. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/12726238*>
6. ЗАХАРОВ, М. *Мавзолей в 2017 году*. [online]. Московский комсомолец, 2012. č. 293. s. 1. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/28318364*>

7. ЗЕМЛЯНОВ, С. *Мумия и мавзолей*. [online]. Независимая газета, 2000. č. 15. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/2787528*>
8. ИСАЕНКО, Н. *Мавзолей как средство устрашения потомков.* [online]. Вечерная Москва, 2001. č. 19. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/2357635*>
9. КАДЖАЯ, В. *Дата. Мавзолей или паноптикум?* [online]. Новое время, 2004. č. 4. s. 38-39. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/5814017*>
10. КОЛЕСНИЧЕНКО, А. *Вожди. Опустеет ли мавзолей?* [online]. Аргумнеты и факты, 2006. č. 16. s. 9. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/9344830*>
11. *Мавзолей должен стать музеем*. [online]. Известия, 2013. č. 131. s. 11. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/34921523*>
12. ОСТАП-ББ. *Мавзолей и Ленин*. [online]. Делобое Поволжье, 2010. č. 3. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/21251613*>
13. ПИЩИКОВА, Е. *Мавзолей*. [online]. Известия, 2012. č. 17. s. 10. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/26533822*>
14. ЦЕПЛЯЕВ, В. *Невыносимый Ленин*. [online]. Аргумнеты и факты, 2012. č. 26. s. 5. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/27328886*>
15. ШАМИР, И. *Мавзолей по-людски*. [online]. Комсомольская правда, 2016. č. 7. s. 3. Dostupné na: <*https://dlib.eastview.com/browse/doc/46054467*>

IV. Lingvistická sekcia

ТЕРМИНОЛОГИЯ АКЦИОНЕРНЫХ РЫНКОВ, ОБРАЗОВАННАЯ ОТ НАИМЕНОВАНИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ФАУНУ

Филип Калаш, магистр

кафедра немецкого языка, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава, filipkalas109@gmail.com

Резюме:

Burze ako súčasti hospodárstva sa prisudzuje veľký význam. Nielen špekulanti či rôzni makléri sa zaujímajú o aktuálnu finančnú situáciu, ale čoraz viac aj laická verejnosť. Napriek tomu špecifická slovná zásoba burzy doteraz nie je systematicky preskúmaná a opísaná. Jazyk burzy, to nie sú len čísla, ale aj množstvo zaujímavých termínov, ktoré by mohli byť predmetom lingvistických analýz. Burza je dynamický, neustále sa meniaci odbor, ktorého lexika vykazuje najväčšie zmeny. V rámci tohto príspevku sa snažíme poukázať na metaforické spojenia v ruskom jazyku, v ktorých vystupujú predstavitelia živočíšnej ríše. Spomenuté metafory sú neoddeliteľnou súčasťou akciových trhov.

Сведения об авторе:

Автор является студентом аспирантуры на кафедре немецкого языка на философском факультете Университета им. св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава.

Введение в проблематику

Несмотря на то, что на очевидное отсутствие взаимосвязи между терминологией и метафорой уделяется не так много внимания, именно последняя играет немаловажную роль в процессе образнования новых терминов. Одним из ярких примеров тому является терминология, используемая на валютном рынке, которая постоянно обогащается образными выражениями за счёт широко используемых слов.

В статье рассматриваются нередкие метафорические термины, связанные с царством животных и часто встречающиеся в языке валютного рынка. В отличие от басен, в которых черты человека приписывают животным, на бирже складывается обратная ситуация.

Любое животное в природе обладает своим типичным поведением. То же самое можно сказать и об инвесторах. Таким образом, инвесторы получают различные

прозвища по тому, как они осуществляют инвестиции и как они ведут себя на валютном рынке. Из сказанного следует, что между животным и инвестором существуют определенные символические отношения. Стоит подчеркнуть, что эти биржевые термины в значительной степени заимствованы из английского языка.

Важность использования метафоры на финансовых рынках

Читая разные экономические и финансовые новости мы видим, что метафорические термины именно в лексике валютного рынка встречаются достаточно часто. Эти образные выражения дают возможность передать смысл конкретной проблемы наиболее полно. Под метафорой подразумевается *„гегемоническое и зачастую эвфеместическое изображение, которое опосредствует язык современного времени и которое имплицитно оказывает влияние на процесс инференции“*[1] (Lišková, 2016, с. 197).

Метафора играет в экономическом языке разные роли. Так, она может демонстрировать новый взгляд на актуальную ситуацию и события в экономике. Многие эксперты часто пользуются множеством переносных значений, чтобы проще выразить то, что им самим трудно понять. Они являются мостом, связующим две стороны берега: на одной стороне находится актуальное событие, на другой стороне – его значение и возможные последствия.

Существует немало видов метафор, и каждая имеет свою специфическую функцию. Различают метафору креативную, эмоциональную, образную, орнаментальную, манипулятивную и т.д. Благодаря их употреблению язык становится более ярким, богатым и оригинальным.

С течением времени метафоры превращаются в термины. Необходимо подчеркнуть, что множество терминов – кальки. Под калькой в лингвистике понимают *„образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путём буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы“* (Ахманова, 1966, с. 183). В биржевой терминологии эти буквально переведенные слова заимствованы из английского языка. Причиной является то, что нью-йоркская Уолл-стрит улица представляет собой воплощение биржи для многих акционеров. Именно она понимается как "мать" всех мировых финансовых денежных рынков, согласно одной старой биржевой мудрости: "Когда Уолл-стрит чихает, весь мир лихорадит." Значит, речь идёт о финансовом центральном управлении, причём всякое негативное событие, которое случится на его почве, жёстче проявится в остальных уголках мира. Это и есть причина

[1] Перевод автора.

того, что английский царствует в биржевом языке и беспрерывно фабрикует новые слова, которые внедряются в другие языки.

Биржа, образно выражаясь, поле битвы, на котором оптимисты встречаются лицом к лицу с пессимистами в непрекращающейся, беспощадной борьбе. Побеждают то одни, то другие. Бывают и периоды, но не паузы, во время которых силы обоих равны. Это продолжается не долго, потому что удача быстро переходит на сторону то одних, то других.

Несколько слов об истории символов биржи

Самая яркая и чаще всего появляющаяся среди символов биржи пара животных – бык и медведь. Их изображением можно восхищаться и перед зданием нью-йоркской биржи. История обоих животных особенно интересна. Чтобы лучше понять, откуда они появились, необходимо вернуться в прошлое - во времена золотой лихорадки. В XVI веке испанцы принесли в Америку бой быков как часть своей культуры. Подходящими для этоко животными стали испанские быки, имеющие необыкновенно длинные рога. Позже они прославились в Америке как "Лонгхорнс". Они паслись свободно в Техасе, принадлежащем до 1845 Мексике. Со временем мексиканцы изменили правила боя: они заменили человека медведем. Эти бои - бык против медведя - служили развлечением в основном для золотоискателей и имели огромный успех. Организаторы боёв обычно привязывали цепями медведя к столбу посередине арены. Затем выпускали быка. Победителем становился либо бык, поднимавший медведя на свои рога, либо медведь, сбивавший лапой соперника (Börsenlexikon, 2003, онлайн). Движение, которым оба животных старались победить противника, легло в основу различения биржевых спекулянтов. Впервые оба термина били упомянуты в книге "*The History of John Bull*", которую написал английский сатирик Джон Арбутнот. Герой книги Джон Булл, человек с бычьей головой, олицетворяет типичного англичанина. В данном произведении присутствуют и другие животные. Одна из историй происходит именно на Лондонской бирже, где персонажи Булл (Бык) и Бер (Медведь) спорят друг с другом.

Эта короткая ретроспектива способствует к лучшему пониманию обоих противоположных символов, которые вот уже более трёх веков являются неотъемлемой частью биржи.

Описание отличительных черт представителей биржи

1. Бык – под этим понятием подразумеваются инвестор или спекулянт, которые думают, что стоимость ценных бумаг будет подниматься. Такие покупатели думают, что

они смогут продать бумаги по завышенной цене, т.е. трейдеры, играющие на повышение цен. Быки являются оптимистами, которые прогнозируют благоприятные события на рынке.

Этот термин активно употребляется на рынке, вследствие чего появляются в языке разные производные сочетания:

a) **бычий** – имя прилагательное, связанное чаще всего с существительным. С его помощью обозначают благоприятную ситуацию на бирже.

„Однако в целом тезис о том, что более быстрый рост экономики ускоряет рост акций, который поддерживал «бычий» суперцикл на развивающихся рынках до кризиса 2008 г., работать перестал.“ (vedomosti, 21. 11. 2017)

b) **бычий рынок** – название финансового рынка ценных бумаг, на котором преобладает или ожидается рост цен. Этот термин настолько распространенный, что им можно пользоваться не только в связи с ценными бумагами, но и с зарубежными валютами или товарами.

„Чего бояться на сегодняшнем "бычьем" рынке?“ (finam.ru, 19. 12. 2017)

c) **бычье настроение** – это позитивное настроение означающее, что курс поднимется.

„Распечатанный Конгрессом США пакет помощи в 350 миллиардов делает доллар дороже. На европейских биржах настрой «бычий»“ (ntv.ru, 16. 01. 2009).

d) **длинная / бычья позиция** – в этой позиции трейдер покупает валюту по одной цене и стремится получить прибыль, закрыв сделку по более высокой цене. Если цены на рынке растут, позиция оказывается рентабельной.

„У хедж-фондов были длинные позиции на 0,5 млрд баррелей нефти Brent, что близко к рекорду...“ (vedomosti, 19. 10. 2017).

e) **движение быков / бычье движение / бычий тренд / восходящий тренд** – этот термин уже давным-давно означает резкий скачок цен. Бык по аналогии поднимает на рога цены.

„Аналитики сомневаются в устойчивости бычьего тренда на рынке нефти“ (vedomosti, 16. 01. 2018).

f) **бычья ловушка** – это фальшивый сигнал, предупреждающий, что падающая тенденция акции или индекса вскоре поднимется вверх. На самом деле она будет продолжать падать. Покупатели, попавшие в ловушку, действуют по сигналу покупки, и несут значительные потери.

„На 2120-2150 по ММВБ возможна бычья ловушка и обвальчик на 10-20% за пару

мес“ (banki.ru, 13. 04. 2017).

g) **спред[2] быка** – стратегия, извлекающая пользу из умеренного роста цен опционов.

„Барьерные опционы и их вариации (Up&In, Up&Out, Down&In, Down&Out) позволяют строить сложные и невероятно сложные рыночные стратегии (например, «Спред быка»), которыми пользуются искушенные трейдеры“ (pravda.ru).

Еще одним часто встречающимся во многих примерах животным является медведь. Медведь противоположен предыдущему животному, причем оба из них составляют неразлучную пару.

2. Медведями называются спекулянты или покупатели, которые полагают, что стоимость определенной ценной бумаги будет падать. Они имеют намерение получить прибыль именно с этой биржевой рецессии. В отличие от быков, медведи являются пессимистами.

a) **медвежий** – атрибут, выражающий что-либо негативное и пессимистичное.

„Биржи раскачало по-медвежьи“ (vedomosti.ru, 07. 02. 2018)

b) **медвежий рынок** – часто употребляемая коллокация, обозначающая положение на бирже, когда стоимость ценных бумаг будет падать. Медведи способны предумастривать потери, поскольку пессимизм растёт.

„Стоит ли кидать деньги в топку «медвежьего» рынка“

(vedomosti.ru, 21. 02. 2018)

c) **медвежье настроение** – если на бирже пользуются словами “медвежье настроение”, это не сулит ничего хорошего. Значит, это настроение под влиянием падающей стоимости ценных бумаг.

„Снижение объемов торгов и "медвежьи" настроения на рынке могут стать причиной серьезного углубления коррекции, ...“ (vestifinance.ru, 14. 02. 2018)

d) **медвежья / короткая позиция** – это определенная спекуляция со стороны инвестора. Большинство инвесторов ожидает, что они продадут бумаги по более высокой цене, чем купили. Покупатель на медвежьем рынке, однако, знает, что можно выиграть, когда ценная бумага теряет свою стоимость. Если цена падает,

[2] спред – разница между ценой, по которой ценная бумага может быть куплена, и ценой, по которой она может быть продана (Энциклопедия Кругосвет).

инвестор получает прибыль, и наоборот, если она растет, инвестор теряет свои деньги.

„Но в этом году короткие позиции по доллару снова увеличились.“ (vedomosti.ru, 15. 01. 2018)

e) **медвежья ловушка** – связана с фальшивым сигналом, который производит впечатление, что растущий рынок будет падать.

„Вчера на российском рынке была медвежья ловушка.“ (moeta.ru, 06. 10. 2017)

f) **медвежий спред** – инвесторы реализуют его в случае ожидания умеренного понижения цен базового актива.

„Но быстрое падение во время этого «медвежьего» тренда коэффициентов стоимости.“ (vedomosti.ru, 12. 02. 2016)

Оба термина, бык и медведь, считаются лингвистически нейтральными, и их можно встретить во многих экономических словарях. Они являются живой частью фондового рынка и создают вышеупомянутые лексические словосочетания.

Следующим термином, который проник в российскую фондовую биржу как калька из английского языка, является слово «**кабан**». Инвестор, которому приписан этот атрибут, отличается тем, что он долгое время сохраняет лидирующую позицию победителя. Но когда наступает нужное время, это не приносит ему никакой пользы. В лучшем случае он не несет потерь, т. е. выходит из игры с нулевым результатом.

В дополнение к вышеупомянутым выражениям на языке биржи используется другая пара. Его представители овца и волк. Термин «**овца**», который, разумеется, также является метафорой, был переведён на русский язык как англоязычная калька. *Овцы пасутся на бирже*. Этот термин подразумевает под собой инвесторов, которые не уверены в рыночных сигналах, они не понимают их и поэтому глупо подстраиваются под большинство. Они быстро меняют свои роли: сегодня быки, завтра медведи. Во время больших колебаний на рынке овцы лишаются своих инвестиций. Речь идет о спекулянтах, которые слушают других, не знают фондового рынка, просят финансовых консультаций и совершают много ошибок.

Противоположностью овцы является инвестор, которого называют «**волк»**. Этот термин известен также благодаря известному американскому фильму «Волк с Уолл-стрит», но появление этого термина не является обычным. Волки на фондовой бирже – это игроки, или точнее инвесторы, с многолетним опытом, богатымм знаниями, с помощью которых они делают свою карьеру на фондовом рынке. Следует подчеркнуть, что, в отличие от робких овец, волк не скрывается ни перед кем, он уверен в том, что он

делает, поэтому его сделки редко заканчиваются неудачей.

Сленговые выражения проникают в язык биржи в основном из английского языка, поскольку этот язык является главным языком общения на фондовых рынках. Совсем недавно в русский язык проникла и новая метафора: термин «**лос**», полученный из английского слова «loss[3]». Об инвесторах, которые не получают достаточную прибыль на протяжении долгого времени и которых постоянно настигают неудачи, говорят, что они *ловят лосей*. Этот термин вместе с другими словами создает спектр различных выражений, которые, конечно, используются в разговорном языке, как например, *ловить лосей, кормить лосей, выращивать лосей* (получать убытки), а также *спать с лосями* (когда убыточная позиция не закрывается на ночь в конце работы биржи, а переносится на следующий день).

Заключение

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что метафорические выражения, которые со временем и их частым употреблением в речи становятся терминами, отражают структуру ценностей и модели поведения отдельных инвесторов на фондовых рынках. Широкое использование этих профессиональных выражений не может быть связано с неадекватной речевой культурой носителей профессионального языка. Скорее, это показывает отклонение от стандарта, который разрешен и соответсвует контексту неформального общения. Следует также отметить, что использование ярких фразеологизмов из разных семантических сфер на бирже, несомненно, поддерживает тенденцию к появлению следующих новообразований.

Список использованной литературы

1. АХМАНОВА, О. С. 1966. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: изд-во Советская энциклопедия, 1966. с. 598.
2. ЕВСТИФЕЕВА, М. В. 2007. *"Биржевая зоология": метафора в терминологии валютного рынка*. In: Русская речь. 2007, с. 55-58.
3. LIŠKOVÁ, D. *Metafory v nemeckých hospodárskych printových médiách a úskalia pri preklade*. In: ŠTEFANČÍK, R. Jazyk a politika: Na pomedzí lingvistiky a politológie. Ekonóm, 2016. s. 195-208.
4. ЛУКА, К. 2005. *Торговля на мировых валютных рынках*. Москва: изд-во Альпина Бизнес Букс, 2005. с. 720.

[3] На русском *потеря.*

5. ROELCKE, T. *Definitionen und Termini.* Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2013. s. 244.
6. SKIRL, H., SCHWARZ-FRIESEL, M. *Metapher*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 2007. s. 100.

Использованные электронные ресурсы

1. Ведомости – Раздел «Финансы»
2. Вести Экономика – Раздел «Валюты»
3. Правда – Раздел «Биржа», Раздел «Ценные бумаги»
4. Энциклопедия «Кругосвет». Доступно на: <*www.krugosvet.ru*>
5. Börsenlexikon. Доступно на: <*http://www.faz.net/aktuell/finanzen/aktien/boersenlexikon-wie-die-boersianer-zu-bulle-und-baer-kamen-192921.html*>

TRANSFORMÁCIA FRAZEOLOGIZMOV V POLITICKOM DISKURZE

Mgr. Andrea Spišiaková

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, andrea.spisiakova.ucm@gmail.com

Abstrakt:

В статье рассматриваются трансформированные фразеологизмы в политическом дискурсе. Их задача – оказывать воздействие на эмоциональную сферу адресата и придавать тексту экспрессию. В политическом дискурсе они могут быть средством выражения иронии, речевой агрессии или манипуляции. Часто возникают на основе ошибочных ассоциаций говорящего.

O autorke:

Andrea Spišiaková je doktorandkou druhého ročníka dennej formy štúdia na Katedre rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave.

Frazeologické jednotky, ktoré sú spojené so sociálnym a politickým životom krajiny, patria k jednej z najbohatších vrstiev v súčasnej frazeológii (Селезнева, 2004, с. 20). Vo všeobecnosti je však možné konštatovať, že v politickom diskurze a v reči politických predstaviteľov krajín sa veľmi aktívne využívajú ustálené slovné spojenia a frazeologizmy. Politickí lídri a komentátori politického diania často používajú frazeologizmy v pôvodnom znení, ale aj v rôznych obmenách a transformáciách. Niekedy sa ich výroky sami stávajú aforizmami, ktoré sú následne reprodukované v masmediálnych prostriedkoch aj medzi obyvateľstvom. Časté používanie frazeologizmov môže byť spojené s demokratizáciou spoločnosti, snahou o priblíženie sa politika k ľudu a uvoľnením cenzúry.

Frazeologizmy sú pre politický diskurz veľmi cenným jazykovým prostriedkom vďaka ich schopnosti vyjadriť obraznosť, emocionálnosť, expresivitu, hodnotenie, ale v neposlednom rade aj kvôli ich manipulačnému potenciálu. Za najdôležitejšiu vlastnosť frazeologizmov sa považuje ustálenosť. Táto vlastnosť bola v minulosti často chápaná ako absolútna nemeniteľnosť, čo však podľa výskumov súčasných lingvistov nezodpovedá reálnemu použitiu (Алефиренко, 2008, Mlacek – Baláková – Kováčová, 2009, Гайнанова, 2009).

N. F. Alefirenko hovorí o tzv. relatívnej ustálenosti frazeologizmov (Алефиренко, 2010,

c. 255). Politická frazeológia je dynamická sféra, ktorá žije záujmami súčasnosti, preto aj frazeologizmy, ktoré sa v nej používajú, sú menej ustálené, rýchlo prechádzajú do pasívnej slovnej zásoby a nahrádzajú sa novými, ktoré lepšie vystihujú aktuálne reálie (Селезнева, 2004, c. 22).

Ustálenosť frazeologizmov je tiež značne relatívna u transformovaných frazeologizmov, ktorými sa daný príspevok bude zaoberať. Jeho cieľom je na praktických príkladoch v slovenskom a v ruskom jazyku poukázať na rôzne spôsoby transformovania frazeologizmov v politickom diskurze. Politický diskurz bude chápaný v nadväznosti na definíciu E. I. Šejgalovej: „любой материал в СМИ, в котором речь идет о политике и автором которого является политик или, наоборот, адресованный политику, следует относить к полю политического дискурса“ (Шейгал, 2004, c. 26). Politický diskurz teda môže byť ponímaný ako súhrn všetkých textov spojených s politickým životom krajiny a jej politickými predstaviteľmi.

Pod frazeologizmom budeme rozumieť „относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание слов, обладающее, как правило, целостным значением“ (Mokienko, Stěpanova, 2008, s. 12). Budeme vychádzať zo širokého ponímania frazeologizmu. Preto do našej analýzy okrem frazeologizmov zahrnieme aj iné ustálené slovné spojenia.

Transformácie budú analyzované podľa klasifikácie I. F. Gajnanovovej, ktorá rozlišuje tri základné typy transformácií – gramatickú, sémantickú a štruktúrnu (Grigorjanová, 2009, s. 315). Budeme ich ilustrovať na nami vyexcerpovanom ruskom a slovenskom materiáli z politického diskurzu, ktorý sa objavil v ruských a slovenských masmediálnych prostriedkoch.

Pri **gramatickej transformácii** sa obmieňa iba gramatický tvar frazeologizmu a môže zasiahnuť všetky gramatické kategórie a slovné druhy. Dochádza k nej napríklad v ustálenom slovnom spojení *krútiť sa ako had.* V politickom diskurze sme sa stretli s nasledujúcimi transformáciami, pri ktorých sa mení slovný druh *...krútenie sa hadov pred kamerami...* (Voľby 2016, 13.03.2016), *...krútič hadov...* (Voľby 2016, 13.03.2016). V príklade *...najvýkladnejšia skriňa...* (O 5 minút 12, 11.12.2016) je pôvodný frazeologizmus *byť výkladnou skriňou niečoho* v superlatíve. Expresivita je dosiahnutá vystupňovaním vzťahového prídavného mena, ktoré sa nestupňuje.

Podľa T. Grigorjanovej **sémantická transformácia** „je založená na zmene sémantiky FJ, ktorá je spravidla zasadená do širšieho kontextu, v ktorom sa môže prejaviť slovná hra založená na zámernom skrížení preneseného a priameho významu“ (Grigorjanová, 2012, s. 111). Podľa V. N. Vakurova, ak na pochopenie zmyslu ustáleného spojenia „необходим один контекст, то для выявления двух смыслов – свободного и связанного (столкновение

которых – основа фразеологического каламбура) – обязательны два контекста, каждый из которых актуализирует «свое» значение»“ (Вакуров, 1994, с. 43). V nasledujúcom príklade sa použitím antonyma aktualizujú dva významy frazeologizmu *быть легким на подъем: Губернатор должен быть не только легким на подъем, но и быстрым на спуск* (Международная пилорама, 14.10.2017). Najprv sa aktualizoval frazeologizmus, až v druhej časti výroku sa aktualizoval jeho priamy význam. V rovnakej relácii odzneli aj nasledujúce výroky, založené na sémantickej transformácii: *Путин не смог заставить китайцев плясать под свою дудку, поэтому он им сыграл на рояле. Под рояль тоже не плохо пляшется* (Международная пилорама, 20.05.2017), *Лучше камень за пазухой, чем в почках* (Международная пилорама, 30.09.2017).

Výsledkom **štruktúrnej transformácie** je dosiahnutie nových významových odtieňov. Štruktúru frazeologizmu je možné meniť nasledovnými spôsobmi a časté sú aj ich kombinácie: zámena komponentu, kontaminácia (spojenie dvoch frazeologických jednotiek do jednej), explikácia (rozšírenie komponentov frazeologickej jednotky), implikácia (zúženie komponentov frazeologickej jednotky).

Zámena komponentu je pravdepodobne najproduktívnejším spôsobom transformácie frazeologizmov. Výber zamieňajúceho komponentu vždy úzko súvisí s kontextom, v ktorom sa daný frazeologizmus používa. Zamenený komponent vo vzťahu k pôvodnému môže byť v synonymickom, homonymickom, antonymickom, paronymickom alebo inom vzťahu. Na antonymickej zámene komponentu je založené nasledujúce vyjadrenie: *...polícia má rozviazané ruky, to znamená, že môže vyšetrovať trestnú činnosť kohokoľvek...* (pluska.sk, 22.06.2011). Podľa nášho názoru frazeologizmus *mať zviazané ruky* má v slovenskom jazyku antonymum vo frazeologizme *mať voľné ruky*, a preto by bol tento frazeologizmus v tomto prípade vhodnejší.

V ďalších príkladoch zámeny komponentu sa podstatné meno nahrádza iným podstatným menom, čo je veľmi častý spôsob zámeny. Ako príklad uvedieme vyjadrenie známeho slovenského politika *...nesiaha ani po opätky jeho topánok* (pluska.sk, 06.10.2008). Toto vyjadrenie je hyperbolou na frekventovaný frazeologizmus: *nesiahať niekomu ani po členky*. Zároveň je v tejto transformácii pôvodný komponent zamenený novými komponentmi, čím sa rozširuje jeho pôvodná štruktúra.

V televízii TA3 zaznelo: *je najvyšší čas naliať si čistú vodu* namiesto *čistého vína* (TA3, 09.03.2017). V tomto prípade sa zamenil komponent z toho istého lexikálneho poľa, čo je veľmi častým prípadom chybných transformácií. Na inom princípe bol vytvorený nasledujúci frazeologizmus: *vyhrnúť si ruky,* namiesto *rukávy* (aktuálne.sk, 29.11.2016). Tieto dve slová

majú spoločný koreň a v danom prípade vzniká nevhodná a nelogická transformácia.

Použitý frazeologizmus *nástroj svätí prostriedky* (9. schôdza Národnej rady Slovenskej republiky, 13.09.2016) je takisto chybným vyhlásením založeným na pôvodnom frazeologizme *účel svätí prostriedky.* V transformovanom frazeologizme *ľudia by ma najradšej utopili v kvapke vody* (HN Televízia, 21.07.2017) dochádza k zámene komponentu *kvapka – lyžička*, čím je opäť dosiahnuté zveličenie.

Danajský dar je frazeologizmus mytologického pôvodu, ktorý označuje dar, ktorý neprináša úžitok. Známa je okrídlená fráza z básni Vergília *Eneida*: *Бойтесь данайцев, дары приносящих.* Kreatívne aktualizoval jeho význam ruský ex-minister obvinený z brania úplatku vo forme klobásy: *Бойтесь данайцев, приносящих колбайцев* (forbes.ru, 07.09.2017).

Kontaminácia vzniká spojením dvoch alebo viacerých samostatných frazeologizmov. Podľa T. Grigorjanovej ku kontaminácii môže dochádzať, ak tieto frazeologizmy majú nejaký komponent spoločný alebo podobný, prípadne majú podobný obsah (Grigorjanová, 2012, s. 114). Je to zložitý jav, ktorý je náročný na analýzu. Je potrebné pochopiť model, na ktorom je založená kontaminovaná jednotka. Príkladom môže byť vyjadrenie *...aby sme si nehádzali horúce gaštany zodpovednosti...* (TA3, 09.03.2017). Slovenskí nositelia jazyka používajú *prehadzovať si niečo ako horúci zemiak.* V súvislosti s gaštanom sa používa frazeologizmus *ťahať za niekoho horúce gaštany z ohňa*, vo význame vykonávať za niekoho nepríjemnú prácu. Na základe skríženia týchto dvoch frazeologizmov vznikla už spomínaná kontaminácia.

Zaujímavý spôsob kontaminácie je použitý v súvislosti s rusko-tureckými vzťahmi: *Мы не можем предсказать сколько ножей Эрдоган держит за пазухой. И спина у нас не маленькая* (Международная пилорама, 14.10.2017). V tomto prípade sa kombinujú dva frazeologizmy: *нож в спину* a *держать камень за пазухой*. Aj nasledujúci výrok *играть ведущую скрипку* (Miridia TV, 31.07.2017) je vytvorené skrížením dvoch ustálených slovných spojení: *играть первую скрипку* a *играть ведущую роль.*

Transformovanie frazeologizmov pomocou **implikácie** je pomerne zriedkavé a v našej analýze politického diskurzu sme sa s ňou nestretli. Klasifikovanie frazeologizmov podľa gramatických, sémantických a štruktúrnych príznakov je základné. V používaní však často dochádza ku kombinácii rôznych spôsobov transformácie, napr. na 39. zjazde komunistickej ČSSD bol pretransformovaný biblický výrok *Kto do teba kameňom, ty do neho chlebom* na *Kto do teba kameňom, ty do neho dvoma kameňmi* (ČT 24, 11.03.2017). V tomto frazeologizme sa uplatňujú tri rôzne spôsoby transformácie – zámena komponentu, explikácia a gramatická transformácia. Okrem samotnej štruktúry sa značne pozmenil sémantický význam a utrpela tak hlavná myšlienka pôvodného frazeologizmu. Frazeologizmus nadobudol opačný význam

a dané vyjadrenie vnímame ako prejav rečovej agresie.

Ďalší uvedený frazeologizmus biblického pôvodu *V cudzom oku vidí smeť a vo svojom brvno nevidí* bol aktualizovaný kombináciou rôznych spôsobov transformácie na: *Každý sa pozerá len na smietku v cudzom oku, ale na tie brvná, ktoré má pod vlastnými nohami, tie nevidí* (parlamentnelisty.sk, 21.09.2015). Napriek zmenám v druhej časti, frazeologizmus si zachováva svoj sémantický význam. S transformáciou tohto frazeologizmu sme sa stretli aj v ruskom politickom diskurze: *В чужом глазу Крым видим, в своем Каталанию не замечаем* (Международная пилорама, 07.10.2017).

Ojedinelé v politickom diskurze nie je ani transformovanie ustálených slovných spojení na základe **precedentných textov a výrokov**, ktoré veľmi ľahko vytvárajú humoristický podtón, napr.: *„...каждых несколько лет мы с друзьями ходим... и голосуем за Путина...“* (Международная пилорама, 09.12.2017). Nositelia ruského jazyka poľahky spoznajú citát *несколько лет мы с друзьями ходим в баню* z filmu *Ирония судьбы, или С лёгким паром!*. Vladimír Putin rád vo svojom politickom prejave využíva precedentné texty. V súvislosti s tzv. farebnými revolúciami vyhlásil: *Джин вырвался из бутылки. Что с ним делать, похоже, не понимают и сами авторы теории управляемого хаоса* (ria.ru, 24.10.2014). Použitá metafora odkazuje na rozprávkový motív Aladina a jeho čarovnej lampy.

Na Slovensku sa súčasťou predvolebnej kampane 2017 stal citát *kde je vôľa tam je aj cesta* a aktívne sa transformoval. Aktivoval sa komponent *cesta* a v druhej časti citátu v rámci sémantického pola cesta/cestovanie vznikali modifikácie ako *kde je vôľa, tam je moderné cestovanie; kde je vôľa, tam sú opravené cesty*.

V politickom diskurze sa s frazeologickou rovinou narába veľmi voľne. Vznikajú tak nové varianty a potenciálne nové frazeologické jednotky. V diskusnej relácii Sobotné dialógy sme sa stretli s transformáciou príslovia *Božie mlyny melú pomaly, ale isto.* Príslovie poslúžilo na vytvorenie nového frazeologizmu *spustiť Božie mlyny* (RTVS, 10.06.2017).

Politické dianie v krajine je ostro sledované verejnosťou, a preto jazyk politiky má určitý vplyv na ďalší vývin samotného jazyka. Z pamätných vyjadrení politických predstaviteľov sa stávajú aforizmy a ľudia ich s obľubou transformujú a používajú vo svojom rečovom prejave. Ako príklad môžeme uviesť pamätné vyjadrenie z volieb 2010 Ivety Radičovej na adresu Richarda Sulíka: *Riško, drž balónik a čakaj* (TA3, 13.06.2010). Napriek tomu, že nešlo o frazeologizmus, vyjadrenie sa stalo precedentným výrazom a s nádychom irónie sa aktívne používalo v médiách. Balónik sa stal symbolom moci a vlády Ivety Radičovej. Po páde jej vlády médiá zareagovali *Sulík pustil balónik* (cas.sk, 11.10.2010). Podobne vznikajú aj iné ustálené slovné spojenia pri iných udalostiach na politickej scéne. V súčasnej dobe precedentným

výrazom s vysokou frekvenciou aktualizácii v politickom diskurze stal komentár v rámci vyšetrovania mafie na východnom Slovensku, ktorý vzbudil vlnu pobúrenia medzi obyvateľstvom: *Tam nič nie je* (dennikn.sk, 14.03.2018).

V slovenskom aj v ruskom politickom diskurze sa s obľubou využívajú transformované frazeologizmy. Náš materiál ukázal, že najproduktívnejším spôsobom transformácie je pozmenenie štruktúry frazeologizmu pomocou zámeny komponentu. Vo mnohých prípadoch, ako bolo možné vidieť na uvedených príkladoch, k nich dochádza neuvedomele v dôsledku nesprávneho použitia a chybných asociácií. Sémanticky transformovaných frazeologizmov je podstatne menej ako tých, ktoré sú transformované gramaticky alebo štruktúrne. Predstavujú však efektívny prostriedok na dosiahnutie irónie a výsmechu. Frazeologizmy je možné transformovať aj kontamináciou dvoch rôznych frazeologizmov, pozmenením gramatickej formy alebo kombináciou rôznych spôsobov transformácie. Ako sa transformujú frazeologizmy, tak je možné transformovať aj precedentné výroky. Zároveň pomocou transformovaných frazeologizmov je možné v politickom diskurze vyjadriť aj rečovú agresiu.

Zoznam použitej literatúry

1. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. 2008. *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. Москва: ЭЛПИС, 2008. 270 с. ISBN 978-5-902872-16-0.
2. АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. 2010. *Теория языка, вводный курс; учебное пособие для студ. Филол. Спец. Высш. Учеб. Заведений*. Москва: Академия, 2010. 4 издание. 384 с. ISBN 978-5-7695-6141-2.
3. ВАКУРОВ, В. Н. 1994. *Фразеологический каламбур в современной публицистике*. Русская речь, 1994. №6. с. 40-47.
4. ГАЙНАНОВА, И. Ф. 2009. Трансформации фразеологических единиц в современных газетных текстах как наиболее активные фразеологические процессы в русском языке 2000-х гг. In: *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Международ. науч. симпозиума*. Великий Новгород, 2009. с. 314-316.
5. СЕЛЕЗНЕВА, Г. Я. 2004. *Политическая фразеология. Учебно-методическое пособие*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 72 с.
6. СЫЧЁВА, Н. А. 2013. Фразеологизмы и метафоры как средство выразительности в предвыборных рекламных текстах. In: *Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III*

Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. с. 273-277.

7. ШЕЙГАЛ, Е. И. 2004. *Семиотика политического дискурса*. М.: ИТДГК Гнозис, 2004. 326 с.
8. GRIGORJANOVÁ, T. 2012. Frazeologické metamorfózy v slovensko-ruskom politickom diskurze. In: *Slovo v slovníku: aspekty lexikálnej sémantiky – gramatika – štylistika (pragmatika): na počesť Alexandry Jarošovej*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo SAV, 2012. ISBN 978-80-224.
9. MLACEK, J. – BALÁKOVÁ, D. – KOVÁČOVÁ, V. 2009. *Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, akceptácia, uplatňovanie*. Ružomberok: VERBUM – vydavateľstvo KU 2009. 221 s. ISBN 978-80-8084-519-3.
10. MOKIENKO, V. – STĚPANOVÁ, L. 2008. *Ruská frazeologie pro Čechy*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. 259 s. ISBN**:** 978-80-244-1916-9.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В МЕДИАТЕКСТАХ

Павлина Ткач, магистр

кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава, pavlina.tkac@gmail.com

Резюме:

Daná publikácia skúma jazykový fenomén pod názvom „jazyková hra“. V prvom rade sa upriamuje pozornosť na využitie jazykových hier v mediách. V dannej práci je bližšie definovaný pojem jazyková hra a taktiež jeho hlavné funkcie. Pre aktuálnosť sú použité príklady jazykových hier zo súčasných médií. Predmetom skúmania práce sú možné spôsoby využitia jazykových hier v politicky motivovaných karikatúrach. Autorka si kladie za cieľ predložiť presné funkcie jazykových hier použitých v politickom diskurze.

Сведения об авторе:

Аспирантка первого курса кафедры русистики на философском факультете Университета им. св. Кирилла и Мефодия в г. Трнава по специальности Русский язык и культура в специальной коммуникации.

Введение

В медиатекстах, для привлечения внимания, используются разные языковые фигуры, в том числе достаточно распространена языковая игра. Настоящая работа посвящена языковой игре в политических текстах. Об актуальности темы свидетельствует широкое использование феномена языковой игры не только в российских, но и в зарубежных СМИ.

Предметом исследования являются приемы языковой игры в медиатексте.

Цель исследования – выявить виды языковой игры в современных медиа.

Для основного корпуса исследования послужили российские интернет медиа – РИА новости, regnum.ru и газета „Труд“. В настоящей работе показано функционирование языковой игры в политически мотивированных карикатурах, которые являются составной частью медиатекстов.

Медиатекст

В отечественной лингвистике и журналистике определение медиатекста можно увидеть у Л. Р. Дускаевой, которая определяет медиатекст следующим образом: «В

нашем понимании медиатекст – форма речевой деятельности, в которой выражаются принятые в профессиональной медийной среде правила речевого поведения, утвердившиеся в профессиональной среде стереотипы текстовой организации. В современном лингвистическом понимании понятия речь и текстовая деятельность синонимичны» (Дускаева, 2012, с. 34).

Язык медиатекста обладает своими специфическими функциями, которые в СМИ реализуются посредством цели информационного воздействия журналистского текста, то есть можно сказать, что медиатекст в СМИ обладает полиинтенциональностью, т.е. множеством направленностей. У Т. Г. Добросклонской мы видим систему параметров, которая дает возможность классифицировать и характеризовать отдельные медиатексты. Медиатекст может различаться (Добросклонская, 2008, с. 32):

- по способу производства – он может быть написан коллективом авторов либо одним автором, например, в Комсомольской правде за анализируемый период материал пишется, как правило, одним автором, на портале Лента.ru статьи могут быть написаны коллективно, и даже принадлежать перу любительской журналистики.
- по форме издания и воспроизведения – он может преподноситься устно или письменно. В настоящем исследовании мы будем рассматривать исключительно письменные медиатексты.
- по каналу распространения – он может доходить до коммуниканта через разные СМИ – радиовещание, телевидение, печатаные СМИ, Интернет-СМИ. В настоящем исследовании мы рассматриваем медиатексты печатного и онлайн сегментов СМИ.
- по жанровому и функциональному типу – он может быть аналитическим, публицистическим, рекламным, новостным или комментарием. Мы будем рассматривать новостные, аналитические и публицистические тексты.
- по тематической доминанте – в исследовании будет представлен широкий круг общесоциальных и общеполитических тем.

Адресат медиатекста в первую очередь обращает внимание на такие аспекты медиатекста, как способ его распространения, тематическая доминанта и функционально-жанровые особенности. О чем текст, в каком СМИ он опубликован, в каком жанре – это те компоненты, которые обуславливают готовность коммуниканта к восприятию медиатекста. Так, от новостного медиатекста адресат в первую очередь ждет

объективной информации, от аналитического – оценок, комментариев экспертов, расставления приоритетов согласно отобранной и проанализированной в тексте информации, соответственно, исходя из ожиданий коммуниканта и общей доминанты текста будут использоваться различные методы лексической манипуляции.

Языковая игра

Л. Витгенштейн в своей работе «Философские исследования» впервые использует термин «Языковая игра». Автор дает в достаточной степени обширное определение языковой игры. Л. Витгенштейн утверждал, что «весь процесс употребления слов в языке можно представить как одну из тех игр, посредством которой дети осваивают родной язык. Я буду эти игры называть «языковыми играми» (Витгенштейн, 1994, с. 84). За последние годы, в современной лингвистике, термин *языковая игра* получил более точное определение: языковая игра рассматривается как стилистический прием, созданный осознанным нарушением образцовых языковых норм и правил, принятых в языке. В таком случае языковую игру мы не можем противопоставлять языковой ошибке, возникшей в последствии неумышленного нарушения норм языка. Несмотря на очевидность различия, не всегда так просто поставить границу между языковой игрой и ошибкой. И если реципиент не постигнет это различие, не увидит скрытый смысл, то легко может принять языковую игру как ошибку. В том случае, если читатель улавливает другой смысл, он может проникнуть в особенную и своеобразную коммуникацию. Соответственно, согласно мнению немецкого лингвиста Ф. Й. Гаусмана, языковую игру можно назвать «ошибкой со смыслом» (Симутова, 2008).

Лингвистический прием языковой игры в политическом дискурсе, наиболее часто используется для создания комического эффекта, так как сущность комического и языковой игры очень близки, и связанны с нарушением норм. Согласно определению современного исследователя Б. Дземидоку: «Все комические явления отвечают двум условиям: во-первых, любое можно считать в каком-то смысле отклонением от нормы, во-вторых, ни одно не угрожает личной безопасности познающего субъекта, не вызывает страха» (Дземидок, с. 56).

В современном русском языке можно выделить несколько основных видов языковой игры. Исходя из работы коллектива Й. Газду и Я. Отевржеловой, установлены следующие типы языковой игры:

1. Графические игры

По мнению Й. Газду и Я. Отевржеловой, данный языковой приём довольно новый и используется, в первую очередь, для привлечения внимания читателей.

Авторы в своей работе выделили несколько основных графических приёмов:

а) употребление латиницы,

б) нестандартное использование прописных букв,

в) повторение букв,

г) употребление вышедших из употребления знаков кириллицы.

2. Фоностилистические игры

По мнению авторов, это самый употребительный вид языковой игры, который основан на разных звуковых ассоциациях. В данной группе используются следующие разновидности:

а) рифмы,

б) паремия,

в) созвучие по смыслу не связанных слов,

г) паромазия,

д) аллитерация.

3. Игры со смыслом

В данную группу относятся *антонимические названия,* используемые для выразительности текста. Следующей разновидностью является *парадокс*. Парадокс – определенное построение высказывания, при котором обнаруживается логическая несовместимость его составных мыслей. Иногда парадокс, может реализовываться в качестве оксюморона.

4. Игры на уровне построения высказывания

Данные приемы, основываются на особенностях синтаксического построения высказывания.

5. Аллюзии

Аллюзия – это стилистическая фигура, ссылающаяся на общеизвестные высказывания, т.е. прецедентные тексты, либо крылатые выражения.

6. Афоризмы, шутливые изречения

Афоризмы являются самым творческим способом языковой игры (Газда, Отевржелова, 2006).

Анализ

В первом примере языковую игру мы наблюдаем в карикатуре, которая была публикованная на риа.ру.

(ria.ru, 02.02.2017, https://ria.ru/caricature/20170202/1487054357.html?inj=1)

После заглавия «Продавец воздуха» и короткого текста понятно, что речь идёт о вступлении Украины в НАТО и высказывании президента Украины П. Порошенко о будущем выступлении в референдуме по членству в альянсе. Карикатурист, В. Подвицкий – представил президента Украины П. Порошенко в образе уличного торговца, предлагающего всем свой товар. Цель карикатуры иронизировать о намерениях Порошенко. Ирония присутствует и в самом заглавии карикатуры. В приведенной выше карикатуре обыгрываются слова *НАТО* и *надо* (в данном случае, *нада*). Таким образом, в данном примере выполняется намерение автора привлечь внимание читателей и оказать на них влияние, формировать у них негативное мнение о президенте. Следовательно, используя приём языковой игры в карикатуре, автор пытается негативно воздействовать на читателя.

Следующий пример связан с важными событиями, происходившими в России в 90-х годах. На карикатуре под заголовком «О цене путча 1991-го четверть века спустя», изображены М. Горбачёв и В. Путин. Таким способом выражен 25-летний период, от путча до современности. Языковая игра присутствует в тексте карикатуры «Почём ПУТЧок», где обыгрываются два слова: *путч* (государственный переворот, совершенный группой заговорщиков, или попытка переворота) и *пучок* (небольшая связка чего-л.) при помощи суффикса *-ок*. В языковой игре присутствуют графические

средства воздействия: большими буквами написано слово ПУТЧ и маленькими – суффикс -ок.

(19.08.2016, https://www.dw.com/ru/о-цене-путча-1991-го-четверть-века-спустя/а-19487038)

В следующей карикатуре обыгрывается культурный стереотип, связанный с Россией. Эта карикатура появилась после предложения премьер-министра Д. Медведева переименовывать названия блюд и напитков, в которых есть упоминание об Америке, на русский манер. Так, в частности, американо было предложено заменить на русиано. Автор карикатуры обыграл данную ситуацию, представив стереотипное представление о том, что в России предпочитают пить не кофе, а водку:

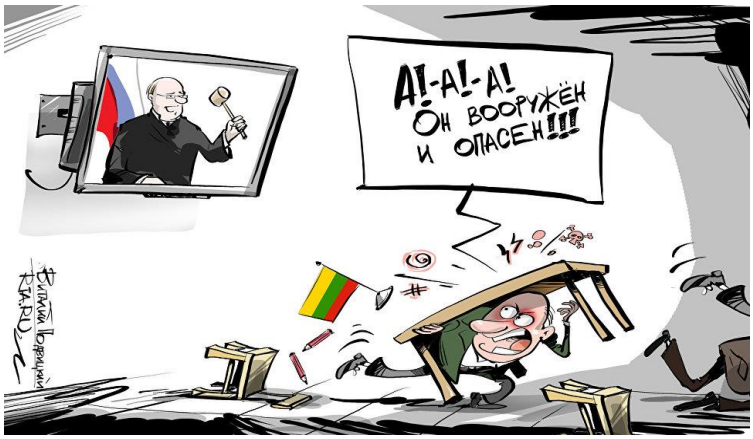
(16.11.2016, https://ria.ru/society/20161116/1481524515.html)

В российских медиа появилась ироническая карикатура, на которой опять изображён президент России – В. Путин. Президент на карикатуре показан в образе снежной королевы, он обращается к Шейку, называя его именем Кай, которое является прецедентным именем из сказки Снежная королева. Из заглавия мы узнаем информацию о том, что речь идет о договоре между Россией и странами ОПЕК, которые решили заморозить добычу «черного золота». Языковая игра в этой карикатуре основывается на

обыгрывании двух значений глагола *заморозить*, у которого есть следующие определения: 1. Подвергнуть что-либо действию сильного холода, или 2. Задержать, приостановить ход, развитие чего-л.; оставить на прежнем уровне или неиспользованным (Ушаков, 1940).

(17.02.2016, http://u-news.com.ua/30663-set-vzorvala-svezhaya-karikatura-na-putina.html)

В следующем примере в качестве прецедентного феномена выступает название известного в советское время кинофильма «Вооружен и очень опасен». В данном случае это определение используется для описания ситуации, при которой власти Литвы отказались принимать российских судей, заявив об их угрозе для безопасности страны. Изображение судьи с молотком председателя имплицирует значение того, что единственное оружие судьи – его беспристрастность, которая и напугала власти сопредельного с Россией государства.



(ria.ru, 06.12.2016, https://ria.ru/politics/20161206/1482954177.html)

Фразеологический уровень реализации языковой игры находит отражение и в следующем примере:

(yaplakal.com, 10.06.2016, https://poembook.ru/poem/909386-zatknite)

В данном случае в карикатуре актуализируется значение фразеологизма «когда рак на горе свистнет» (т.е. никогда).

См. и некоторые примеры, выполняющие функции заголовков, напр.: ***Ответит ли Сердюков за шурина?***

Данная статья посвящена новости о том, что против экс-министра обороны А. Сердюкова возбуждено уголовное дело в халатности в связи со строительством дороги к даче шурина. Бывшего министра обороны обвиняют в том, что за счет министерства он незаконно построил автодорогу к личной даче мужа своей сестры Валерия Пузикова в Астраханской области. Выбрав данный прецедентный текст, автор с иронией обыграл ситуацию, в которой оказался бывший министр.

В качестве заголовка послужило заглавие другой статьи – ***Послушай, Зин, не трогай шурина!***, которое нашло место на странице газеты Труд (см. Труд, 29.11.2013, http://www.trud.ru/article/29-11-2013/1303900_otvetit_li_serdjukov_za_shurina.html).

Второе заглавие является прецедентным феноменом – это известная песня Вл. Высоцкого ***Послушай, Зин, не трогай шурина!***

См. и другой пример: ***За железным занавесом из картонки*** (Труд, 09.08.2016, ttp://www.trud.ru/article/09-08-2013/1298140_za_zheleznym_zanavesom_iz_kartonki.html).

В данном случае имеется указание на понятие «железный занавес», который ассоциируется с политикой советского правительства, проводимой в годы "холодной войны", направленной на прекращение культурных, научных и иных контактов с Западом. Статья под таким заголовком посвящена проблеме нелегальной трудовой

миграции. Складывается парадоксальная ситуация: власти рапортуют об ужесточении контроля за трудовыми мигрантами, а их количество в стране постоянно растет.

Ниже приведем и другие заглавия статей, нашедшие место на страницах указанной газеты, напр.: ***Столыпинский призыв министра Топилина*** (Труд, 15.11.2016, http://www.trud.ru/article/15112013/1303086_stolypinskij_prizyv_ministra_topilina.html).

В заголовке содержится указание на премьер-министра П. Столыпина, предложившего в 1906 г. аграрную реформу, завершившуюся неудачей, а также М. Топилина, министра труда и социальной защиты РФ, который попытался провести подобную реформу, также не увенчавшуюся успехом.

См. и следующий пример: ***Шапка Пескова*** (Труд, 16.08.2016, http://www.trud.ru/article/16-08-2013/1298526_shapka_peskova.html).

В приведенном заголовке содержится ссылка на понятие «Шапка Мономаха», главную регалию русских великих князей и царей, одну из царских шапок, символ самодержавия в России. Выражение «Тяжела ты, шапка Мономаха» означает ношу, бремя, ответственность человека на каком-либо посту, в данном случае – пресс-секретаря президента РФ.

Заключение

На основании выше изложенного мы можем сделать следующие выводы:

1. Языковая игра используется с целью привлечения внимания читателей к важной информации.
2. С помощью языковой игры в карикатурах проявляется ирония, также даётся оценка важным политическим события, государственным деятелям, их высказываниям и принятым ими решениям.
3. Используя языковую игру, автор пытается навязать своё субъективное мнение читателям и таким способом может формировать общественное мнение. Следовательно, языковая игра может выполнять манипулятивную функцию.
4. Наши наблюдения показывают, что в СМИ всё чаще встречается использование приёма языковой игры.

Список использованной литературы

1. ВИНТГЕШТЕЙН, Л. 2000. *Философские работы. Часть I.* Пер. с нем. Сост., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. 2000. 199 с. ISBN: 5-7333-0485-6.

2. ГАЗДА, Й. ОТЕРЖЕЛОВА, Я. 2006. Языковая игра в газетных заголовках. In: *Przeglad Rusycystyczny*. Katowice: Polskie towarzystwo rusycystyczne, 2006. roč. XXVIII, č. 3 (115). s. 19-30. ISSN 0137-298X.
3. ДОБРОСЛАВСКАЯ, Т. Г. 2008. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. Москва, 2008. 203 с. ISBN 978-5-9765-0273-4.
4. ДЗЕМИДОК, Б. 1974. *О комическом*. Москва: Прогресс, 1974. 223 с. ISBN: 5-94457-037-7.
5. ДУСКАЕВА, Л. Р. 2012. *Интенциональность медиаречи: онтология и структура.* Медиатекст как полиинтенциональная система. СПб.: Питер, 2012. 180 с.
6. СИМУТОВА, О. П. 2008. *Языковая игра в словообразовании: на материале немецкого и русского языков*. [диссертация]. Уфа, 2008. 206 с.
7. УШАКОВ*, Д. Н.* 1940. *Толковой словарь Ушакова*. [online]. Доступно на: *<https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>*

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy V

Mgr. Michal Mikuláš

Mgr. Miroslava Danišková

Mgr. Lizaveta Madej

Vydalo vydavateľstvo Stimul v roku 2018

Grafická úprava: Mgr. Martin Krajčík

Korigovali editori

Rozsah 106 strán, prvé vydanie

ISBN 978-80-8127-229-5

EAN 9788081272295

Nové tendencie MLADÁ RUSISTIKA a trendy V

ISBN 978-80-8127-229-5